

*Дніпропетровський національний університет
імені Олеся Гончара*

МАТЕРІАЛИ

**Четвертої всеукраїнської
науково-практичної конференції
з міжнародною участю**

«Сучасні соціально-гуманітарні дискурси»

ЧАСТИНА I

*22 березня 2014 р.
м. Дніпропетровськ*

УДК

ББК

С

Рецензенти:

д-р політ. наук, проф. Шепелєв М. А.

д-р філос. наук, проф. Шевцов С. В.

Друкується за рішенням Вченої ради

факультету суспільних наук і міжнародних відносин

ДНУ ім. Олеся Гончара

(Протокол № 9 від 20 березня 2014 р.)

Редакційна колегія:

д-р філос. наук, проф. Токовенко О. С. (науковий редактор), д-р істор. наук, проф. Городяненко В. Г., д-р політ. наук, доц. Тупиця О. Л., д-р філос. наук, проф. Осетрова О. О., к. політ. наук, доц. Пащенко В. І. (відп. секретар).

С__ «Сучасні соціально-гуманітарні дискурси». Матер. IV всеукр. наук. конфер. з міжнар. участю. м. Дніпропетровськ, 22 березня 2014 р.): у 3-х частинах. – Д.: ТОВ «Інновація», 2014. – ч. 1. – 216 с.

У збірнику подано матеріали Четвертої всеукраїнської наукової конференції з міжнародною участю «Актуальні проблеми соціально-гуманітарних наук», яка відбулася 22 березня 2014 р. Коло обговорених проблем: політичні науки в Україні та світі, зовнішня політика України та міжнародні відносини, досягнення філософії та культурологія, проблеми та перспективи історичної науки в Україні, соціологія та соціальна робота, регіоназнавство та краєзнавчі дослідження.

Для науковців, викладачів вищих навчальних закладів, а також аспірантів і студентів соціально-гуманітарних факультетів.

ISBN

УДК

ББК

© Дніпропетровський національний
університет імені Олеся Гончара, 2013

© Колектив авторів

ЗМІСТ

Секція «Зовнішня політика України та співпраця з Європейським Союзом» Секция «Внешняя политика Украины и сотрудничество с Европейским Союзом»

Гнатюк Т.О.	Співпраця України та ЄС у сфері міграції	7
Ляшко А.Є.	Позиція України щодо політичного врегулювання Югославського конфлікту	10
Гінчук О.В., Вознюк Є.В.	Українсько-польське співробітництво за президентства В. Ющенка та Л. Качинського	13
Новоскольцев Г.	Тероризм як глобальна проблема сучасності	16
Новоскольцева Л.О.	Тероризм як глобальна проблема сучасності	24

Секція «Міжнародні відносини та інтеграційні процеси» Секция «Международные отношения и интеграционные процессы»

Антонов О.В.	Международные интеграционные процессы и государственная власть – социально-философский контекст	27
Вербицкая В.В.	Виртуальное измерение как новая плоскость осуществления дипломатической деятельности	29
Джилаван А.С.	Роль «мягкой силы» в неоосманской парадигме современной внешней политике Турции	32
Константинова В.А.	Факторы формирования и основные принципы внешней политики Восточной Республики Уругвай на современном этапе	35
Сирота Н.М., Сорокина Е.Е.	Мэтры американской геополитики об эволюции мировой системы	38
Щербатюк Д.В.	Место ШОС в интеграционных процессах Евразии	41
Чаплыгин П.В.	Эволюция правового законодательства ЕС и РФ в сфере приграничного сотрудничества	45

Секція «Політичні інститути та процеси в Україні та світі» Секция «Политические институты и процессы в Украине и мире»

Гайкалова Н.В.	Координати України в полі інформаційного протистояння: геополітичний аспект	48
Гримайлова П.	Бедная богатая Украина	51
Короткова М.	Демократия в Украине – миф или реальность?	54
Маркова О.А.	Влияние института религии на политический процесс	55

Работягова І.В.	Протополітична демократія в Україні як віддзеркалення слабokonкурентності політичного ринку	57
Секція «Історичний досвід України: держава, економіка, люди» Секція «Исторический опыт Украины: государство, экономика, люди»		
Бодрухин В.М.	Половецькі хани Шаруканиди	59
Мельниченко А.М.	Джерельна база дослідження реформ М. Хрущова в сфері покращення життя народу	62
Радченко Н.М.	«Свод законов Российской империи» як джерело з вивчення історії розвитку кредитних установ України (друга половина XIX – початок XX ст.)	65
Соловьев К.А.	Национальные движения Восточной Галиции второй половины XIX – начала XX в. в современной российской историографии	67
Секція «Процеси і тренди світової історії» Секція «Процессы и тренды мировой истории»		
Кузеванов В.М.	Постакадемический процесс кризиса мировой истории и его украинское зеркальное отражение	70
Манякин Л.В.	Социальная перцепция при межэтническом восприятии в казахстанском обществе в начале XXI века	74
Писаный Д.М.	Как победить работорговлю? Взгляды великого путешественника и офицера флота	87
Шумский Л. Н.	К вопросу об актуальности идей Карла Шмитта на постсоветском дискурсивном пространстве	90
Секція «Регіонознавство та краєзнавчі дослідження» Секція «Регионоведение и краеведческие исследования»		
Златина М.А.	«Мытарства» ковенских высленцев – евреев в Полтавской губернии (май – июнь 1915 года)	92
Ибрагимова З.Х.	Первые советские чеченские писатели и архивные материалы: выжившие и погибшие	95
Килимник Е.В.	Особенности феодального замка в средневековой культуре Западной Украины и Белоруссии	100
Ибрагимова З.Х.	Из истории военных заимствований противоборствующих сторон в годы Кавказской войны	105

Кириллова Е.А.	Деревни, села, сельца, выселки русских в Мордовском крае	110
Манякин Л.В.	Акмола: белая могила или белое изобилие?	113
Секція «Філософія та релігієзнавство» Секция «Философия и религиоведение»		
Домнич С.П.	К вопросу о дискурсивной природе речевых практик (методологические подходы дискурсивного анализа языка)	122
Дубинина В.А.	Социально-культурная парадигма современного образования в высшей школе	126
Кириллова Д.С.	Интерактивность феномена игры в виртуальной реальности	128
Ковалец М.С.	Корреляция объектов в новой метафизике	130
Корупятник И.В.	Категория свободы и проблема ее определения в современной философской литературе	132
Левченкова О.Б.	П.Д. Юркевич о философии и научном знании	134
Мальшев В.С., Герашенко Л.Л.	К вопросу о будущем современного искусства. Введение в социокультурное прогнозирование	137
Николаева- Чинарова А.П., Герашенко Л.Л.	Философия управления как культура	142
Павленко И.В.	Концепт истины в греческом языке классического периода	147
Мальшев В.С., Герашенко Л.Л.	Социокультурное прогнозирование на современном этапе развития	150
Рубежанский С.И.	Влияние дискурса на массовое информационное пространство	155
Рязанцев А.А.	Рекламная культура как аспект исследования современных культурных ценностей	158
Самченко В.Н.	Опыт ритмического изложения основ философии: введение, логика, диалектика	164
Сладнева О.Г.	Религиозный аспект харизмы	167
Стовпець О.В.	Философские интерпретации категории «культура» в международных отношениях	169
Сухина И.Г.	Культура и история: ценностно-антропологическое понимание проблемы соотношения	172

Секція «Сучасна освіта: методологія, теорія і практика»
Секция «Современное образование: методология, теория и практика»

Аблаев Э.А.	Учитель в достижениях современной японской школы	175
Абрамова Н.Н.	Концепции профессионально-личностного самоопределения учителя	180
Бахтіярова Х.Ш.	Рівні методологічного знання в педагогіці вищої школи	184
Брацун І.Л.	Розкриття концептуальних підходів сутності освіти	186
Ефимова А.Н., Карчава О.В.	Роль английского языка в мировых процессах	188
Коваленко И.П.	Образовательный туризм: опыт развития навыков межкультурной коммуникации на примере Europa-Studien-Projekt	191
Савич А.В., Черновол Л.И.	Роль и значение гуманитарных наук в становлении современного инженера	194

Секція «Історія педагогіки та освіти»
Секция «История педагогики и образования»

Баснаева А.С.	К.Д. Ушинский и его последователь научной педагогики Исмаил Гаспринский	197
Москальова О.І.	Деякі аспекти технології застосування опорних конспектів: досвід педагога-новатора С. Шевченка	202
Скворцова С.В.	Понятие «метод обучения» в педагогике Великобритании. Исторический аспект	205

Секція «Теорія і методика навчання і виховання»
Секция «Теория и методика обучения и воспитания»

Горбузова М.С., Соловьева В. В.	Взаимосвязь форм самостоятельной работы с уровнями сформированности исследовательских умений у студентов педвузов	208
Відомості про авторів / Сведения об авторах		213

Секція «Зовнішня політика України та співпраця з Європейським Союзом»

Секція «Внешняя политика Украины и сотрудничество с Европейским Союзом»

Гнатюк Т.О.

СПІВПРАЦЯ УКРАЇНИ ТА ЄС У СФЕРІ МІГРАЦІЇ

Безпосереднє сусідство після розширення Європейського Союзу у 2004 р. сприяло налагодженню тісної співпраці у міграційній сфері між Україною та ЄС. Європейський Союз виступає основним донором багатьох програм з управління міграцією, які здійснюються державними органами України, міжнародними та неурядовими організаціями.

Основними напрямками співпраці України та ЄС є візова лібералізація, управління державними кордонами, трудова міграція, допомога певним категоріям осіб, які залучені до міграційних процесів (серед них біженці та шукачі притулку, особи похилого віку, що залишилися без догляду).

Візова лібералізація. Спільна робота України та ЄС у напрямку лібералізації руху осіб була розпочата з укладення у 2005 р. Плану дій «Україна-Європейський Союз», що передбачав започаткування діалогу з метою підготовки до укладення угоди про спрощення візового режиму. У 2005 р. Україна зі свого боку скасувала візовий режим для громадян країн-членів ЄС. Продовжуючи співпрацю між Україною та ЄС у 2006 р. підписано Угоду про спрощення оформлення віз, в якій окреслено коло осіб, для яких віза видається за спрощеними вимогами, та зменшено кількість необхідних документів для підтвердження мети подорожі. З укладенням Порядку денного асоціації Україна-ЄС для підготовки і сприяння імплементації Угоди про асоціацію у 2009 р. було підкреслено важливість продовження візового діалогу і серед іншого привернуто увагу до безпеки документів та незаконної міграції. У 2010 р. Україні було представлено План дій щодо лібералізації ЄС візового режиму для України, а у 2012 р. внесено зміни до Угоди про спрощення оформлення віз і розширено перелік пільгових категорій українських громадян для отримання Шенгенської візи. Виходячи з укладених документів, співпраця України з ЄС у напрямі візової лібералізації активно проводилася у період 2005–2009 рр., натомість починаючи з 2010 р. робота України у даному напрямі мала формальний підхід, що проявлялося в ухваленні законопроектів низької ефективності, формулюванні заходів із мінімальними затратами фінансових і організаційних ресурсів країни.

Визнаючи скасування візового режиму для українських громадян як довготривалу перспективу, Європейський Союз прагнув пом'якшити для жителів прикордонних територій негативні наслідки запровадження візового режиму після приєднання до ЄС країн-сусідів України. Збереження і розвиток родинних, соціальних, економічних і культурних зв'язків стало метою запровадження місцевого прикордонного руху. Відповідні угоди були укладені Україною з Угорщиною, Словаччиною і Польщею. Найбільш успішно діють угоди з Угорщиною і Польщею.

Управління державними кордонами. Співпраця України з Європейським Союзом щодо зміцнення кордонів є найбільш успішною, завдяки фінансовій, організаційній і технічній допомозі ЄС. Допомога Україні від Європейського Союзу у питаннях управління кордонами здійснюється з 2001 р. у рамках Седеркопінгського процесу – Процесу прикордонного співробітництва між 13 державами, які знаходяться вздовж східного кордону ЄС. Основними завданнями Процесу стало приведення законодавства, політик та практик України з питань міграції та надання притулку у відповідність із стандартами ЄС, а також створення ефективною та життєздатною мережі у зазначених сферах серед країн-учасниць.

З 2007 р. розпочався Проект ЄС «Політика Європейського сусідства і партнерства». Важливим аспектом проекту є покращення прикордонного співробітництва з країнами-східними сусідами ЄС. Для України на 2007–2013 рр. були розроблені Стратегічна програма та Національна індикативна програма. У Національній індикативній програмі на період 2007–2010 рр. розвиток системи інфраструктури стосовно управління кордонами передбачався через технічну допомогу і розглядався у зв'язку з питаннями реадмісії. Серед досягнутих результатів: спільні операції України з FRONTEX щодо укріплення зовнішнього кордону ЄС, який межує з Україною; демаркація кордонів з Молдовою (окрім ділянки з Придністров'ям); прогрес у сфері демаркації кордонів з Білоруссю; співпраця Державної прикордонної служби України з FRONTEX щодо аналізу ризиків, спільні операції та управління, проведення проекту щодо громадського порядку і управління натовпом.

Фінансова допомога Європейського Союзу для України є значною. Наприклад, у 2010 р. Європейська Комісія виділила для розвитку програми управління кордонами в Україні 66 млн. євро. Крім цього Україна також отримує фінансування ЄС у рамках багатосторонніх програм міжкордонної співпраці Польща–Білорусь–Україна, Угорщина–Словаччина–Румунія–Україна, Румунія–Україна–Молдова, Басейн Чорного моря.

Ряд проектів Європейського Союзу стосувалися укріплення кордонів між Україною та Молдовою. Наприклад, у 2011–2013 рр. Місія ЄС з допомоги кордону в Молдові та Україні (обсяги фінансування 21 млн. євро) працювала у сфері розвитку процедур управління кордонами відповідно до стандартів ЄС, забезпечення потреб українських громадян, подорожувачих та торгівлі з метою забезпечення регіональної безпеки та економічного розвитку. В результаті місії більше 5 тис. прикордонників та працівників митниці відвідали відповідні тренінги, а урядом України було прийнято План заходів щодо реалізації Концепції інтеграційного управління кордонами.

Значну увагу ЄС приділяє освіті українських прикордонників. Так, у межах проекту «Підвищення ефективності Прикордонної служби в аналізі ризиків та злочинів» на 2013–2014 рр. передбачено обладнання та тренінги для прикордонників на східній та північній ділянках українського кордону (обсяги фінансування – майже 408 тис. євро).

Крім того, Управління Верховного Комісара ООН у справах біженців (УВКБ ООН) у рамках Регіонального проекту підтримки захисту біженців, який фінансується ЄС, надає Прикордонній службі України

юридичну, технічну та інформаційну підтримку: проводяться тренінги для співробітників, моніторинг кордонів та центрів тимчасового затримання з наданням в них перекладацьких і юридичних послуг для шукачів статусу біженця; надаються інформаційні матеріали (наприклад, електронні посилання з інформацією про країни-походження мігрантів), контакти перекладачів, відповідне законодавство у сфері притулку тощо.

Трудова міграція. З березня 2011 по березень 2014 рр. Європейський Союз фінансував проект «Ефективне управління трудовою міграцією та її кваліфікаційними аспектами» (обсяги фінансування 1,5 млн. євро), що був спрямований на зміцнення спроможності України та Молдови регулювати трудову міграцію і сприяти сталому поверненню, з особливим наголосом на розвиток людських ресурсів та запобігання втрат кваліфікованих кадрів. У межах української частини проекту, який координувала Міжнародна організація праці, було здійснено ряд досліджень, в результаті яких запропоновано пропозиції щодо розроблення та впровадження системи визнання неформального навчання у сфері будівництва, туризму та громадського харчування, досліджено зв'язок між освітою та міграцією в Україні, визначено роль приватних агенцій зайнятості в Україні, здійснено аналіз вакансій і потреб у кваліфікованих кадрах у країнах ЄС та в Україні, досліджено міжнародну мобільність українських освітян та науковців. Крім того, у рамках проекту було проведено масштабне модульне вибіркове обстеження населення (домогосподарств) з питань трудової міграції в Україні, яке дозволило встановити обсяги трудової міграції з України у період з січня 2010 р. по червень 2012 р.

Особи, які залучені до міграційних процесів. Європейський Союз фінансує програми допомоги біженцям та шукачам притулку в Україні. Так, у 2013 р. закінчилася Регіональна Програма захисту, яка здійснювалася УВКБ ООН в Білорусі, Молдові та Україні (бюджет 1,5 млн. євро). Метою Програми було створення ефективної системи притулку відповідно до міжнародних стандартів. У рамках Програми здійснювалося прикордонне співробітництво, моніторинг доступу до системи притулку (правові консультації та допомога затриманим шукачам притулку в місцях тримання та прикордонних пунктах), підвищення професіоналізму державних службовців (працівників прикордонної та міграційної служби, суддів), надання технічної допомоги державним органам тощо.

Проект «Місцева інтеграція біженців у Білорусі, Молдові та Україні» тривав протягом 2009-2013 рр. і на 80% фінансувався Європейським Союзом (загальна сума фінансування 3,5 млн. євро). В результаті проекту пряму допомогу у вигляді інтеграційних грантів отримали 363 біженці, включаючи членів їхніх сімей, 137 біженців закінчили мовні курси, 25 біженців працевлаштовані. Значні кошти були спрямовані на допомогу уряду та громадським організаціям для підтримки інтеграції біженців на місцях. Уряд України прийняв План заходів щодо інтеграції біженців та осіб, які потребують додаткового захисту, в українське суспільство на період до 2020 року (2012 р.). Однак через відсутність державного фінансування заходи Плану фактично не виконуються.

З метою зменшити негативні соціальні наслідки від міграції для людей

похилого віку, які залишилися без нагляду, у 2011 р. було розпочато проект «Заповнюємо пропуск: догляд за невиліковно хворими та особами похилого віку, які залишилися без нагляду» (загальна сума фінансування 520 тис. євро). Проект здійснюється організацією Карітас і наразі діє лише у сільській місцевості біля міст Харків і Чортків.

Ляшко А.Є.

ПОЗИЦІЯ УКРАЇНИ ЩОДО ПОЛІТИЧНОГО ВРЕГУЛЮВАННЯ ЮГОСЛАВСЬКОГО КОНФЛІКТУ

Балканський півострів через особливості свого розташування є одним із місць зіткнення інтересів різних держав. Можна зауважити, що вся історія Балкан – це серія конфліктів, зумовлених багатьма чинниками – насамперед національними, релігійними та етнічними. Зрештою, на Балканах склався досить своєрідний культурний, економічний і політичний простір, на якому перетнулися народи, релігії та культури. Суперництво певних політичних сил неодноразово породжувало конфлікти навколо косовського питання. Були спроби розв'язання їх застосуванням збройної сили та за допомогою переговорного врегулювання. Мирний шлях подолання балканської кризи є передумовою участі в політичних процесах, консультаціях, переговорах та нарадах багатьох країн світу. Проте участь України у цих подіях ще не отримала належної наукової оцінки.

Україна є членом багатьох універсальних міжнародних організацій, у фундації яких вона брала участь (ООН та ін.). Наша держава входить до складу престижних міжнародних організацій, зокрема Міжнародного валютного фонду, Міжнародного банку реконструкції та розвитку. Також Українська держава стала повноправною учасницею Організації з безпеки і співробітництва в Європі (ОБСЄ), підписала документи про співробітництво та партнерство з Європейським Союзом (ЄС), НАТО, Західноєвропейським Союзом (ЗЄС). Багато зусиль було докладено, щоб стати повноправним членом такої впливової міжнародної регіональної інституції як Рада Європи (РЄ).

Беручи участь у роботі зазначених організацій, Україна завжди приділяла значну увагу подіям, які відбуваються на теренах колишньої Югославії. Так, у 1992 р. наша держава розпочала активну участь у спробах міжнародного співтовариства врегулювати конфліктну ситуацію на Балканському півострові. Як відомо, з метою уникнення жертв із числа цивільного населення та сприяння політичному урегулюванню конфлікту Рада Безпеки ООН 21 лютого 1992 р. прийняла резолюцію за № 743 про створення миротворчих сил ООН із охорони на території колишніх югославських республік загальною чисельністю близько 50 тис. осіб.

На виконання цієї резолюції наша держава відправила до Сараєво військовий підрозділ чисельністю 420 осіб. Згодом їх кількість зросла до 1220 осіб. Правовою підосновою участі українського миротворчого контингенту в колишній Югославії були постанови Верховної Ради України «Про участь батальйону Збройних Сил України в миротворчих силах

Об'єднаних Націй у зонах конфліктів на території колишньої Югославії» від 3 липня 1992 р. [1] та «Про збільшення чисельності батальйону Збройних Сил України в Миротворчих Силах ООН на території колишньої Югославії та надсилання групи військових спостерігачів» від 19 листопада 1993 р. [2]. За період конфлікту миротворчу місію виконували близько семи тисяч українських військовослужбовців, із них загинуло 15 і дістали поранення понад 50 українців [3]. Протягом усього періоду збройного протистояння на території цієї балканської держави Україна висловлювала готовність до розширення і поглиблення своєї участі в миротворчих місіях у колишній Югославії, які проводяться під егідою ООН.

Важливою особливістю підходу нашої держави щодо процесів урегулювання конфлікту була спроба виробити неупереджене ставлення до кожної зі сторін конфлікту. Саме така позиція України отримала високу оцінку з боку всіх сторін конфлікту, послугувавши запорукою сприятливого ставлення до українських миротворців. Об'єктивна позиція України неодноразово набувала підтвердження в дипломатичних акціях, що відбувалися протягом усього конфлікту в Боснії та Герцеговині.

Упродовж усього конфлікту, а надто у 1995 році, Міністерство зовнішніх зносин України (далі – МЗС) неодноразово виступало ініціатором припинення бойових дій та початку перемовного процесу. Важливим кроком до врегулювання конфлікту стала ініціатива Президента України Л.Д. Кучми, висунута у серпні 1995 року, щодо можливості спільної зустрічі лідерів сторін конфлікту та всіх зацікавлених країн і представників міжнародних організацій у Києві [4].

У квітні 1992 р. боснійські серби розпочали збройну боротьбу за відокремлення від Боснії та Герцеговини. Сербія стала надавати останнім усебічну військово-політичну допомогу. 30 квітня 1992 р. Рада Безпеки ООН оголосила Сербію «агресором у Боснії та Герцеговині» та розпочала, згідно з резолюцією 757 Ради Безпеки ООН, щодо неї широкомасштабні санкції, що фактично доповнювали санкції ООН проти ОФРЮ, запроваджені у вересні 1991 р. [5].

Ставлення України до цього процесу базувалося на визнанні примату міжнародного права у міжнародних відносинах. Отже, Україна завжди неухильно дотримувалася режиму санкцій, попри завданні у зв'язку з цим економічні збитки. Наша держава вийшла з режиму санкцій стосовно Сербії та Чорногорії лише після призупинення їх міжнародною спільнотою [6].

Такий послідовний, виважений курс на політичне врегулювання конфлікту у Боснії зумовив позитивний вплив на всю світову громадськість. Свідченням цього стало запрошення України на міжнародні конференції з питань урегулювання Боснійської кризи (зокрема, йдеться міжнародну зустріч у Лондоні 21 липня 1995 р.) та на конференції, скликані після парафування рамкової угоди в Дейтоні (зустріч у Лондоні 1-9 грудня 1995 р.). Україна також брала участь у мирній конференції у Парижі (14 грудня 1995 р.), де відбулась урочиста церемонія підписання мирної угоди між сторонами конфлікту, та цілій низці міжнародних зустрічей із питань подальшої співпраці у галузі імплементації мирної угоди щодо Боснії, подальшої допомоги у відбудові Боснії та Герцеговини і регіональної

стабілізації [7].

Отже, протягом усього конфлікту в Боснії Україна намагалася провадити послідовну політику щодо його мирного врегулювання шляхом постійних консультацій між сторонами конфлікту та дотримання всіх основних принципів міжнародного права. Позиція України завжди базувалася на принципах поваги до суверенітету територіальної цілісності, недоторканності кордонів і державної незалежності кожного з колишніх суб'єктів СФРЮ, дотримання прав усіх національних меншин та етнічних груп, згідно з нормами міжнародного права, безумовного виконання всіма сторонами конфлікту відповідних резолюцій Ради Безпеки ООН, а також невизнання всіх територіальних надбань, отриманих за допомогою сили.

Що стосується косовського конфлікту, то його характерною особливістю є те, що досить скоро відбулась інтернаціоналізація конфлікту, а саме після подій на початку весни 1998 р. Тоді країни-учасниці НАТО, передусім Велика Британія та США, попередили уряд Слободана Мілошевича щодо необхідності припинення збройних акцій у Косово і вдалися до певних економічних санкцій (заборона країнам ЄС робити подальші капіталовкладення в економіку Сербії та заморожування сербських активів у цих країнах).

Поступово від політики економічного тиску країни Північно-Атлантичного союзу перейшли до спроб силовими методами досягти результатів у розв'язанні косовського питання. Лише згода Слободана Мілошевича на всі вимоги, викладені в резолюції за № 1199 Ради Безпеки ООН (зокрема, виведення регулярних збройних сил та контингентів спецполіції СРЮ з Косово, створення умов для повернення албанських біженців у місця їх постійного мешкання дозволило уникнути застосування сили.

Вважаємо, що це відбулося, серед іншого, і завдяки активній позиції України, яка також на той час брала активну участь у намаганнях щодо мирного врегулювання косовського конфлікту та запобіганні спроби його вирішення за допомогою сили.

Прикладом активної позиції нашої держави у вирішенні означеної складової сербсько-косовського конфлікту є те, що Верховна Рада України у своїй заяві від 19 лютого 1999 р. із приводу подій у Косово наголосила, що Україна, послідовно дотримуючись принципів мирного врегулювання будь-яких міжнародних проблем, рішуче засуджує наміри вирішити проблему Косово і Метохії силовими методами, прагне подолати політичну кризу в Косово політичним шляхом, на засадах міжнародно-правових норм, якими затверджено недоторканність і територіальну цілісність суверенних держав [8].

Парламент України закликав сербську владу і лояльних представників албанської общини Косово зупинити насильницькі дії та здійснити спроби вирішити проблему автономії на мирному, цивілізованому ґрунті. Водночас Верховна Рада звернулася до парламентарів та урядів Європи, до всього світового товариства із закликом уникнути застосування сили у вирішенні цієї проблеми. Україна наголосила, що базисом мирного врегулювання і надалі повинно залишатися збереження територіальної цілісності СРЮ

з наданням широкої автономії Косово. Наша держава також підтвердила готовність направити своїх представників до складу контингенту міжнародних цивільних спостерігачів у Косово, взявши на себе провідну роль [9].

Таким чином, аналіз діяльності органів влади та управління нашої держави дозволяє дійти висновку, що зовнішня політика України щодо врегулювання кризових явищ загалом і в Балканському регіоні зокрема передусім ґрунтується на використанні міжнародно-правових інститутів як бази для врегулювання кризових явищ у рамках чинного міжнародного права шляхом мирного їх врегулювання із запобіганням застосуванню силових методів.

Література:

1. Про участь батальйону Збройних Сил України в миротворчих силах Об'єднаних Націй у зонах конфліктів на території колишньої Югославії : Постанова Верх. Ради України від 03 лип. 1992 р. // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 1992. – № 38. – Ст. 564.

2. Про збільшення чисельності батальйону Збройних Сил України в Миротворчих Силах ООН на території колишньої Югославії та надсилання групи військових спостерігачів : Постанова Верх. Ради України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1993. – № 49. – Ст. 465.

3. Участь збройних сил України в миротворчих операціях ООН на території колишньої Югославії // Політика і час. – 1995. – № 11. – С. 7.

4. Шилова А. Політика України у військово-політичній кризі на Балканах (1991-1995 рр.) / А. Шилова [Електронний ресурс]. Режим доступу : <http://vuzlib.com/content/view/1253/52>

5. Сербія і Чорногорія [Електронний ресурс]. Режим доступу : <http://djerelo.com/history/70-istoria-cetnralnoevropeiskuh-krain-20-stolittia-yarovui/4462-137-serb%D1%96ya-%D1%96-chornogor%D1%96ya>

6. Про заходи Уряду України у зв'язку з призупиненням Радою Безпеки ООН санкцій щодо Союзної Республіки Югославії (Сербії та Чорногорії): Постанова Кабінету Міністрів України від 23 листоп. 1995р., № 1016 [Електронний ресурс]. Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1016-95-%D0%BF>

7. Крюков А. Україна на Балканах / А. Крюков [Електронний ресурс]. Режим доступу : http://www.zerkalo_nedeli.com

8. Про вирішення проблем Косово і Метохії : Заява Верх. Ради України від 19 лют. 1999р. [Електронний ресурс]. Режим доступу : http://www.uazakon.com/documents/date_a7/pg_ivcdso.htm

9. Силина Т. Україна на Балканах: партнер или бедная родственница? [Текст] / Т. Силина: // Зеркало недели. – 2001. – № 30. – С. 4.

Гінчук О.В., Вознюк Є.В.

**УКРАЇНСЬКО-ПОЛЬСЬКЕ СПІВРОБІТНИЦТВО
ЗА ПРЕЗИДЕНТСТВА В. ЮЩЕНКА ТА Л. КАЧИНСЬКОГО**

Починаючи з проголошення незалежності України обома державами була укладена розгалужена договірна інфраструктура в першу чергу, завдяки

спільним зусиллям президентів Леоніда Кучми і Александра Квасьневського. За багато років між країнами були напрацьовані різноманітні схеми регіональних відносин, все це сприяло утворенню об'єктивних передумов для похваллення співробітництва [1].

На початку ХХІ ст. в обох країнах наближалася зміна урядів і висловлювалися побоювання, що співпраця двох держав втратить стратегічне значення. Але обрання Леха Качиньського президентом Польщі й Віктора Ющенка президентом України, та їх впевнені кроки направлені на посилення співпраці, засвідчили лише перехід українсько-польських відносин на якісно новий рівень. Якщо раніше вони будувалися на персональних чинниках, за рахунок особистої дружби двох президентів – А. Квасневського і Л. Кучми, то після зміни влади вони почали формуватися за рахунок нової ідеології та цінностей політичних еліт [2].

Вступ РП до Європейського Союзу відкрив для України нові горизонти: серед його членів уперше з'явилася країна, яка любила український курс на членство в ЄС та НАТО. Водночас в умовах «післяпомаранчевого» розвитку постала необхідність істотної модернізації структури та наповнення політичного діалогу між Україною та Польщею. Наприклад, принципової ваги набула співпраця, спрямована на досягнення відповідності України першому з Копенгагенських критеріїв членства в ЄС («політичному» критерію): забезпечення стабільності демократичних інститутів, захист прав людини та верховенство права.

2005-й р. був проголошений роком України в Республіці Польща. Обидві держави підписали угоди про академічне визнання документів про освіту і наукові ступені та про співробітництво у сфері інформатизації.

Розширилися торговельно-економічні та науково-технічні зв'язки. Польща ще у 2007-2008 рр. стала найважливішим економічним партнером для нашої країни в Центральній Європі, оскільки займала друге місце серед країн, куди спрямовувався польський експорт. Українсько-польська програма співробітництва в галузі науки і технологій станом на 2008 р. налічувала понад 150 спільних науково-дослідних проектів. А з середини 1990-х років активно розвивається транскордонне співробітництво в рамках євро регіонів «Карпати» і «Буг» [3].

Важливим аспектом поглиблення двосторонньої співпраці стало отримання у квітні 2007 р. обома державами права на проведення Чемпіонату Європи з футболу у 2012 р.

Водночас практично на всі сфери двосторонніх відносин накладалися проблеми, пов'язані із входженням Польщі з кінця 2007 р. до Шенгенської зони, що зумовило нові процедури й правила перетину українсько-польського кордону та, відповідно, створювало додаткові труднощі для розвитку й оптимізації співпраці між двома державами [4].

Активізація Польщею східного вектора в політиці ЄС стала іншим важливим акцентом в українсько-польських відносинах. Ідея посилення Європейської політики сусідства (ЄПС) у 2008 р. була одним із пріоритетів зовнішньої політики Польщі. Міністр закордонних справ РП Радослав Сікорський, представляючи 7 травня 2008 р. в Сеймі напрями зовнішньої політики держави на 2008 р., задекларував цю ідею: «Польща має

продовжувати спеціалізуватися на виробленні спільної зовнішньої політики щодо Сходу». Він підкреслив, що його країна має намір реалізувати ЄПС на східному напрямку зі своїми партнерами – Чеською Республікою, Словаччиною, Угорщиною, Естонією, Литвою, Латвією, Румунією і Болгарією, а також зі Швецією. Польща на засіданні Європейської Ради в березні 2008 р. підтримала пропозицію створити Союз для Середземномор'я і таким чином розраховувала на підтримку з боку ЄС для виокремлення східного напрямку ЄПС.

Наміри Польщі посилити свою роль у Східній Європі були реалізовані та знайшли відображення в спільній польсько-шведській пропозиції «Східне партнерство» (СП) від 23 травня 2008 року. Вона була представлена і схвалена на засіданні Ради ЄС із Загальної політики і Ради з питань Міжнародних відносин 26 травня 2008 р. в Брюсселі і стала флагманською ініціативою Євросоюзу. Ініціатива СП адресована шести країнам: Україні, Молдові, Грузії, Азербайджану та Вірменії, а також передбачалася технічна й експертна співпраця з Білоруссю. Варто зазначити, що СП – це набір конкретного інструментарію, який не гарантує перспективу членства в Євросоюзі, але, водночас, дає можливість відкривати канали ЄС для втілення інтеграційних проєктів на теренах визначених країн. Партнерство може бути корисним механізмом, що сприятиме прискоренню політичної й економічної співпраці України та Польщі. Водночас, практика свідчить, що його потенціал реалізується недостатньо [3].

В той же час, у вказаний період українсько-польські відносини мали чимало проблем.

По-перше, очевидною була неправильна оцінка ролі і значення Польщі як сусідньої країни і партнерської держави.

По-друге, принципово неправильний підхід до розбудови стратегічного партнерства між обома країнами: за дуже загальними деклараціями, демонстративно добрими відносинами між президентами Віктором Ющенком та Лехом Качинським не було видно ані чітко визначеної цілі партнерства, ані стратегічної програми партнерства на віддалену перспективу і детальних планів дій на кожен рік, ані реальної взаємодії широких верств суспільства, ділових кіл, організації спільного виробництва за сучасними технологіями, спільного освоєння ринків інших країн тощо.

По-третє, розвиток українсько-польських відносин не мав пріоритетного значення ані для більшості міністерств та інших державних органів України, ані для переважної більшості регіональних і місцевих органів влади, ані для ділових спільнот і мас-медіа.

По-четверте, інтереси України в Польщі не мали чіткого визначення і прив'язки до реальних чинників (політичних, економічних, суспільних тощо). Була відсутня ретельно прорахована державна програма, яка містила б конкретні цілі та засоби їх виконання на всіх рівнях відносин: від місцевих громад до вищих органів державної влади і міждержавних відносин як таких, з урахуванням інтересів ділових спільнот, політичних партій, різних верств суспільства [4].

Таким чином, протягом 2005-2010 рр. спостерігався динамічний, поступальний характер розвитку українсько-польського співробітництва,

що обумовлюється збігом національних інтересів країн-сусідів у багатьох сферах, їхніми глибинними історичними та культурними зв'язками. Проте цей період характеризувався і наявністю значної кількості проблем двосторонньої співпраці – в першу чергу, декларативністю багатьох заяв керівництва обох держав, проблемами в інвестиційній сфері тощо.

Зовнішньополітична роль та позиція незалежної України відіграє важливе значення як для загальноєвропейської та регіональної безпеки, так і для української національної безпеки зокрема. На думку фахівців, стабільна і стратегічна співпраця є важливою основою для збереження політичних, економічних та інших інтересів України й Польщі.

Література:

1. Сардачук П. Д., Сагайдак О. П. Україна в двосторонніх міжнародних відносинах (кінець ХХ – початок ХХІ століть) / П. Д. Сардачук – К.: Видавництво Європейського університету, 2005. – С. 72 – 73

2. Киридон А. Українсько-польські відносини: «нова ера» співпраці / Алла Киридон // Україна – Європа – Світ : збірник наукових праць. – К.: УДК 2011 р.

3. Стоєцький С. В. Україна в зовнішній політиці Республіки Польща: євроатлантичний та європейський інтеграційний вимір / С. В. Стоєцький – К.: Б.в., 2007. – С. 10.

4. Гевко В. 20 років українсько-польських відносин: випробування часом і спільна перспектива на майбутнє / Вікторія Гевко // Україна-Європа-Світ: збірник наукових праць. – К.: УДК 2010 р.

Новоскольцев Г.

ТЕРОРИЗМ ЯК ГЛОБАЛЬНА ПРОБЛЕМА СУЧАСНОСТІ

Мета даної статті – аналіз тероризму як глобальної проблеми сучасності. Її основні завдання такі: виявити природу і форми тероризму; показати міжнародний характер терористичних загроз і викликів.

Нелегко дати визначення тероризму, оскільки іноді в це поняття вкладається різне значення. Сучасне суспільство зіткнулося з багатьма видами тероризму, а тому цей термін позбувся чіткого смислового навантаження. Під тероризмом розуміють і чисто карні викрадення людей з метою викупу, і вбивства на політичному ґрунті, і жорстокі методи ведення війни, і викрадення літаків, і шантаж, тобто акти насильства, спрямовані проти власності та інтересів громадян. Існує більше ста визначень терору й тероризму, але жодне з них не є досить вдалим. Слово терор походить із латинської мови: terror – страх, жах [3, с.47]. Дійсно, будь-які дії терориста (навіть не пов'язані зі вбивством) завжди припускають насильство, примус, загрозу. Головний засіб досягнення мети для будь-якого терориста – це залякування, створення атмосфери страху й невпевненості, наведення жаху. Зважаючи на крайню громадську небезпеку та жорстокість актів терору, їх антисоціальність і антигуманність, тероризм можна визначити як громадський феномен, що полягає в протиправному використанні крайніх форм насильства або загрози насильством для залякування супротивників з метою досягнення конкретних цілей.

У сучасному світі існує безліч форм тероризму, які можна класифікувати за суб'єктами терористичної діяльності й спрямованості на досягнення тих або інших результатів. Внутрішньодержавний тероризм є діяльністю спеціально організованих терористських груп або терористів-одинаків, акції яких спрямовані на досягнення різних політичних цілей в межах однієї держави. Терором може називатися насильство, свідомо спрямоване по відношенню до держави. Насильство виступає в двох формах: 1) пряме насильство, яке виражається в безпосередньому застосуванні сили (війна, збройне повстання, політичні репресії, терор), і 2) непряме (приховане) насильство, яке не припускає безпосереднього використання сили (різні форми духовного, психологічного тиску, політичне втручання, економічна блокада), але означає тільки загрозу застосування сили (політичний тиск, дипломатичний ультиматум) [2, с. 64]. Як відзначається в правовій літературі, до державного терору частіше вдаються нестабільні режими з низьким рівнем легітимності влади, яка не може підтримувати стійкість системи економічними та політичними методами.

Політичний терор, наприклад, Росія пізнала ще за часів «Народної волі», учасники якої широко користувалися терористичними методами для боротьби з неавтономним урядом (ця організація підготувала 7 замахів на Олександра II)[8, с.49]. Проте, якщо в минулі часи терористи обирали в якості жертв конкретних державних або громадських діячів, то сучасні політичні терористи не гребують масовими вбивствами, перетворюючи часто сторонніх жертв на один із найдієвіших засобів сучасного тероризму. Паніка – ось на що розраховують терористи. Вони нічого не вимагають, ні до чого не закликають. Просто висаджують у повітря будівлі, намагаючись посіяти тваринний страх і паніку. Страх не є самоціллю. Страх – лише засіб досягнення певної політичної мети. Таким чином, політичний тероризм – це використання терору в політичних цілях. Саме тому головними об'єктами терористичних дій виступають великі маси свідомо беззахисних людей. І чим жорстокіша й кривавіша буде терористична акція, тим краще для терористів, тим швидше влада, політичні сили або населення робитимуть те, що від них вимагають. У цьому відношенні лікарні, пологові будинки, дитячі садки, школи, житлові будинки є ідеальними об'єктами для політичних терористів. Тобто, при політичному терорі головним об'єктом дії є не самі люди, а політична ситуація, яку за допомогою терору відносно мирних жителів намагаються змінити в потрібному для терористів напрямі. «Звичайні» терористи для досягнення своїх цілей спочатку погрожують насильством, і тільки при непоступливості реалізують свої загрози. Політичний же терор спочатку припускає масові людські жертви. Отже, тероризм кваліфікується як карний злочин, незалежно від його причин, цілей і мотивів. Сучасний політичний тероризм злився з карною злочинністю, вони взаємодіють і підтримують один одного. Їх цілі й мотиви можуть бути різними, але співпадають форми й методи. Наприклад, колумбійські терористичні організації взаємодіють із наркомафією, корсіканські – із сицилійською мафією. Часто для отримання достатніх фінансових ресурсів для своєї діяльності політичні терористичні угруповання користуються карними методами – контрабандою, незаконною торгівлею зброєю [2, с.51].

Крім того, не завжди можна зрозуміти, з якою метою здійснюються такі акти, як захоплення заручників, вбивство відомих журналістів, викрадення літаків. Який характер вони носять – політичний або карний?

Коли державний тероризм виходить за межі окремих країн, він набуває характеру міжнародного. Цей вид тероризму набув небачених, глобальних масштабів. Міжнародний тероризм розхитує державні й політичні засади, завдає величезного матеріального збитку, знищує пам'ятники культури, підриває міжнародні відносини, проявляється в безладному насильстві, зазвичай спрямованому проти людей без розбору для створення в масах такої ідеї, коли мета виправдовує засоби: чим жахливіший злочин, тим краще з точки зору терористів. Різновидами міжнародного тероризму є транснаціональний і міжнародний. Перший проявляється різними акціями недержавних терористичних організацій в інших державах. Проте вони здійснюються самостійно й не націлені на зміну міжнародних відносин. Другий різновид тероризму проявляється в діях міжнародної організованої злочинності, учасники якої можуть бути далекі від будь-яких політичних цілей, а їх акції можуть бути спрямовані проти конкуруючих злочинних організацій у іншій країні.

Відповідно до спрямованості тероризм можна класифікувати також на: а) соціальний, який переслідує мету корінної або часткової зміни економічного чи політичного устрою власної країни; б) націоналістичний, практикований організаціями сепаратистського толку та організаціями, що поставили своєю метою боротьбу проти диктату інонаціональних держав; в) релігійний, пов'язаний або з боротьбою прибічників однієї релігії (чи секти) у рамках загальної держави з прибічниками інших, або зі спробою скинути світську владу й затвердити владу релігійну [3, с.82]. Тероризм, що є небезпекою глобального масштабу в сучасних умовах, по суті, перетворився на загрозу політичним, економічним, соціальним інститутам держави, правам і фундаментальним свободам людини. Людству загрожує ядерний тероризм, тероризм із застосуванням отруйних речовин, інформаційний тероризм.

«Сьогодні у світі налічується близько 500 нелегальних терористичних організацій. З 1968 по 1980 рр. ними було здійснено близько 6700 терористичних актів, у результаті яких загинуло 3668 і поранено 7474 людини. У сучасних умовах спостерігається ескалація терористичної діяльності екстреміські налагоджених осіб, груп і організацій, ускладнюється її характер, зростають витонченість і антилюдяність терористичних актів. Згідно даних зарубіжних дослідницьких центрів сукупний бюджет у сфері терору складає щорічно від 5 до 20 млрд. доларів» [4, с.18]. Хотілося б відмітити той факт, що окрім числених терористичних організацій існує і безліч підтримуючих ці організації державних структур і навіть держав-спонсорів тероризму. В основному це розвинені західні й арабські нафтовидобувні країни. Абсолютно очевидно, що явище тероризму стає особливо небезпечним, якщо воно створюється й підтримується державними режимами, особливо диктаторського, націоналістичного, сепаратистського типу. Передбачається, що бази підготовки терористів існують щонайменше в десяти країнах: Іран, Ірак, Північна Корея, Лівія, Сомалі, Куба,

Сирія, Судан. Екстреміські і терористичні організації та угруповання, не виключаючи й мусульманські, знаходяться на території таких розвинених країн як Німеччина, Великобританія, Франція. Терористичне підпілля (у тому числі такі угруповання, як «Хамас», «Хезболла», «Ісламський джихад») діють у важкодоступних джунглях і пустелях та ховаються в центрах великих міст [6, с.357].

Події 11 вересня в США, терористичні акти в Ізраїлі, криваві акції чеченців, що вражають своєю жорстокістю й варварськими формами (вибухи в місцях масового скупчення людей – кафе, магазинах, адміністративних будівлях, пасажирських автобусах і літаках), і це далеко не повний список дій терористів-фанатиків за останні декілька років. Слід зазначити, що усі перераховані акти здійснювалися терористами на релігійному ґрунті. Саме релігійні переконання Усами бен Ладена та його послідовників роблять їх такими небезпечними. Відомо, що агенти так званого терориста номер один вже впродовж багатьох років намагалися купити або викрасти ядерні технології. Мабуть, вони вважали це своїм головним релігійним призначенням – дістатися до хімічної, біологічної та ядерної зброї масового ураження. Стівен Саймон, колишній член Ради Національної безпеки, що видав книгу пише про релігійний тероризм: «Це не насильство на службі будь-якої практичної програми. Це – вбивство невірних у славу Аллаха. Для людини нерелігійної – це безумство. І чи може це скінчитися само по собі? Факти говорять за себе: у них є тільки одна мета – убити якнайбільше людей, щоб підірвати таким чином владу сагани. І жодної відповідальності: є тільки один моральний критерій, і цей критерій – Бог» [7, с.35]. Захоплені та переконані, що вони виконують волю Божу, терористи-фанатики позбавлені будь-якого морального самообмеження. Вони обмежені тільки своїми можливостями.

Сучасний тероризм представляє не лише загрозу безпеки окремих політичних або громадських діячів, організацій, держав. Зважаючи на глобальні масштаби й розмах тероризму сьогодні, можна з повною визначеністю стверджувати, що він представляє смертельну небезпеку для усього людства. Відомими фактами є спроби отруєння водопровідної води, застосування зброї масового ураження в метро, загрози застосування гірничного газу, бацили сибірської виразки, поширення якої могло б порівнятися за кількістю жертв з дією термоядерної зброї. Терористами також була створена підпільна лабораторія з виробництва палички ботулінусу, 200 грамів якого достатні для знищення усього живого на планеті; не раз робилися спроби проникнути на ядерні об'єкти, отримати доступ до хімічної й бактеріологічної зброї.

Таким чином, для вирішення вищевикладеної проблеми видається необхідним вдосконалення національного законодавства, посилення санкцій по відношенню до держав, що підтримують тероризм, координація зусиль і тісна співпраця усіх міжнародних організацій у боротьбі з тероризмом. Коли суспільство переживає глибоку кризу, у першу чергу кризу ідеології та державно-правової системи, з'являється тероризм. У такому суспільстві з'являються різні опозиційні групи – політичні, соціальні, національні, релігійні, для яких стає сумнівною законність

існуючої влади [7, с.40]. Тероризм має тенденцію до росту саме в перехідні періоди та етапи життя суспільства, коли в ньому створюється певна емоційна атмосфера, а нестабільність є основною характеристикою базових стосунків і соціальних зв'язків. Це є благодатним ґрунтом для вирощування насильства й агресивності в суспільстві та призводить до того, що та або інша економічна, етнічна, соціальна, релігійна або інша група намагається нав'язати свою волю суспільству, використовуючи при цьому як інструмент реалізації своїх спрямувань насильство.

Проблема тероризму набуває особливої гостроти в період соціальних конфліктів, які є провокуючим чинником терористичної поведінки. У свою чергу причиною виникнення конфліктних ситуацій є перехідний період, корінна зміна соціально-політичного й економічного облаштування суспільства. Конфлікти відрізняються тривалістю, мірою гостроти протиріч, методами дозволу. «Розрізняються соціальні конфлікти, що мають політичні, економічні, національні, релігійні корені. Терорист використовує будь-яку форму конфлікту, оскільки вона створює сприятливі умови для досягнення ним своїх цілей шляхом скоювання злочинів» [10, с.32]. Розглянемо найбільш суттєві причини, що породжують тероризм, на прикладі країн СНД. Перехідний період, обтяжений важкою економічною кризою, створює умови соціального протистояння, формує особливий стан масової свідомості, для якої характерна неадекватна оцінка реальної дійсності, широке поширення отримали настрої невпевненості, очікувань, що не виправдалися, соціального страху, озлобленості та агресивності. У цих умовах легко сприймаються екстреміські заклики до акцій протесту. Убогість, безробіття, безвихідь, крайня диференціація населення по рівню прибутків, слабкість державної влади, її нездатність забезпечити безпеку особи і її майна призводять до того, що культ насильства починає нестримно прокладати собі дорогу, і екстремізм в цих умовах стає невід'ємною частиною менталітету суспільства. Втрата людьми упевненості у своєму сьогоденні й майбутньому, руйнування усіх ідеалів колишнього радянського суспільства, атмосфера насильства та жорстокості, що панує скрізь, культивується засобами масової інформації, створюються дуже сприятливі умови для росту злочинності, а тероризм набуває масштабів національного лиха.

Наприклад, не варто забувати про те, що Росія має унікальні геополітичні характеристики: безмірність території, багатонаціональний характер населення, несхожість традицій і звичаїв націй і народностей, нерівномірність регіонального соціально-економічного розвитку. На території Росії проживають мільйони мусульман, основна частина яких сповідує радикальні течії, пов'язані з проявами насильства та особливої жорстокості. У ряду народів і етнічних груп Росії насильство, екстреміські та терористичні методи рішення проблем часто є елементами національної культури й релігії.

Чинником, сприяючим активізації тероризму в Росії в пострадянський період, стало й руйнування адміністративно-командної системи. Цікавим видається той факт, що поширена за радянських часів теза про існування тероризму в міжнародних відносинах у капіталістичних країнах і лише окремих терористичних акцій в соціалістичних країнах, відповідала дійсності,

оскільки світовий досвід свідчить про те, що суспільство демократичного типу створює сприятливіші умови для терористичної діяльності, ніж адміністративно-командна система з її суворим контролем як за поведінкою окремої особи, так і за функціонуванням усіх суспільно-політичних інститутів. Слід зробити висновок, що руйнування адміністративно-командної системи та демократизація суспільства можуть сприяти посиленню політичного екстремізму й тероризму. Особливо уразливим з цієї точки зору являється перехідний період, що супроводжується ломкою старих і формуванням нових державних структур, посиленням елементу нестабільності, різким загостренням внутрішніх протиріч, заснованих на невирішених соціально-економічних, національних, релігійних і інших проблемах, появою різного роду негативних явищ. Перехідний період небезпечний також втратою частиною суспільства моральних і соціальних орієнтирів, що призводить до прагнення вирішити ті або інші проблеми за допомогою насильства [6, с.357].

Деякі суспільно-політичні, національні, релігійно-політичні об'єднання допускають використання насильницьких методів боротьби для досягнення своїх конкретних політичних цілей, створюють незаконні озброєні формування [6, с. 357]. У політичну практику таких організацій в окремих регіонах входить і безпосереднє застосування методів насильства для залякування політичних опонентів, для чинення певного тиску на органи державної влади, дестабілізації політичний обстановки, зриву зусиль влади для врегулювання конфліктів. Все частіше лунають загрози знищити об'єкти життєзабезпечення, житловий фонд, промислові підприємства. Навіть без висунення вимог політичного характеру такі акції можуть різко дестабілізувати політичну обстановку, стати причиною організованих або стихійних протиправних масових виступів. Різко росте масштаб незаконного обігу різних видів зброї, що є найважливішою передумовою збільшення числа терористичних проявів, посилення їх громадської небезпеки. Неможливо навіть уявити, скільки засобів і знарядь здійснення терористичних актів знаходиться в руках злочинців і ділків злочинного збройового бізнесу.

Негативним чинником є й соціальні протиріччя, властиві сучасній дійсності. Це: а) протиріччя, обумовлені розколом суспільства на групи з різним економічним станом. Сповільнився процес формування середнього класу, який створює основу соціальної стабільності, збільшилося число люмпенів, що поповнюють кримінальні групи різного толку. Потім позначився відтік активної частини населення з пріоритетних сфер життєдіяльності (виробництва, науки, освіти), зростання соціальної ворожнечі та агресивності, обвальне зростання злочинності, передусім тих видів злочинів, які пов'язані з насильством проти особи; б) протиріччя, обумовлені поглибленням національних, релігійних, регіональних і інших конфліктів; в) протиріччя, обумовлені руйнуванням наявної системи соціальних гарантій життя населення й відсутністю нової ефективної системи. При цьому позначається дія таких чинників як зростання соціального незадоволення, формування у зв'язку з цим настроїв соціальної відчуженості, посилення утриманства з боку значної частини суспільства,

поступове втягування певної частини населення в кримінальні стосунки.

Перераховані протиріччя призводять до таких несприятливих наслідків, як: а) формування вогнищ соціальної напруженості та протиборства, здатних легко перейти в стадію відкритого конфлікту з активним застосуванням форм насильства, у тому числі й терору; б) зниження ефективності діяльності правоохоронних органів і зростання загрози безпеки особі та її майну; в) втрата державою контролю над економічними й фінансовими ресурсами країни, оборотом зброї; г) проникнення в державу і діяльність на їх територіях зарубіжних екстремістських терористичних організацій і релігійних сект («Хесболлах», «Брати-мусульмани»); г) загострення криміногенної обстановки й поширення правового нігілізму; д) посилення впливу лідерів організованої злочинності на розвиток і загострення процесів протиборства, дестабілізації суспільства. Очевидним є той факт, що організована злочинність вже провела й проводить своїх представників в органи виконавчої і законодавчої влади в різних регіонах; є) посилення міграції населення, наростання хвилі біженців, що спричиняє за собою тяжкі економічні й соціальні наслідки та створює нові вогнища напруженості в різних регіонах, місцях поселення біженців. Позбавлені соціальної й матеріальної основи життя, вони стають однією з найбільш небезпечних соціальних груп поповнення кримінальних угруповань, входять до найбільш організованих і жорстоких злочинних угруповань, побудованих на етнічній основі; ж) відсутність контролю за поширенням способів терористичної діяльності через інформаційні мережі, публікація посібників із виготовлення вибухових речовин, організації вибухів.

Удосконалення інформаційних технологій розширює можливості пропаганди ідей тероризму, поширення сучасних технологічних прийомів організації та проведення терористичних акцій. Наприклад, терористичні структури широко використовують можливості глобальної інформаційної комп'ютерної мережі Internet, де мають свої сторінки перуанські терористи з «Сендеро Луминосо» і «Тупака Амару», бойовики афганського руху «Талібан» і багато інших терористичних організацій [11, с.65].

Ще одним чинником, що служить сприятливим ґрунтом для розвитку тероризму є економічний чинник. Саме цей чинник, на думку багатьох політологів і соціологів, є головною передумовою виникнення тероризму в усіх його проявах. Економічна криза зачіпає інтереси середніх верств населення, які при цьому можуть створювати своєю поведінкою політичну нестабільність у вигляді страйків, пікетів, перекриттів транспортних магістралей. Безробіття молоді об'єднує її в групи, а наявність великої кількості вільного часу призводить до того, що для них участь в справах групи стає основною формою діяльності. А залежно від особистих якостей людини (відсутність працьовитості, бажання швидко розбагатіти, притягнути до себе увагу хоч на деякий час, стати популярним у своєму середовищі) може спонукати його до активної терористичної діяльності.

Негативну дію чинять і протиріччя в політичних стосунках, серед яких принципового значення набувають: а) протиріччя між демократичними конституційними принципами та реальною практикою; б) протиріччя, які витікають із тривалого процесу політичного розмежування суспільства,

формування соціальних груп і шарів з протилежними політичними інтересами; в) протиріччя, породжені відчуженістю між владою і населенням; г) протиріччя, викликані послабленням соціально-економічних і культурних зв'язків між центром і регіонами, а також між окремими регіонами [11, с.67].

Уся сукупність соціальних, економічних, політичних і інших протиріч доповнюється протиріччями в духовній сфері, що спричиняють за собою деградацію духовного життя суспільства, руйнування історичних, культурних, моральних традицій, гуманістичних цінностей, затвердження культури індивідуалізму, егоїзму, жорстокості та насильства, невіру в здатність держави захистити своїх громадян, формування в суспільстві настроїв національного приниження і знецінення таких понять, як обов'язку, гідності, честі, вірності Вітчизні, тобто втрату ідеології державності. Саме при виникненні таких явищ відбувається «героїзація» терористів, кримінальних авторитетів і інших злочинців.

На особливу увагу заслуговують і психологічні аспекти проблеми тероризму [9, с.52]. Їх аналіз потрібний для пояснення не лише конкретного терористичного акту та його причин, але й усього явища тероризму в цілому. Знання психології тероризму дозволяє зрозуміти, від кого можна чекати відповідних дій, що представляє терорист як особа, як попереджати й розслідувати злочини, пов'язані з терором, як карати винних. Основу психологічного пізнання тероризму складає аналіз мотивів цього злочину. Яку вигоду отримує винний від здійснення відповідного акту, у тому числі й у тих випадках, коли він діє за матеріальну винагороду? Адже корисливі стимули лише зовні виглядають природними мотивами, а під ними, в глибині, на несвідомому рівні функціонують ще й інші, не менш потужні спонукання, які досить часто є провідними.

Слід зупинитися на питанні про безпосередні причини звернення до терористичної діяльності. Це: а) причини психопатологічного характеру. Серед учених-психологів ведуться дискусії відносно того, хто переважає серед терористів – нормальні люди або люди з психічними відхиленнями. Більшість дослідників схиляються все ж до першого; б) мотиви самоствердження, молодіжної романтики та героїки, надання своїй діяльності особливої значущості, подолання відчуження, знеособлення, стандартизації; в) корисливі мотиви, які можуть витіснити ідейні або переплітатися з ними. Крім того, когось просто наймають для здійснення терористичних актів; г) дуже часто тероризм є результатом «залізного» переконання у володінні природною, вищою, остаточною істиною, унікальним рецептом «порятунку» свого народу або навіть усього людства («ідейний абсолютизм»).

Наведена типологія далека від досконалості, деякі її пункти переплітаються. Так, «ідейний абсолютизм» може поєднуватися з корисливою зацікавленістю або бути властивим особам з психічними відхиленнями. Уявлення про мотиви терористичної діяльності необхідні не лише в дослідницьких, але й у практичних цілях. Проте слід зауважити, що корені тероризму лежать не стільки в психології, скільки в політичних, економічних і інших соціальних стосунках. І терористичною діяльністю

люди займаються не через психологічні аномалії (вони можуть мати місце).

Найважливішими причинами є все ж аномалії політичні, територіальні, ідеологічні, релігійні. Соціальна, економічна, духовна та політична криза, що поглиблюється, послаблення правопорядку породжують нові протиріччя, для вирішення яких окремі особи й організації все частіше вдаються до насильства. Руйнуючи та вбиваючи терористи переслідують віддалені цілі, а самі вбивства й вибухи розглядаються ними лише як засоби досягнення цілей. Тероризм в широкому розумінні поєднує найрізноманітніші форми терористичної діяльності – від політичної, ідеологічної, релігійної до різних кривавих акцій, від справедливої вимушеної боротьби за своє виживання, існування або звільнення до звірячого знищення ні в чому не повинних людей у вузько корисних і політичних інтересах.

Розглянуті передумови та причини тероризму, звичайно, не дають повної картини цього складного феномену. Є багато приватних, індивідуальних причин і мотивів звернення до терористичної діяльності, наприклад, особисті образи, заздрість, неповноцінність, садистські схильності, емоційні афекти.

Література:

1. Андрушко П.П. Питання законодавчого формування складу злочину «тероризм»//Тероризм і боротьба з ним. Аналітичні розробки, пропозиції наукових та практичних працівників. -Том. 19. Київ, 2000; 2. Антипенко В.Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его упреждения (криминологические исследования). Киев, НБУВ, 2008; 3. Антипенко В.Ф. Поняття тероризму (кримінально-правове визначення) // Право України. - 2001. № 2; 4. Бабіченко П. Глобальні прагнення ісламу // Наш час. – 2006. - № 9 (23); 5. Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы //США: экономика, политика, идеология. - 2001. № 1; 6. Деречін В.В. Деякі питання організації боротьби з тероризмом: досвід країн СНД // Тероризм і боротьба з ним. - Том. 19. Київ, 2000; 7. Замковой В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности. М.: Институт международного права и экономики, 2005. – 224 с.; 8. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Автор-составитель О.В.Будницкий // Ростов н/Д, Феникс, 1996. – 465 с.; 9. Картунов О.В., Маруховський О.О. Проблеми політико-правової протидії тероризмові // Правова держава. – 2003. - № 14; 10. Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии / Е.Г.Ляхов // М.: Междунар.отношения, 1999. – 276 с.; 11. Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма / К.Н. Салимов // М.: Щит-М, 2009. – 169 с.

Новоскольцева Л.О.

ТЕРОРИЗМ ЯК ГЛОБАЛЬНА ПРОБЛЕМА СУЧАСНОСТІ

Сучасний тероризм представляє не лише загрозу безпеки окремих політичних або громадських діячів, організацій, держав. Зважаючи на глобальні масштаби й розмах тероризму сьогодні, можна з повною визначеністю стверджувати, що він представляє смертельну небезпеку

для усього людства. Відомими фактами є спроби отруєння водопровідної води, застосування зброї масового ураження в метро, загрози застосування гірчичного газу, бацили сибірської виразки, поширення якої могло б порівнятися за кількістю жертв з дією термоядерної зброї.

Для вирішення проблеми видається необхідним вдосконалення національного законодавства, посилення санкцій по відношенню до держав, що підтримують тероризм, координація зусиль і тісна співпраця усіх міжнародних організацій у боротьбі з тероризмом. Коли суспільство переживає глибоку кризу, у першу чергу кризу ідеології та державно-правової системи, з'являється тероризм. У такому суспільстві з'являються різні опозиційні групи – політичні, соціальні, національні, релігійні, для яких стає сумнівною законність існуючої влади. Тероризм має тенденцію до росту саме в перехідні періоди та етапи життя суспільства, коли в ньому створюється певна емоційна атмосфера, а нестабільність є основною характеристикою базових стосунків і соціальних зв'язків. Це є благодатним ґрунтом для вирощування насильства й агресивності в суспільстві та призводить до того, що та або інша економічна, етнічна, соціальна, релігійна або інша група намагається нав'язати свою волю суспільству, використовуючи при цьому як інструмент реалізації своїх спрямувань насильство.

Проблема тероризму набуває особливої гостроти в період соціальних конфліктів, які є провокуючим чинником терористичної поведінки. У свою чергу причиною виникнення конфліктних ситуацій є перехідний період, корінна зміна соціально-політичного й економічного облаштування суспільства. Конфлікти відрізняються тривалістю, мірою гостроти протиріч, методами дозволу. Розрізняються соціальні конфлікти, що мають політичні, економічні, національні, релігійні корені. Терорист використовує будь-яку форму конфлікту, оскільки вона створює сприятливі умови для досягнення ним своїх цілей шляхом скоювання злочинів. Перехідний період, обтяжений важкою економічною кризою, створює умови соціального протистояння, формує особливий стан масової свідомості, для якої характерна неадекватна оцінка реальної дійсності, широке поширення отримали настрої невпевненості, очікувань, що не виправдалися, соціального страху, озлобленості та агресивності. У цих умовах легко сприймаються екстреміські заклики до акцій протесту. Убогість, безробіття, безвихідь, крайня диференціація населення по рівню прибутків, слабкість державної влади, її нездатність забезпечити безпеку особи і її майна призводять до того, що культ насильства починає нестримно прокладати собі дорогу, і екстремізм в цих умовах стає невід'ємною частиною менталітету суспільства. Втрата людьми упевненості у своєму сьогоденні й майбутньому, руйнування усіх ідеалів колишнього радянського суспільства, атмосфера насильства та жорстокості, що панує скрізь, культивується засобами масової інформації, створюються дуже сприятливі умови для росту злочинності, а тероризм набуває масштабів національного лиха.

Деякі суспільно-політичні, національні, релігійно-політичні об'єднання допускають використання насильницьких методів боротьби для досягнення своїх конкретних політичних цілей, створюють незаконні

озброєні формування. У політичну практику таких організацій в окремих регіонах входить і безпосереднє застосування методів насильства для залякування політичних опонентів, для чинення певного тиску на органи державної влади, дестабілізації політичної обстановки, зриву зусиль влади для врегулювання конфліктів. Все частіше лунають загрози знищити об'єкти життєзабезпечення, житловий фонд, промислові підприємства. Навіть без висунення вимог політичного характеру такі акції можуть різко дестабілізувати політичну обстановку, стати причиною організованих або стихійних протиправних масових виступів. Різко росте масштаб незаконного обігу різних видів зброї, що є найважливішою передумовою збільшення числа терористичних проявів, посилення їх громадської небезпеки. Неможливо навіть уявити, скільки засобів і знарядь здійснення терористичних актів знаходиться в руках злочинців і ділків злочинного збройового бізнесу.

Негативним чинником є й соціальні протиріччя, властиві сучасній дійсності. Це: а) протиріччя, обумовлені розколом суспільства на групи з різним економічним станом. Сповільнився процес формування середнього класу, який створює основу соціальної стабільності, збільшилося число люмпенів, що поповнюють кримінальні групи різного толку. Потім позначився відтік активної частини населення з пріоритетних сфер життєдіяльності (виробництва, науки, освіти), зростання соціальної ворожнечі та агресивності, обвальне зростання злочинності, передусім тих видів злочинів, які пов'язані з насильством проти особи; б) протиріччя, обумовлені поглибленням національних, релігійних, регіональних і інших конфліктів; в) протиріччя, обумовлені руйнуванням наявної системи соціальних гарантій життя населення й відсутністю нової ефективної системи. При цьому позначається дія таких чинників як зростання соціального незадоволення, формування у зв'язку з цим настроїв соціальної відчуженості, посилення утриманства з боку значної частини суспільства, поступове втягування певної частини населення в кримінальні стосунки.

Перераховані протиріччя призводять до таких несприятливих наслідків, як: а) формування вогнищ соціальної напруженості та протиборства, здатних легко перейти в стадію відкритого конфлікту з активним застосуванням форм насильства, у тому числі й терору; б) зниження ефективності діяльності правоохоронних органів і зростання загрози безпеки особі та її майну; в) втрата державою контролю над економічними й фінансовими ресурсами країни, оборотом зброї; г) проникнення в державу і діяльність на їх територіях зарубіжних екстремістських терористичних організацій і релігійних сект («Хесболлах», «Брати-мусульмани»); г) загострення криміногенної обстановки й поширення правового нігілізму; д) посилення впливу лідерів організованої злочинності на розвиток і загострення процесів протиборства, дестабілізації суспільства. Очевидним є той факт, що організована злочинність вже провела й проводить своїх представників в органи виконавчої і законодавчої влади в різних регіонах; е) посилення міграції населення, наростання хвилі біженців, що спричиняє за собою тяжкі економічні й соціальні наслідки та створює нові вогнища напруженості в різних регіонах, місцях поселення біженців. Позбавлені

соціальної й матеріальної основи життя, вони стають однією з найбільш небезпечних соціальних груп поповнення кримінальних угруповань, входять до найбільш організованих і жорстоких злочинних угруповань, побудованих на етнічній основі; ж) відсутність контролю за поширенням способів терористичної діяльності через інформаційні мережі, публікації засобів із виготовлення вибухових речовин, організації вибухів.

Тероризм в широкому розумінні поєднує найрізноманітніші форми терористичної діяльності – від політичної, ідеологічної, релігійної до разових кривавих акцій, від справедливої вимушеної боротьби за своє виживання, існування або звільнення до звірячого знищення ні в чому не повинних людей у вузько корисних і політичних інтересах.

Секція «Міжнародні відносини та інтеграційні процеси»
Секція «Международные отношения и интеграционные процессы»

Антонов О. В.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ – СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ
КОНТЕКСТ**

Для эффективного участия в международных интеграционных процессах государственная власть должна обладать таким свойством, как реалистичная прогрессивность. Социальная реальность диктует государственной власти рассудительный, взвешенный подход к изменению существующей системы вообще и действующего законодательства в частности. При подобных манипуляциях с общественным организмом, как и с человеческим, основным принципом является базовая врачебная максима: «Не навреди!». Резкие, кардинальные метаморфозы, осуществляемые по субъективным, неадекватным социальной практике мотивам, противоречащие естественной организации общественной жизни, вопреки породившим их благим намерениям, ведут к хаотизации экономических, правовых, культурных отношений, а значит, и к ослаблению государственной власти, которое, в свою очередь, неотвратимо запускает процесс ее делегитимации. Резонанс от подобного неумелого применения высоких полномочий распространится на десятилетия вперед. Восстановить разрушенные связи, заново собрать мозаику социального прогресса, реабилитировать государственную власть в глазах народа будет под силу лишь следующим поколениям. Реалистичная прогрессивность как условие интегративных процессов раскрывается в объективном, уравновешенном, беспристрастном мониторинге тех элементов общественной системы, которые нуждаются в срочном обновлении и крайне осторожной, хирургически точной их трансформации, не превышающей рамки строго выверенной необходимости. В социореволюционных манипуляциях избыточность гораздо хуже дефицита. Ценность социальной стабильности как залог экономического и культурного прогресса, хоть и медленного, постепенного, но непрерывного, абсолютно превалирует в массовом

сознании над сомнительными, хоть и, порой, весьма соблазнительными, перспективами дискретных превращений, если в качестве результата последних, даже с наименьшей долей вероятности, допускается деструкция общественных институтов [1, с.98-100].

Изучая влияние, оказываемое на интеграционные процессы социальной реальностью, необходимо отдельно остановиться на этнотерриториальной дифференциации подобного воздействия. Исторически сложившаяся специфика национального сознания оказывает определяющее воздействие на отношение населения к тем или иным установлениям государственной власти. Акты, экономическая, политическая, идеологическая, религиозная и т.д. компонента которых является несовместимой с национальным сознанием, неизбежно вызывают общественное неприятие. Не желающая социального отторжения государственная власть, в обязательном порядке должна приводить свою политику в соответствие с аборигенными особенностями ментальности возглавляемого ею населения. Таким образом, немаловажным условием успешности интеграционных процессов становится высокая степень погруженности государственной власти в национальное сознание руководимого ею общества. Более того, величина данной степени прямо пропорциональна уровню эффективности подобной политики. В особенности это относится к обмену правотворческим и правоприменительным опытом. Зависящее от локальных условий своеобразие национального сознания определяет самобытность порождаемой им нормативной системы. Культурно-поведенческие правила, сформировавшиеся в недрах определённой социально-экономической общности, обладающей своим собственным сознанием, имеют ярко выраженный индивидуальный характер. Стремление заменить аутентичный для данной нации порядок на чуждый ей способ организации межчеловеческих отношений противоречит её природе [2, с.16]. Подобная политика может лишь раздражить население, на трансформацию натуры которого она направлена, а внедряющая её государственная власть обречена на утрату легитимности.

Кроме того, необходимо помнить о том, что, в зависимости от этнических особенностей, различные человеческие макрогруппы нуждаются в образе организации внутренних взаимоотношений, не одинаковом по степени предоставляемой свободы [3, с.209]. Следовательно, погружённость в национальное сознание позволяет государственной власти выбрать коэффициент жесткости, оптимальный для подвластного ей социума и, соответственно, наделяющий её интеграционную политику максимальным уровнем легитимности.

Литература:

1. Монтень М. Опыты. Избр. гл.: пер. с фр. [Текст] / М. Монтень. – сост. Г. Косиков. – М.: Правда, 1991. – 656 с.
2. Монтескье Ш.Л. О духе законов [Текст] / Ш.Л. Монтескье. – сост., пер. А.В. Матишук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
3. Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре или Принципы политического права [Текст] / Ж.Ж. Руссо // Трактаты / отв. ред. А.З. Манфред. – пер. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. – М.: Наука, 1969 – С. 151-256

Вербицкая В. В.

ВИРТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАК НОВАЯ ПЛОСКОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рубеж XX - XXI веков характеризуется новыми политическими, экономическими, культурными процессами и тенденциями, которые постепенно приобрели глобальные масштабы. По словам О.Зернецкой, сегодня «мы можем наблюдать сложные реалии современного мира с его непредсказуемой политической динамикой и экономическими и социальными трансформациями. Нынешние глобальные трансформации в значительной степени обусловлены тем, что человечество вступает в информационную эру, которой присущи сложные процессы коммуникационной революции, информационных и психологических войн, которые существенно влияют на установление мирового порядка» [1].

Еще 10-15 лет назад понятия «виртуальное», «виртуал», «виртуальная реальность», «виртуальное пространство», «виртуальный мир» использовались, как правило, в научных и технических публикациях довольно ограниченного круга отечественных ученых и специалистов (в основном в области компьютерных технологий), хотя идея виртуального, само понятие «виртуальность» и в то время не были неологизмами для гуманитарной лексикой. Ведущие отечественные исследователи в области виртуальности были раздражены тем, что термин «виртуальная реальность» «огульно применяется к огромной сфере очень разнородных явлений» [2]. В последнее время же, по мнению М. М. Кузнецова [3], понятия из области виртуальной реальности стали пригодны для любого вида дискурса.

Благодаря имеющимся на данный момент технологиям, то, что раньше требовало обязательного физического присутствия, в настоящее время имеет возможность существовать в виртуальном мире. И дипломатия не является исключением.

В своем докладе «Виртуальная дипломатия. Дипломатия цифрового века» [4] О.Грейч указывает на то, что информационная революция, которая произошла в девяностых годах прошлого века благодаря распространению всемирной паутины Internet, привела к возникновению у традиционной дипломатии двух принципиально новых характеристик.

С одной стороны, новые средства коммуникации создали свободный поток контента и информации. В результате этого информация перестала быть доступной только для ограниченного числа привилегированных чиновников и стала достоянием широкого круга общественности. Это привело к потере правительствами монополии на информацию, которой они когда-то обладали. В новых условиях секретность как характеристика дипломатии в значительной степени утратила свою актуальность, а на ее место пришла новая – транспарентность (прозрачность). Сегодня транспарентность необходима как в официальных международных отношениях, так и в государственном и частном партнёрстве. Информация и новости становятся моментально доступными, практически все события в мире можно отслеживать в режиме реального времени.

Как отмечает по этому поводу О.Зернецкая, «благодаря интернету, постепенно так сократилось пространство и время обмена информацией, а также увеличился феномен «присутствия» индивида в определенных мировых событиях, что на современном этапе динамичного развития... обществ, возникает и развивается эффект «всеприсутствия» индивида в пространстве» [5]. Таким образом, сложилась ситуация, когда широкая общественность может принимать участие в ведении дипломатии.

С другой стороны, как считает О.Грейч, информационная революция создала новую фундаментальную характеристику в дипломатии: скорость. Иногда дипломатические реакции и решения должны быть приняты в течение нескольких секунд. Глобальные СМИ передают новости из отдаленных стран мира быстрее, чем когда-либо, провоцируя тем самым мгновенные дипломатические решения. Дипломаты находятся под постоянным давлением, в постоянной необходимости принимать быстрые решения. Политолог Эйтан Гильбоа подводит итог такой ситуации следующим заявлением: «Если эксперты по внешней политике, разведчики, дипломаты делают быстрый анализ на основе неполной информации в кратчайшие сроки, они могут принимать неправильные и неэффективные решения. И наоборот, если они в полной мере используют время, чтобы проверить информацию и интегрировать идеи из различных источников, а также произвести углубленный анализ ситуации для выработки рекомендаций (решений), они могут обнаружить, что их усилия были тщетными, так как политики должны были принять немедленные решения в ответ на вызовы и давления» [6].

Кроме того, представитель мирового банка Раду Кукос в своем блоге пишет, что «международное сообщество ныне является свидетелем резкого снижения количества дипломатических представительств правительств и международных организаций во всем мире. Сильные международные субъекты, такие как Германия, Франция или Великобритания, а также страны с меньшей «огневой мощью» на мировой арене, стали закрывать свои посольства, консульства и другие виды иностранных представительств по различным причинам. В частности Великобритания решила сократить свои посольства в Канаде из-за мер жесткой экономии» [7]. Решение данной проблемы Раду Кукос видит в развитии IT-технологий и в качестве примера приводит успешную реализацию проекта Виртуального Посольства США в Тегеране.

Учитывая указанные выше обстоятельства, сегодня можно смело говорить о том, что виртуальное измерение прочно вошло в процесс осуществления дипломатической деятельности. Сегодня инновационные технологии не только являются вспомогательным средством классической дипломатии, но и способствуют формированию нового ее ответвления – виртуальной дипломатии.

Становление этого термина на данном этапе только набирает обороты, поэтому единого мнения, какие именно явления и процессы он охватывает, пока что не существует. Как и не существует единого понятия. А.Нечет в своей статье «Развитие виртуальной дипломатии в Украине» указывает, что «терминологическим полем виртуальной дипломатии является: сетевая

дипломатія в США; цифрова дипломатія в ФРН і Франції; кибер дипломатія в Канаді; електронна дипломатія в Великобританії» [8]

Следует также отметить, что «в канун 2013 г. со своим видением выступил заместитель директора Департамента информации и печати МИД России Е. Пантелеев. ...Указывая на жонглирование разными определениями при обзорах рассматриваемой темы, он счел полезным предложить свою формулировку — «инновационная дипломатия» [9].

В самом общем понимании виртуальная дипломатия представляет собой социальные, экономические, политические отношения, которые осуществляются с помощью электронных устройств и не предусматривают прямого контакта [10]. Среди ключевых направлений деятельности в рамках виртуальной дипломатии выделяют консульскую деятельность, поддержка переговорных процессов, обучение дипломатов, а также публичную дипломатию, управление информацией, поддержку координации ресурсов и политическое планирование [11].

Однако, так как виртуальная дипломатия только начала свое становление, данное явление является динамично развивающимся и находится в постоянном процессе изменения, дополнения и усовершенствования.

Литература:

1. Зернецька О., Зернецький П. Трансформації віртуального простору та парадигми впливу мас-медійних дискурсів // Політичний менеджмент. - 2005. - № 3 (12). - С.101

2. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. Мо 6. С. 53.

3. Кузнецов М. М. Виртуальная реальность - техногенный артефакт или сетевой феномен // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. С. 62

4. Grech O. Virtual Diplomacy. Diplomacy of the Digital Age. – University of Malta, 2006. – P. 37. - [Cited 14-03-2014] - Available from [http://www.diplomacy.edu/sites/default/files/23082010104529%20Grech%20\(Library\).pdf](http://www.diplomacy.edu/sites/default/files/23082010104529%20Grech%20(Library).pdf).

5. Зернецька О., Зернецький П. Трансформації віртуального простору та парадигми впливу мас-медійних дискурсів // Політичний менеджмент. - 2005. - № 3 (12). - С.101

6. Gilboa, Eytan (2002). The Global New Networks and U. S. Policymaking in Defense and Foreign Affairs, p. 21 [online]. Kennedy School of Government, Harvard University. Available from:pdf [Accessed 13 March 2006]

7. Radu Cucos. Virtual diplomacy – a new way of conducting international affairs?/The World Bank (official website) - [Cited 14-03-2014]. Available at <http://blogs.worldbank.org/ic4d/virtual-diplomacy-a-new-way-of-conducting-international-affairs>

8. Нечет О. С. Розвиток віртуальної дипломатії в Україні / О. С. Нечет // Інформаційне забезпечення транскордонного співробітництва України. Студентська студія : Матеріали І Міжнародної науково-практичної Інтернет-конференції (14–15 травня 2013 р., м.Луцьк) : в 2 т. / [під заг.ред. Митко А.М.]. – Т.2. – Луцьк : СНУ імені Лесі Українки, 2013. – С. 83 - 84.

9. Кулик С. А. «Электронная дипломатия». Начало: Аналитический доклад. – Институт современного развития, 2013. – 12 с. [Cited 14-03-2014]. Available at <http://www.insor-russia.ru/files/EDiplomacy.pdf>

10. Нечет О. С. Развитие виртуальной дипломатии в Украине / О. С. Нечет // Информационное обеспечение транскордонного співробітництва України. Студентська студія : Матеріали І Міжнародної науково-практичної Інтернет-конференції (14–15 травня 2013 р., м.Луцьк) : в 2 т. / [під заг.ред. Митко А.М.]. – Т.2. – Луцьк : СНУ імені Лесі Українки, 2013. – С. 83

11. Кулик С. А. «Электронная дипломатия». Начало: Аналитический доклад. – Институт современного развития, 2013. – 11 с. [Cited 14-03-2014]. Available at <http://www.insor-russia.ru/files/EDiplomacy.pdf>

Джилавян А. С.

РОЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В НЕООСМАНСКОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Концепция «мягкой силы» на сегодняшний день занимает довольно весомую позицию в вопросах политического межгосударственного регулирования между субъектами международных отношений. В процессе формирования нового внешнеполитического подхода Турции в первом десятилетии XXI века данный принцип был принят во внимание нынешнего турецкого руководства и активно используется в рамках неоосманской геостратегической доктрины.

Посвоему определению неоосманскую парадигму следует воспринимать критически, а именно как стремление к реинкарнации образования на подобии Османской империи в современных исторических условиях. Это, прежде всего, матрица внешнеполитического поведения Турции, которая направлена на закрепление авторитета Анкары в качестве регионального лидера, чьи инструменты воздействия коррелируют исключительно в рамках политико-дипломатических и экономических подходов.

Понятие «мягкой силы» не новое явление в мировой политической мысли. В древнекитайской философии были сформулированы первые принципы данной идеи. В особенности это можно проследить в работах Лао-Цзы. В пример можно привести его следующее изречение: «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет». В середине XX столетия итальянский философ Антонио Грамши выдвинул концепцию «культурно-идеологической гегемонии», которая в дальнейшем обрела широкое распространение в среде западноевропейских и американских неоконсерваторов [1]. Однако, несмотря на большой вклад предшествующих политико-философских воззрений, свой современный облик «мягкая сила» получила благодаря профессору Гарвардского университета Джозефу Найю, который, собственно говоря, и ввел этот термин в оборот.

Согласно Найю мягкая сила – это способность государства, в процессе реализации своих национальных интересов, добиваться желаемого при помощи добровольного участия союзников, что является, по сути, противоположностью «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. Основами же «мягкой силы» принято считать культурные и политические ценности, институты, притягивающие других, то есть, как

высказывался сам Най, «хотеть того, чего хочется вам» [2].

После прихода к власти Партии справедливости и развития во главе с нынешним премьер-министром Турции Реджеп Тайип Эрдоганом и президентом Абдула Гюлем новое правительство начинает демонстрировать отмежевание от прежней однополюсной политики в пользу новой многовекторной внешнеполитической доктрины. Современным идейным вдохновителем и, фактически, архитектором неосманской геостратегии приятно считать Ахмета Давутоглу, который с 2008 года по сегодняшний день занимает пост министра иностранных дел Турции.

В 2001 году в свет выходит книга Давутоглу под названием «Стратегическая глубина: международное положение Турции», в которой он формирует основные положения и принципы турецкой международной политики, необходимые для превращения Турции в сильного и авторитетного актора международных отношений. «Стратегическая глубина» сразу же находит большой резонанс в высших эшелонах власти и принимается в качестве основной внешнеполитической доктрины Турции. Автор в своей работе предлагает рассматривать Турцию не просто как региональное государство.

Ахмет Давутоглу дает теоретическое обоснование необходимости Турции быть вовлеченной в политические процессы окружающих ее региональных систем. При этом, «стратегическая глубина» дает ответ на вопрос, что служит определяющим для данного обстоятельства фактором. Автор вводит такие понятия как «историческая глубина» и «географическая глубина», которые служат основными концептуальными базами «стратегической» доктрины. Давая определение «исторической глубины», Давутоглу сосредотачивает внимание на том, что данной характеристикой обладают те государственные образования, которые обладают правом называться центрами мировых исторических событий. Такими образованиями являлись Британская, Российская, Австро-Венгерская, Германская, Французская, Китайская, Японская и Османская империи. Поэтому, Турция в качестве правопреемницы «исторической глубины» османского наследия, обладает ее «географической глубиной» [3]. Поясняя последнее понятие Давутоглу говорит: «Географическая глубина – это часть исторической глубины. Например, Турция не просто какая-нибудь средиземноморская страна. Важная особенность, которая отличает Турцию от, скажем, Румынии или Греции, это то, что Турция одновременно ближневосточная и каспийская страна. В отличие от Германии, Турция настолько европейская, насколько азиатская страна. И действительно то, что Турция настолько черноморская, насколько средиземноморская страна. Именно эта географическая глубина помещает Турцию прямо посередине многих геополитических сфер влияния» [Там же].

В практической плоскости данные положения стали реализоваться в налаживании тесных контактов и установлении партнерских отношений с соседними с Турцией государствами, такими как Сирия, Иран, Ирак, создавая при этом так называемый «пояс стабильности». В 2008 году был осуществлен беспрецедентный шаг по попытке нормализации армяно-турецких отношений, завершившийся подписанием Цюрихских протоколов. Тесное сотрудничество с ближневосточными странами

позволило Турції значительно расширить рамки не только в сфере экономических взаимоотношений, но и на определенный промежуток установить скоординированное взаимодействие по курдскому вопросу в приграничных районах. Все эти действия входят в рамки важнейшего принципа неосманской стратегии под названием «ноль проблем с соседями».

Таким образом, в формировании нового стратегического видения положения Турции ключевую роль играет ее историческое наследие, которое должно выступать основным регулирующим инструментом для достижения позиции весомой межрегиональной геополитической силы. Для этого, по мнению автора «стратегической глубины», во внешней политике необходимо придерживаться метода «мягкой силы» (экономического, политического, культурного и дипломатического влияния) [4]. Джозеф Най в своей работе под названием «Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике» отмечает, что распространение мягкой силы не должно проходить в виду односторонней трансляции определенной информации. Процесс информационно-ценностного обмена должен иметь двухстороннюю направленность, при котором носитель и распространитель «мягкой силы», должен уделять критическое внимание сигналам, исходящим со стороны общества-реципиента. Только в этом случае применение «мягкой силы» будет считаться эффективным [5].

Налаживание подобного рода информационного контакта крайне важно воспринимается в условиях процесса глобализации. В данном аспекте «мягкая сила» в рамках международной политики становится не просто проявлением публичной дипломатии, а также культурного взаимодействия, но и методом межгосударственного обмена посредством масс-медиа и информационными технологиями. Стоит только отметить тот факт, что Турция тратит миллионы долларов на развитие киноиндустрии, которая за последнее десятилетие выпускает в среднем 60-70 фильмов. К примеру, такие сериалы как «Золотой век» (Muhtesem Yuzil) и «Запретная любовь» (Ask-I Memmi) Бьют рекорды по просмотрам на Ближнем Востоке и Северной Африке [6]. Эти обстоятельства ведут к росту интереса к турецкому образу жизни, культуре и искусству, а вместе с тем, к возрастающему влиянию Турции.

Метод «мягкой силы» продвижения региональных интересов Анкары позволил усилить процесс турецкого культурного интегрирования, который уверенно сдерживался коммунистической Югославией. Стоит заметить, что культурный кластер неосманской политики больше сосредоточен на западную часть балканского региона, поскольку мусульманская часть населения преобладает именно в этом районе. К примеру, транслируемые в Боснии, Хорватии и остальных странах региона популярные турецкие телесериалы завоевывают лидирующие позиции в рейтингах [7].

Одну из передовых позиций в тактике пробуждения исторической общности занимают два турецких университета в Сараево – это Международный университет Сараево (МУС) и Международный университет Берч (МУБ).

В первом высшем заведении обучаются студенты из 22 стран Азии,

Африки, Європи и Северной Америки. Примечательно, что около 65 % всех учащихся в МУС составляют этнические турки, которые обучаются бок о бок с боснийцами. Несмотря на то, что образовательный процесс ведется на английском языке, студенты должны освоить язык своих коллег – соответственно боснийский или Турецкий [Там же]. Говоря иными словами, в стенах данного заведения протекает некоего рода этно-культурный синтез.

МУБ является проектом, который имеет связи с деятельностью известного турецкого проповедника Фетхуллы Гюлена. Это значит, что, возможно, обучение в «Берче» базируется на воспитании в учащихся религиозно-консервативного духа, хотя официально данное заведение считается светским [Там же].

Литература:

1. Дмитриев Т. Очарование «мягкой силы» [Электронный ресурс] / Т. Дмитриев. – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=77&tek=3131&issue=94>;
2. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – p. 31;
3. Murinson A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy // Middle Eastern Studies. – Vol. 42. - № 6. – 2006. – p. 951-952;
4. Murinson A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy // Middle Eastern Studies. – Vol. 42. - № 6. – 2006. – p. 950;
5. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – p. 102-105;
6. Gullo M. Turkish Foreign Policy: Neo-Ottomanism 2.0 and the Future of Turkey's Relations with the West.: Master thesis. Durham. Duke University. 2012. – p. 99-100;
7. Семушин Д. «Компенсация» за недопущение в ЕС: Турция предлагает Балканам «мягкую версию» Османской империи [Электронный ресурс]/ <http://www.geopolitics.ru/2013/05/kompensaciya-za-nedopushhenie-v-es-turciya-predlagaet-balkanam-myagkuyu-versiyu-osmanskoj-imperii/>.

Константинова В. А.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ УРУГВАЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Восточная Республика Уругвай является одной из богатейших стран Латинской Америки. Как и у большинства стран Латинской Америки, в истории Уругвая значится и колониальное прошлое (колонизирован Испанией, после был «яблоком раздора» между Аргентиной и Бразилией, до 1825 года входил в состав Бразилии), и ожесточенные гражданские войны, и военная диктатура 1970 – 1980-х гг., и как у всех бывших колоний – колоссальный внешний долг.

Однако, то, что представляет собой Уругвай на современном этапе – результат прогрессивной внутренней и сбалансировано-прагматичной внешней политики высших эшелонов власти. Уругвай – одна из наиболее динамически развивающихся стран Латинской Америки с наиболее низким

уровнем інфляції, найбільш сприятливим інвестиційним кліматом і безупречною репутацією на міжнародній арені.

Следователно, зовнішня політика Уругвая на сучасному етапі формується під впливом ряду факторів, а саме:

1) геополітичне положення, яке є відносно вигідним ввиду наявності виходу в Атлантичний океан, компактності території і вигідного сусідства – граничить з Аргентиною і Бразилією, найбільш економічно і політично сильними гравцями на регіональній арені, і претендуючими на глобальне лідерство;

2) економічні успіхи і динамічне розвиток;

3) національні багатства і ресурсний потенціал: хоча корисними іскопаємими Уругвай не багат, існують родовища золота і срібла. Золото не тільки добивається, але і експортується. Існують також невеликі родовища і проявлення залізних і марганцевих руд на сході країни, урана, фосфорного сировини. Добиваються напівдрагоценні камені (аметист). Ведуться геологорозвідочні роботи на вуглеводородне сировини, але великих успіхів поки не досягнуто [1]; сприятливий клімат для сільськогосподарства, досить густа річкова мережа;

4) майже вся зовнішня торгово-промислова діяльність Уругвая здійснюється по водних шляхах, 90% всього обсягу цієї торгової діяльності ведеться через порт Монтевідео;

5) колонізований європейцями – це посилює тісні зв'язки з ЄС (особливо, з Іспанією); країна з європейською (іспанською) правовою системою і європейськими поглядами;

6) в минулому територіальні суперечки і претензії з боку сусідів Бразилії і Аргентини, які неодноразово вторгались на територію ВРУ. Це не перешкоджає взаємним інтеграційним прагненням цих держав. Уругвай схильний підтримувати колективне рішення міжнародних проблем;

7) інтеграційні тенденції в регіоні; міжнародне і регіональне співробітництво в рамках провідних організацій. Уругвай – член ООН і ряду його дочірніх організацій, ВТО, а також Організації Американських Держав (ОАГ), Міжамериканського банку розвитку і Латиноамериканської асоціації інтеграції (ЛАІ). Уругвай є також членом Групи Ріо, що грає велику роль у розвитку політичного і економічного співробітництва в регіоні, УНАСУР, G-77, Union Latina і др. Уругвай – один з ініціаторів створення МЕРКОСУР [2].

8) сприятливий інвестиційний клімат з розвинутою банківською системою – фактор, що пояснює інтерес країн ЄС. Іноземний капітал надходив в країну через Міжамериканський банк розвитку і Всесвітній банк, а також від різних приватних інвесторів і іноземних банків. До числа найбільш великих інвесторів відносяться США і Аргентина [3].

Таким чином, позначив основні фактори, які впливають на формування зовнішньополітичного курсу, цілком природно розглянути ідейну основу зовнішньої політики, сформульовану в зовнішньополітичній доктрині Уругвая. Основні принципи, на

которых строится внешняя политика данного государства, прописаны на официальных сайтах государственных институтов.

Среди них отмечаются следующие: курс Уругвая в международных делах основывается на многовекторности, приверженности идеям многополюсности современного мира, уважении международного права, признании центральной роли ООН в мировых делах, соблюдении демократических начал в международных отношениях и поиске коллективных решений вопросов, стоящих перед мировым сообществом при опоре на институты многосторонней дипломатии. Категорически отвергаются любые попытки отдельных стран присвоить себе право в одностороннем порядке диктовать свою волю мировому сообществу.

Кроме того, среди принципов фигурируют следующие темы: соблюдение прав человека, прав наций на самоопределение, невмешательства во внутренние дела других государств, уважение к окружающей среде, интеграции. Интеграционный подход закреплен в Конституции без ущерба для стратегических приоритетов страны. Эти принципы внешней политики, которая характеризуется очень широким национальным консенсусом, однако, могут быть элементами международной напряженности, но они имеют важное значение для видения того, какой должна быть повестка дня за пределами Уругвая. Позиционирование себя определенным образом в переговорах по изменению климата, стойким органическим загрязнителям или по вопросам биологической безопасности является отражением принципа уважения и бережного отношения к окружающей среде [4].

Правительство Уругвая ведет сбалансированную внешнюю политику, активно взаимодействуя с ведущими мировыми державами, а также внутри латиноамериканского региона в рамках его интеграционных объединений. При этом приоритетным направлением для Уругвая является Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), в котором Монтевидео выступает за преодоление ассиметрий в уровне развития стран-участников данной организации. Для Уругвая МЕРКОСУР выступает политической платформой для развития тесных связей в социальной, культурной, политической, экономической, финансовой сферах и т. д. [5].

Уругвайская дипломатия выступает за активизацию международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и другими современными угрозами, последовательно поддерживает разоруженческие инициативы, активно работает на правозащитном направлении. На особом месте среди приоритетов уругвайской дипломатии стоит формирование более справедливого мирового экономического порядка. В рамках Кернской группы и других международных форумов Монтевидео выступает против практикуемых развитыми странами сельскохозяйственных субсидий.

Военное руководство страны рассматривает участие уругвайских военнослужащих в миротворческих операциях ООН в качестве одной из приоритетных задач вооруженных сил в мирное время. К настоящему времени в общей сложности более 3200 уругвайских военнослужащих выполняют задачи в составе миротворческих контингентов в Конго, Гаити, Эфиопии и на Синайском полуострове, а также в качестве военных наблюдателей ООН в различных странах мира – в Афганистане, Кот-

д'Ивуаре, Сьерра-Леоне, Западной Сахаре и др [6].

Исходя из своих экономических приоритетов и экономических успехов по приоритетным направлениям, высшее руководство страны поставило целью внешней политики через 7 лет ввести Уругвай в G20 ведущих государств мира. Примечательным является тот факт, что столица государства – Монтевидео – своеобразная политическая платформа для различного рода форумов и саммитов, причем не только регионального масштаба, например, саммиты МЕРКОСУР, Ибероамериканский саммит т. д. События подобного рода выступают еще одним источником инвестиций для развития инфраструктуры столицы.

Таким образом, Восточная Республика Уругвай занимает активную позицию на международной арене и активно участвует в процессах интеграции на региональной основе. Среди факторов формирования внешней политики имеются как положительные, так и отрицательные аспекты. Однако, ВРУ сумела трансформировать негативные факторы (колониальное прошлое, территориальные споры и т.д.) в прагматичные отношения с соседями и партнерами по интеграционным процессам.

Литература:

1. Информационно-аналитический центр «Минерал»: Сырьевой комплекс зарубежных стран: Уругвай [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.mineral.ru/Facts/world/116/148/index.html>.

2. Официальный сайт государства Уругвай [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://portal.gub.uy/>.

3. Uruguay XXI: Investment And Export Promotion Agency [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.uruguayxxi.gub.uy/innovaportal/v/98/2/innova.front/welcome_to_uruguay_xxi.html.

4. El Ministerio de Relaciones Exteriores – Uruguay en el Mundo: Política Exterior [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.mree.gub.uy/gxpsites/hgxpp001?7,1,87,O,S,0,MNU;E;8;2;MNU>.

5. El MERCOSUR [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.mercosur.int/>.

6. Министерство иностранных дел Российской Федерации: Восточная Республика Уругвай [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rlat.nsf/601debeef6efe270432569dc002f680c/40ab348f6ce9850943256a2400478b2a!OpenDocument>.

Сирота Н. М., Сорокина Е. Е.

МЭТРЫ АМЕРИКАНСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Один из глобальных трендов мирового развития последних десятилетий - трансформация международной системы из биполярной в полицентрическую.

Этот феномен и его использование в интересах США постоянно находится в поле зрения ведущих политических аналитиков современности Г.Киссинджера и Зб.Бжезинского.

Национальные интересы США они видят в отказе от курса на глобальное доминирование, сформировавшегося в годы холодной войны, обеспечении мирового лидерства и воспрепятствовании укреплению позиций конкурентов. Особое значение оба аналитика придают контролю над Евразией как наиболее богатым ресурсами континентом, жизненно важным для развития американской экономики.

По мнению Г.Киссинджера, система международных отношений будет включать в себя шесть основных участников – США, Европу, Китай, Японию, Россию и, вероятно, Индию[1, с.23-24]. Хотя в предлагаемой им схеме «полюсов», или центров влияния, политика по крайней мере трех государств – России, Китая и Индии – во многих отношениях будет независимой от Запада, тем не менее США сумеют обеспечить себе лидирующую роль в международных отношениях.

В книге «Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века (М., 2002) Г.Киссинджер на основе анализа изменений в мировой политике с ХУІІІ по ХХ в. проводит мысль о бесперспективности американской стратегии геополитического доминирования в качестве имперской державы, необходимости ориентации мощи страны на достижение «морального консенсуса» в мире и создания условий, которые способствовали распространению рыночных и демократических ценностей.

Г.Киссинджер высказывает опасения по поводу непредсказуемых последствий вмешательства во внутренние дела других государств. Отнесение гуманитарных интервенций к числу приоритетов американской внешней политики, по его мнению, возможно лишь при наличии таких условий, как повсеместная поддержка американского общественного мнения, одобрение мирового сообщества и учёт исторического контекста[2, с.263].

В последней книге Г.Киссинджера «О Китае» (2011) показано влияние древней и современной истории Китая на формирование его внешнеполитического курса и отношение к Западу. Констатируется настороженность политического класса США в связи перспективами «мирного возвышения» Китая. Автор придерживается той точки зрения, что основанные на сотрудничестве отношения между США и Китаем необходимы для обеспечения глобальной стабильности и мира, а холодная война способна затормозить прогресс для целого поколения по обе стороны Тихого океана.

З. Бжезинский с конца 1970-х гг. до начала 2000-х гг. разрабатывал идеи однополярного имперского доминирования США, расчленения СССР и затем России, создания «глобальных Балкан от Косово до Синьцзяна», недопущения того, чтобы на пространстве Евразии появился соперник, способный бросить вызов Соединённым Штатам.

В связи с ослаблением глобальных позиций единственной сверхдержавы и усложнением международной системы З.Бжезинский выступает за ее адаптацию к реалиям формирующегося полицентризма. Содержание этой адаптации, с его точки зрения, должно состоять в отказе от претензий на доминирование в мировой политике, налаживании конструктивного сотрудничества с главными «центрами силы» - Европейским Союзом

и Китаем, партнерстве с Индией, Японией и Россией, демонстрации преимуществ американского социального устройства и обеспечении его привлекательности для остального мира. Оптимальный статус Соединенных Штатов в полицентрическом мироустройстве ему видится в лидерстве среди ведущих держав мира, которое позволило бы повысить уровень управляемости международными процессами.

Именно с этих позиций Зб. Бжезинский в своей последней книге «Стратегическое прозрение» рекомендует Соединённым Штатам при выстраивании мирового порядка в XXI веке «проводить более ответственную и утончённую политику, чем раньше», учитывать невозможность доминирования единственной сверхдержавы, особенно в «ситуации, когда на мировую арену вышли новые региональные державы» [3, p. 131]. Вовлечение России в расширенное сообщество западных стран рассматривается им как решающий фактор для будущего международного статуса Запада.

Зб. Бжезинский критически оценивает предпринимавшиеся при Дж. Буше попытки искусственного внедрения демократической системы в традиционные общества Ближнего Востока, расценивает их как подрывающие геополитические позиции США. Для продвижения демократии он предлагает изучать демократические процессы в различных регионах мира и оказывать помощь тем из них, которые выражают глубинные чаяния народов соответствующих государств.

По мнению Зб. Бжезинского, идея борьбы с терроризмом не может быть центральным системообразующим принципом внешней политики США, поскольку узка по своей направленности, расплывчата в определении противника, и, что важнее всего, не способна повлиять на фундаментальные причины, порождающие нестабильность в зоне Евразии.

В качестве основного инструмента внешней политики США Зб. Бжезинским акцентируется идея использования «разумной силы» (smart power) – сочетания «жесткой» военной и экономической мощи с «мягкой» силой публичной дипломатии, позволяющих решать актуальные международно-политические проблемы в режиме диалога с мировым сообществом, руководствуясь прагматизмом, а не идеологемами.

Модернизация России, считает Зб. Бжезинский, важна для всего мира и создает возможности для её сотрудничества как с Европой, так и с США и Китаем. По его прогнозу Россия, хотя и с зигзагами, всё же будет двигаться к Европе и имеет все возможности, чтобы стать успешной европейской страной. Зб. Бжезинский высказывается за создание к 2050 году нового содружества от Ванкувера до Владивостока.

В ряде публикаций оба эксперта значительное внимание уделили обоснованию необходимости расширения американско-китайского геостратегического сотрудничества для преодоления финансово-экономического кризиса. Учитывая уникальность потенциала обоих государств, предлагалось создание «большой двойки», которая сконцентрировала бы усилия на совместном решении общемировых и региональных проблем.

Идея выстраивания особых отношений между США и Китаем

выражает позицию той части американской элиты, которая стремится избежать гигантских затрат на противостояние с Китаем, заинтересовать его в целесообразности постепенного, плавного продвижения к новому мироустройству, а заодно попытаться превратить основного конкурента в зависимого партнера, т.е. нейтрализовать его.

Мэтры американской геополитики высказали свои суждения по актуальной теме мировой политики – смене власти на Украине. Близость их позиций состоит в видении Украины как моста между Россией и Западом, декларировании неприемлемости подхода к украинскому вопросу с антироссийских позиций.

Выразив убежденность в демократическом будущем Украины и России, Зб.Бжезинский полагает, что идеальный вариант взаимоотношений ЕС, Украины и России – финская модель, когда оба государства уважают друг друга как соседи, поддерживают экономические отношения, но не входят в военные альянсы [4]. Аналогичного мнения по вопросу о путях разрешения конфликта придерживается и Г.Киссинджер: в международном плане украинские лидеры «должны проводить политику Финляндии, которая не оставляет сомнений в своей полной независимости и сотрудничает с Западом в большинстве областей, но в то же время тщательно избегает политической враждебности по отношению к России» Рекомендация Г.Киссинджера американским политикам такова: «Мудрая политика США в отношении Украины должна включать поиск возможностей для сотрудничества двух частей страны. Мы должны стремиться к примирению фракций, а не к доминированию одной из них» [5].

Позиция мэтров американской геополитики Г.Киссинджера и Зб.Бжезинского по фундаментальным проблемам мирового развития свидетельствует о признании политико-академической элитой Запада необходимости фундаментальной ревизии прежней концепции отношения к мировому сообществу и прежде всего к цивилизационно близкой России, радикального пересмотра внешнеполитического курса, взятого в начале холодной войны.

Литература:

1. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997..
2. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М.: Ладомир, 2002.
3. Brzezinski Zb. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. N.Y.: Basic Book, 2012.
4. Brzezinski Zb. Russia Needs to be Offered a “Finland Option” for Ukraine // The Financial Times. 22.02. 2014.
5. Kissinger H. How the Ukraine Crisis Ends // The Washington Post. 06.03. 2014.

Щербатюк Д. В.

МЕСТО ШОС В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЕВРАЗИИ

Послераспада СССР и образования 15 независимых стран стала актуальным вопрос становления их государственности, во многом зависящий от

решения целого ряда социальных, политических и экономических проблем. Некоторые из них видели возможность его успешного решения лишь в тесном сотрудничестве, одним из необходимых условий которого стали интеграционные процессы.

В конце XX века стало понятно, что Содружество Независимых Государств не смогло выполнить свои основные интеграционные задачи, а его деятельность имела низкую эффективность, несмотря на тесные связи бывших союзных республик. В этой ситуации возникает необходимость создания новых интеграционных объединений, в большей степени адаптированных к новой региональной ситуации и имеющих новый прогрессивный взгляд. Одним из таких объединений является Шанхайская организация сотрудничества, демонстрирующая эффективную работу по многим направлениям деятельности и по праву завоевавшая большой авторитет на мировой политической арене.

Евразийская интеграция привлекает внимание многих государств и международных организаций. Причинами такой заинтересованности в сотрудничестве является большой природно – ресурсный потенциал Центральной Азии, выгодное географическое положение, а также большой авторитет ведущих стран ШОС – России и Китая на мировой политической арене. Некоторые государства, в частности США, хотели бы установить более тесное сотрудничество с Организацией с целью оказания влияния на интеграционные процессы в регионе.

Современная историография насчитывает достаточно много исследований интеграционных процессов в Евразии. Большинство из них посвящены экономическим и политическим проблемам. Тем не менее, комплексных исследований, посвященных месту ШОС в интеграционных процессах, несмотря на достаточно весомый вклад организации в этом направлении, не обнаружено.

Академик и Исполнительный Вице-президент Евразийской Академии Телевидения и Радио (ЕАТР), Валерий Давыдович Рузин на Форуме сотрудничества профессионалов телевидения стран - участниц ШОС, состоявшемся в августе 2009 года, отметил, что «интеграция - это переход к системному сотрудничеству, это создание механизмов, которые создают и продвигают систему совместных инициатив и проектов. Это создание условий для их успешной реализации» [1]. Однако идеи интеграции появились не в государствах Центральной Азии, а исходили от таких ведущих мировых держав, как Китай, Россия. Такая ситуация связана, прежде всего, с особенностями геополитического расположения региона и его ресурсным потенциалом.

Для дальнейшего развития экономических отношений государств региона в рамках ШОС существует ряд благоприятных условий. Одним из них является взаимодополняемость их экономик. Например, Китай испытывает существенный недостаток энергоресурсов, поэтому должен импортировать их из России и Казахстана.

Министр экономики Кыргызстана Темир Сариев отмечает, что совместное решение в рамках ШОС комплекса приоритетных задач является важным фактором эффективного социально - экономического развития

всех государств региона. Важнейшим направлением экономической интеграции стран ШОС является сотрудничество и производственное кооперирование в сфере транспортной инфраструктуры, эффективное и рациональное использование топливно-энергетических ресурсов, развитие сферы машиностроения [2]. Результаты работы Шанхайской организации сотрудничества являются значительными, любые задачи осуществляются последовательно и логично.

Перспективной для сотрудничества является транспортная область. Годы сотрудничества и географическое положения государств – членов ШОС сделали возможным осуществление крупных совместных проектов в транзитной сфере. К такого рода проектам можно отнести идею возрождения «Великого Шелкового пути», являющегося связующим звеном Китая и государств Центральноазиатского региона.

Одной из основных задач Шанхайской организации сотрудничества сегодня является укрепление и дальнейшее развитие торговых и инвестиционных проектов как в рамках региона, так и за его пределами. «Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества», была подписана 23 сентября 2003 года главами правительств стран - участниц ШОС, а ее реализация рассчитана до 2020 года. Она подразумевает сотрудничество стран региона в энергетической, информационной, экологической, сельскохозяйственной, телекоммуникационной, транспортной, научной и технологической сферах.

В своем выступлении на саммите ШОС 13 сентября 2013 года в Бишкеке президент Казахстана Нурсултан Назарбаев призвал страны ШОС к экономической интеграции, так как «мировая экономика находится в условиях турбулентности и рисков», а также подчеркнул, что «интеграция в рамках ШОС является подспорьем для государств», - сказал Назарбаев, поддержав идею скорейшего создания фонда развития и банка развития ШОС [3].

Создания зоны свободной торговли в ШОС является долгосрочной перспективой. В ее рамках предусматривается свободное движение капиталов, а также товаров и услуг. Трудность заключается в том, что все государства ШОС отличаются по уровню развития экономики. Несмотря на это, экономическая интеграция государств Шанхайской организации сотрудничества становится все более актуальной.

Зона свободной торговли может дать толчок к упрощению пересечения границ государств стран-участниц, в чем, безусловно, заинтересован Китай и не заинтересованы другие государства Организации. По мнению главного научного сотрудника Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, эксперта Центра по изучению Китая при Институте мировой экономики и политики (ИМЭП) Константина Сыроежкина, «Большая перспектива - создание зоны свободной торговли на территории Центральной Азии, но если мы создадим зону свободной торговли в рамках ШОС, то Китай просто «задавит» нас своими товарами. Наверное, это неплохо, потому что если сейчас с рынка убрать китайские товары, то мы вернемся в начало 90-х годов, к товарному дефициту, и цены вырастут еще больше, но проблема есть» [4]. Поэтому Организация пока не готова к осуществлению подобных

проектов, требующих преодоления значительных противоречий.

Тем не менее, основываясь на темпах экономического развития государств – членов ШОС, стратегиях, региональных интеграционных процессах стоит отметить, что Центральная Азия приобретает большое геополитическое значение и становится ключевым регионом азиатского пространства. На сегодняшний день в регионе наблюдается активная деятельность Китая и его активное участие в интеграционных процессах и это является основной тенденцией интеграции.

Заместитель гендиректора Центра по изучению постсоветского пространства МГУ Александр Караваев полагает, что переломным моментом в интеграционных процессах внутри ШОС может стать открытие дверей для вступления в него новых членов. ШОС стоит накануне ожидаемого расширения. Все последние годы желание стать полноправными членами ШОС высказывали очень мощные, но весьма сложные государства, обремененные непростыми проблемами и скандальной репутацией [5].

Крайне важной составляющей для дальнейшего развития Организации и ее успешной работы является общие интересы государств ШОС, одним из которых является ее включение в мировые интеграционные и глобализационные процессы, участие в которых для стран Центральной Азии по отдельности было бы трудным.

Таким образом, на сегодняшний день ШОС является основной составляющей формирования интеграционных процессов на всем Азиатском пространстве. Укрепление сотрудничества в сфере экономики во многом обусловлено увеличением инвестиций государств – членов и реализацией общих масштабных проектов. У Центральноазиатского региона, как и у Евразийского материка в целом, есть все шансы стать единым интеграционным пространством с большим экономическим, энергетическим, технологическим, ресурсным и демографическим потенциалом, что может усилить и геополитическое значение ШОС.

Литература:

1. Рузин В.Д. ШОС: Интеграция - это переход к системному сотрудничеству. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/expert/5600/>
2. Министр экономики Кыргызстана: ШОС - реальный центр интеграционных процессов. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31519/8018180.html>
3. Назарбаев призывает страны ШОС к интеграции экономик. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.today.kz/ru/news/kazakhstan/2013-09-13/94128>
4. Эксперт: «Создание зоны свободной торговли в рамках ШОС в ЦА может привести к тому, что Китай «задавит» нас своими товарами» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/884130.html>
5. Караваев А. Цена вопроса. Переломным моментом в интеграционных процессах внутри ШОС может стать [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1308171660>

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕС И РФ В СФЕРЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Актуальность исследования изменения законодательной базы Европейского Союза и Российской Федерации определяется тем, что приграничное сотрудничество является составной частью стратегического партнерства между ними. Оно включено в «дорожную карту» по первому общему пространству (общее экономическое пространство) как один из приоритетов сотрудничества. Оно также является необходимым элементом реализации политики «Северного измерения» Европейского Союза. Целью работы является анализ правовой базы ЕС и РФ в сфере взаимодействия приграничных районов.

Вначале, мы считаем необходимым, отметить концептуальные расхождения по исследуемой проблеме. Оно заключается в том, что приграничное сотрудничество в Европе традиционно воспринимается как компетенция региональных и местных властей. В то время как в России государственная система достаточно централизована и внешнеполитическая деятельность всегда была в компетенции центральной власти.

Сложность анализа европейского законодательства определяется тем, что приграничное сотрудничество ЕС не регулируется каким-то одним определенным законодательством, и большинство стран ЕС не имеют конкретного национального закона по изучаемой проблематике. Лишь в 2003 г. ЕС выступил с инициативой «Новое соседство в расширенной Европе», которое позже развилась в программу «На пути к новым инструментам политики добрососедства». В итоге в 2007 г. был принят Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП). Он нацелен на укрепление сотрудничества между странами членами ЕС и партнерскими странами вдоль внешней границы Европейского Союза и охватывает семилетний период (2007 – 2013 гг.). [1] ЕИСП также предусматривает различные типы программ. Они могут включать деятельность по межрегиональному сотрудничеству (статья 6.2) и по приграничному сотрудничеству (раздел III).

Изменения в законодательной базе ЕИСП в сравнении с предыдущими правилами TACIS направлены на новое понимание программ приграничного сотрудничества. Прослеживается движение от программ помощи, практически полностью финансируемых ЕС, к настоящим программам сотрудничества, в которых обе стороны работают вместе на всех стадиях процесса – разработка, управление, внедрение и оценка. Новые принципы софинансирования программ, с достаточно существенной долей с российской стороны, отражают возросшее право собственности программ среди заинтересованных сторон, где поддерживаются принципы партнерства и взаимных интересов. Это первый раз, когда внутренние финансовые инструменты ЕС сливаются с международными (внешними) программами сотрудничества ЕС и формируют новое поколение равноправных партнерских программ.

В объект данного исследования не входит деятельность Совета Европы. Мы считаем, что без обзора нормативной базы для приграничного сотрудничества между ЕС и РФ будет не полным без краткого обзора законодательства, созданного этой международной организацией. На наш взгляд – это единственный институт в Европе, который попытался создать правовые инструменты, специально нацеленные на приграничное сотрудничество, которые были бы общими для большинства европейских стран. Основной правовой акт для развития приграничного сотрудничества в Европе – «Европейская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями», принятая Советом Европы в Мадриде 21 мая 1980 г. [2] и ее три протокола. Она стремится заполнить пробелы в правовом обеспечении, предлагая формы приграничного сотрудничества, в частности, соответствующие нуждам территориальных общин. Дополнительный Протокол, принятый в ноябре 1995 года [3] особенно важен для принятия шагов к дополнению Конвенции, и обеспечивает юридический статус соглашениям по приграничному сотрудничеству, подготовленным местными властями. Опыт показал, что «...главное препятствие для эффективного применения конвенции – это то, что акты, принятые таким способом региональными властями, не имеет юридического значения внутри соответствующих государств» [4].

Третий дополнительный протокол к «Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями» был сформирован в Совете Европы Европейским Комитетом местной и региональной демократии. Документ был открыт для подписания Сторонами 16 ноября 2009 г. Семь стран членов Совета Европы уже его подписали на встрече министров в Утрехте 17 ноября 2009 г. Протокол оговаривает, что «Территориальные общины или власти и другие органы могут основывать орган трансграничного сотрудничества в форме «Группы еврорегионального сотрудничества (ГЕС)» на территории стран-членов Совета Европы, участников протокола».

Большинство стран членов Совета Европы подписали и ратифицировали Мадридскую Конвенцию и ее протоколы (за исключением третьего протокола из-за его новизны) и Хартию. Это также относится к Российской Федерации и ее соседям из ЕС.

Стратегия Российской Федерации в области приграничного сотрудничества для каждой конкретной территории складывается из целого комплекса законодательных норм федерального, регионального и муниципального уровней. Конституция Российской Федерации закрепила распределение пределов компетенций между федерацией и субъектами федерации, а также закрепила за рядом вопросов статус предметов совместного ведения. Статьей 72 Конституции Российской Федерации определяет, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления; координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации.

Помимо этого Конституцией Российской Федерации закреплён примат международного права над национальным (статья 15).

Система разделения пределов компетенции федерации и субъектов федерации, предусмотренная Конституцией, предполагала дальнейшую конкретизацию в федеральных законах. Тем не менее, до 1995 г. в Российской Федерации не был определен статус соглашений субъектов федерации, а до 1999 г. не была определена система координации внешних связей субъектов Российской Федерации.

Для системы организации местного самоуправления федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» принятый в 1995 г. оставлял субъектам федерации столь широкие полномочия в этом вопросе, что на территории России одновременно действовало до восьми различных форматов организации местного самоуправления. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г. определял, что, независимо от названия, любые соглашения субъектов Российской Федерации не являются международными договорами (статья 4). До 1999 г. оставались неурегулированными все вопросы, связанные с координацией внешних связей регионов. В настоящее время по согласованию с Министерством иностранных дел РФ, субъекты федерации имеют право открывать представительства за рубежом. Эти представительства не обладают дипломатическими иммунитетами и привилегиями и должны возглавляться гражданами Российской Федерации (статья 10). Этой же статьей закрепляется возможность открытия иностранных суб-государственных образований в регионах Российской Федерации. Рассмотренный выше закон не был избавлен от целого ряда концептуальных недостатков. Они в конечном итоге привели к пересмотру российского законодательства по местному самоуправлению и принятию нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 6 октября 2003 г. [5] Законом 2003 г. к местным полномочиям отнесено международное сотрудничество (ст.17. п.8).

Статья 82 ФЗ определяет, что особенности осуществления местного самоуправления на приграничных территориях определяются федеральным законом, регулирующим режим приграничной территории. В настоящее время в Российской Федерации нет ни одного федерального закона, определяющего режим приграничной территории.

В заключении хотелось бы отметить, что все еще сложно оценить сможет ли новое законодательство, недавно введенное Европейским Союзом, Советом Европы и Российской Федерацией, дать новые возможности и инструменты для сотрудничества между ЕС и соседствующими странами. В любом случае, то, что формируется четкая политическая воля к обеспечению заинтересованных сторон приграничного сотрудничества в необходимых юридических инструментах – хороший знак. Сейчас инициатива перешла к национальным государствам и различным органам по приграничному сотрудничеству, и от них зависит, смогут ли они практически использовать предоставленные возможности.

Литература:

1. Сводная информация по стратегическому документу ЕИПД ПГС может быть найдена по ссылке: <http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/>

regionalcooperation/enpicross border/index_en.htm – Прим. авт.

2. «Европейская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями», Мадрид, 21 мая 1980 г.

3. Дополнительный Протокол к «Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями» (ETS no. 159), Страсбург 9.11.1995.

4. Резолюция 227 Постоянной Конференции местных и региональных властей Европы (Standing Conference of Local and Regional Authorities of Europe (CLRAE)), Страсбург, март 1991.

5. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003

Секція «Політичні інститути та процеси в Україні та світі»
Секция «Политические институты и процессы в Украине и мире»

Гайкалова Н. В.

**КООРДИНАТЫ УКРАИНЫ В ПОЛЕ ИНФОРМАЦИОННОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Развитие сферы информационных технологий стало революционным толчком, положившим начало образованию нового мирового порядка. В борьбе за передел мира в XXI веке для достижения геополитических целей используется комплексный арсенал средств, таких как: информационное оружие, информационно-психологическое воздействие, информационная экспансия. В новых реалиях возникает новая форма зависимости одних государств от других, получившая название информационного неокOLONIALИЗМА. Субъекты-доминанты делают недостаточно информационно обеспеченных субъектов информационно зависимыми от них, превращая последних в «объекты информационной экспансии» [1].

Украина как государство, образовавшееся в результате разрушения биполярного мира, ввиду своего территориального положения находится в поле зрения ведущих государств мира в качестве объекта для завоевания и установления протектората, объекта информационно-психологического воздействия со стороны стран – доминантов, контролирующих мировые информационные потоки и обладающих безграничной властью. Последствием данного воздействия может стать потеря независимости и суверенитета.

Распад СССР стал отправной точкой в изменении геополитического баланса сил на европейском континенте и повлиял на расстановку сил в мире. Украина становится ареной борьбы между Россией и Западным миром. Находясь на стыке двух цивилизаций – западной и восточной, Украина занимает ключевое положение в геополитических планах США, Западной Европы и России. В теории создания безопасности Западно-Европейской цивилизации З. Бжезинского Украина выступает как «буферное государство» и имеет двоякое положение. Она входит в «первый санитарный коридор», государства которого входят в Западно-Европейское сообщество, но не будет

включены в него, оставаясь формально российской сферой влияния, и «второй санитарный коридор», отделяющий Западную Европу от угрозы безопасности со стороны мусульманско-азиатского мира [2, 65].

Украина как государство Восточной Европы занимает особое место в геостратегии США, которая базируется на концепции Х. Маккиндера: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартленд... тот контролирует Мировой остров... тот контролирует весь мир» [3, 76]. Более того, выделяя кредиты через международные организации, США осуществили «новый план Маршалла» с целью освоения Римленда как транспортно-энергетического коридора Восток – Запад. США и ЕС рассматривают такую геоэкономическую экспансию как средство геополитического сдерживания России. «Украина – новая важная «клетка», возникшая на евразийской шахматной доске – представляет собой геополитическую ось, поскольку ее существование в качестве независимого государства способствует трансформации России. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей» [4, 79]. Несмотря на благосклонность главного геостратега США З. Бжезинского к украинскому государству, он явно подчеркивает, что Украина выступает «разменной монетой» в деле ограничения имперских амбиций России.

Система моноцентризма в геополитической структуре мира с лидирующей ролью США достаточно четко вписывается в современное состояние мировых коммуникационных процессов. Обладая колоссальным научно-техническим потенциалом и контролируя глобальную информационную инфраструктуру, США диктуют свои условия другим государствам, как и Украине, с помощью информационно – психологического воздействия.

Украина занимает важное место и в геополитических планах России, которая рассчитывает реинтегрировать Украину и прибегает к любым способам (в том числе информационным) для достижения цели. В России система информационного воздействия на оппонентов еще не достигла американского уровня ввиду недостаточного финансирования и отсутствия нормативно-правовой базы. Однако определенные успехи в деле проведения информационных атак на Украину уже имеются. Это касается основного рычага воздействия – поставок российского газа. Данная тематика является основной при ведении информационных войн Россией с целью дискредитации международного имиджа Украины (несанкционированные отборы и не произведенные выплаты за природный газ).

В результате, Украина находится между двух огней: Россией, стремящейся восстановить свою имперскую мощь, и США, прилагающими все усилия для установления однополярного мира. Наше государство ничего не предпринимает для того, чтобы защищаться и противостоять. Следствием данного факта является постоянно возрастающее информационное давление на Украину со стороны России, США и Европейского союза.

Геополитическое положение Украины ставит перед государством задачу: противостоять вызовам и защитить национальное информационное пространство с целью обеспечения национальной безопасности.

Основные вызовы, которые стоят перед Украиной, можно сформулировать следующими тезисами.

Украина является государством - потребителем информации. Ввиду отсутствия собственных зарубежных корпунктов вынуждена довольствоваться той первичной информацией, которую поставляет «великая четверка» - британское агентство Reuters, американские The Associated Press и United Press International и французское France-Presse[5]. Последние часто бесплатно предоставляют информацию развивающимся странам, укрепляя их информационную зависимость. Безусловно, такая ситуация отрицательно сказывается на обеспечении информационного суверенитета Украины.

Одним из порождений глобализации, которое представляет опасность, являются ТНК. Они проникают в Украину и воздействуют на политические элиты с целью принятия решений в интересах иностранных государств. В случае возникновения противоречий с правительством, ТНК могут создавать искусственные препятствия, провоцирующие негативные экономические и политические проблемы внутри государства [6, 42].

Для Украины вполне может быть применен сценарий внешнего управления государством в условиях информационного неокOLONIALИЗМА. Значительную угрозу представляют навязанные правительству (под видом «новых») технологии управления, порождающие неразрешимые конфликты, которые создают внутривластительский хаос [7, 315].

«Цифровой разрыв» внутри Украины между «информационно богатыми» и «информационно бедными» людьми дает возможность политическим элитам манипулировать общественным мнением в силу недостатка верной информации.

Незащищенность информационного пространства Украины проявляет следующие вызовы: утечка информации, что может нанести неопределимый ущерб государству (скандал с Wikileaks); угроза сбора личной информации в сети Интернет, возможность перехвата телефонных сообщений и управление компьютерами. Противостояние вызовам является стратегической задачей государства как гаранта конституционных прав граждан.

Украина является информационно-зависимым государством ввиду постоянного поступления внешних информационных ресурсов и технологий с информационного пространства государств-доноров Северной Америки, Западной Европы и России.

В условиях информационного противостояния в Украине специально поддерживается состояние неопределенности, абсолютного разрушения, настоящего хаоса и беспредела, не имеющего границ политического кризиса.

Неизбежность вступления Украины в информационно-психологическую войну обуславливается ее географическим положением и заинтересованностью иностранных государств. На геополитической карте мира Украина является ареной информационного противостояния между Российской Федерацией и США вместе с Европейским Союзом, но никакого противодействия этому государственным органами не проводится. Сегодня можно констатировать тот факт, что Украина является объектом скрытого управления информационно-психологическими процессами. Поэтому необходимо создание продуманной государственной информационной политики, основной задачей которой может быть

согласованная и целенаправленная деятельность государственных органов и военного управления по противодействию негативному информационному влиянию других государств.

Литература:

1. Кузьменко А. Информационно-психологическая война эпохи глобализации. Ч. 10. // Юридический журнал. – 2008. – №8.
2. Кузьменко А. Информационно-психологическая война эпохи глобализации. Ч. 1. // Юридический журнал. – 2007. – № 5.
3. Политология: Учебно-методический комплекс: Ред/ Ф. Кирилюка. – К., 2005.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.
5. Соснин О. К проблеме определения места и роли информационных аспектов безопасности в социальных проектах. Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua>.
6. Кузьменко А. Информационно – психологическая война ТНК против государства // Юридический журнал. – 2009. – №2.
7. Белянцев А. Международная безопасность в условиях глобальной информационной революции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.– 2003. – №1.

Гримайлова П.

БЕДНАЯ БОГАТАЯ УКРАИНА

После распада СССР Украина радикально сменила путь своего развития, променяв мечту о коммунизме построением капитализма. Прошло более 20 лет после обретения независимости нашим государством. И на данном этапе мы осознаем, что экономическая модель, присущая Украине далека от идеала, так же как и система государственного управления. Вместо капитализма мы обрели неконтролируемую монополию. Управленческая сфера не представляется без понятия коррупции. И сейчас перед нами стоит очевидный вопрос, должно ли государство привалировать над экономикой, или все-таки экономика не должна зависеть от государства? На мой взгляд, наиболее подходящая модель взаимоотношений между крупным бизнесом и политикой — это дружба, но с привалированием полномочий государства. Здесь стоит отметить, что данный тип взаимоотношений я предлагаю именно для нашего государства. Как показывает практика, полностью либерализованная экономика, отстраненная от государственного влияния становится не эффективной. Тем-более политика государственного невмешательства в экономический процес не эффективна в стране, где формальная независимость была обретена не многим более двух десятков лет назад, а формально закрепленные законы не являются практическими стимулами и ограничителями.

Различные экономические течения предлагают разнообразные модели взаимоотношений между государством и экономикой. Начиная плановым типом производства, заканчивая крайне либеральными взглядами на экономический процесс. Крайности стоит отбросить сразу, так как принцип золотой середины актуален всегда, за редким исключением. Такой золотой серединой я вижу государство, с национализированной энергетикой и

поддержкой бизнеса всех уровней. Эта модель обеспечит рабочие места для населения Украины, будет способствовать циркуляции капитала внутри государства, а так же поможет грамотно распределять ресурсы среди различных социальных групп. Частичное государственное вмешательство позволит исключить неконтролируемую монополию, чрезмерную задержку капитала. Неконтролируемый рынок порождает монополию, полная национализация порождает застой. Рыночные отношения являются стимулом для развития технологий производства, национализированные ресурсы являются механизмом, обеспечивающим высокую роль государства в перераспределении ресурсов. Таким образом, я предлагаю вобрать положительные моменты из двух полярных экономических моделей, которые смогут обеспечить конкурентное развитие экономики, но в то же время будут содержать сдерживающие механизмы.

Украина — молодое государство, с сейсмически удобным территориальным расположением. Большая часть территории Украины расположена на юго-западе Восточноевропейской равнины. Украина обладает значительным количеством природных ресурсов. Железные руды залегают в Криворожском (18,7 млрд. тонн), Кременчугском (4,5 млрд. тонн), Белозерском (2,5 млрд. тонн) и Керченском (1,8 млрд. тонн) железорудных бассейнах. Наибольшие в мире залежи марганцевых руд находятся в Никопольском районе. Как значительные оцениваются месторождения никелевых, хромовых, титановых, ртутных, полиметаллических руд. Украина обладает запасами нефти и газа. Нефть и природный газ сосредоточены в Приднепровско-Донецком (80%) регионе [1]. В меньшем объеме энергетические ресурсы расположены в западных регионах (Украины Вольно-Подольская плита, Прикарпатье, Карпаты и Закарпатье). Разработки нефтяных и газовых месторождений на территории нашего государства являются перспективными. Но, к сожалению, потребности Украины в нефти удовлетворяются на 10-15%, в газе – в рамках 25% [1]. Украина занимает ведущие позиции по сосредоточению не рудных ископаемых. Основным достоянием Украины являются плодородные почвы. По оценкам специалистов, на территории Украины сосредоточена четверть мировых запасов черноземов. Украинские черноземы по своим физическим и химическим, свойствам признаны наилучшими. Безусловно, подобные данные говорят о высоком экономическом потенциале. Но по данным за 2013 год Украина заняла 111 позицию (ВВП на душу населения - 3 862 доллара), а рост ВВП составил всего 0,1 % [2]. Анализируя географические данные Украины и экономические показатели нашего государства, даже учитывая статистические отклонения, можно прийти к выводу, что современная экономика Украины неэффективна.

В низком уровне жизни населения значительная часть граждан Украины винит чиновников. Есть лица, которые видят корень проблемы в беспорядочном бизнесе. Но в сложившейся на Украине ситуации виновата система, в которой государство по факту не имеет никакого влияния на крупный бизнес, а наиболее влиятельные и ответственные должности занимают не компетентные, а «удобные» люди. Вследствии этого неравномерно перераспределяются ресурсы, работа большинства

частных предприятий рассчитана на «быстрые деньги». Предприятия не модернизируются, основной доход не задерживается в Украине, множество активов находится за границей нашего государства, производится не полезная для общества продукция, а та продукция, которая позволяет получить быстрый капитал, не думая о последствиях. Граждане Украины сталкиваются с проблемой трудоустройства и дальнейшего карьерного развития, большинство граждан профессиональный рост в нашей стране кажется мифом. Аграрный сектор Украины находится в запущенном состоянии. В то время, как более 50% продуктов питания импортируется из Китая (чеснок, сало) и других стран, украинский чернозем засевается, истощающим почву рапсом, а в селах пустуют заброшенные земельные участки. Так же этому способствуют законы, по которым владелец может арендовать земли только на краткий срок. Это не выгодно ни арендатору, ни государству. Государству стоит задуматься об увеличении срока аренды земли. Касательно легкой промышленности Украины стоит отметить, что за последние 10 лет показатели приблизились к минимуму. Мы практически не производим одежду. В области текстиля развивается теневой рынок, большинство продукции ввозится из стран Азии.

Таким образом, когда экономика страны представляет собою неконтролируемую гонку за ресурсами и быстрым накоплением капитала деформируется вся государственная система. Не продуктивными становятся все производственные секторы, дезорганизируются социальная сфера. Для того, чтобы экономика Украины стала эффективной, а уровень жизни нашего населения поднялся на более высокий показатель нужно воссоздать экономическую и государственную модели, которые помогут развить каждый сектор производства. Государство обязано задавать вектор, благодаря которому бизнес будет развиваться, модернизироваться, станет конкурентоспособным на внутреннем и внешнем рынках, обеспечивать правомерное распределения ресурсов, в том числе, контроль за выплатой налогов. Государству не обязательно национализировать все отрасли производства, достаточно лишь национализировать энергетические ресурсы и следить за использованием чернозема. Создавать выгодные условия для развития крупного бизнеса, но создавать механизмы, позволяющие избежать давления на средний и малый бизнес. Частичная национализация позволит поддерживать и развивать медицину, вкладывать ресурсы в развитие научно-исследовательской деятельности. Все эти негативные тенденции четко прослеживаются в нашем государстве. Украина сможет выйти на новый уровень развития только в тот момент, когда бизнес и государство будут выполнять свои функции, обретут гармонию, когда их отношения будут взаимовыгодными. Но в первую очередь эти отношения должны быть способными приносить пользу обществу.

Литература:

1. Официальный вэб-сайт Министерства экономического развития и торговли Украины <http://www.me.gov.ua/>
2. World Economic Outlook Database-October 2013, International Monetary Fund.

Короткова М.

ДЕМОКРАТИЯ В УКРАИНЕ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В ходе последних событий в Украине все чаще много украинцев задают себе такой вопрос «А правда ли, что Украина демократического государство?». Наверное для того что бы апеллировать этим термином необходимо сперва понимать, что же есть демократия. Демократия- в переводе с древнегреческого «власть народа», в современном понимании это политический режим, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса. В энциклопедии такая трактовка звучит более чем подходяще для концепции идеального государства. Каждый гражданин, прочтя это термин, будет ему очень рад, ведь говорится, что именно он решает, как будет выглядеть его государство. Но если приоткрыть завесу восторга сразу можно прочесть, что увы, не только ты решаешь как будет выглядеть твое государство, ведь каждый гражданин имеет право на такое решение. Здесь уже играет роль народная мудрость «Сколько людей, столько и мнений». Государство же не может услышать каждого, ведь это не реально. Поэтому стоит понимать, что если только твое мнение схоже с большинством оно вероятно учтётся, но если нет, тогда придётся молчать. С такой стороны демократия уже не выглядит такой привлекательной.

Спонятие мы разобрались, перенесем теорию на практику. В соответствии со статье первой Конституцией Украины «Україна є суверенна і незалежна, демократична, соціальна, правова держава» наша стана действительно является демократической державой. Но на деле это не так. Разберемся сперва вот в чем, человек и все, что касается его благополучия, в Украине есть самой большей ценностью. И все люди в Украине равны между собой. Одно, но как же тогда люди у власти могут позволить себе обеспечить условия существования, а простые рабочие есле сводят концы с концами. Или это является их выбором? Или тогда чиновники и олигархи это большая часть украинского народа? К сожалению все больше походит на завуалированную бюрократию. Как писал Ленин в 1903году о Российской бюрократии, сейчас эту фразу можно применить и для Украины «Как крестьяне были рабами помещиков, так русский народ остается до сих пор рабом чиновников». Можно делать вывод, что Украина не демократическое государство. Власти не заморачиваются о народе. О этом говорит даже отсутствие перепись населения за последние 10 лет. Как тогда можно говорить о верном подсчёте голосов на выборах.

Демократия – это обычная красивая упаковка для бюрократии, для Украины это точно так. Демократия невозможна так же если бы у власти были бедные люди. Возьмём утверждение Аристотеля. Он считает, что демократия при которой бедные составляющие большинство, вылетят в то что, бедные будут править в своих эгоистических интересах, ущемляя права зажиточных граждан. Демократия вообще противоречит естественному отбору. Ибо всегда побеждает сильнейший.

Подытожим, Украина только на бумаге является демократическим

государством. В реальности наше государство переполнено бюрократией. Следовательно демократия для Украины – миф, а не реальность.

Маркова О. А.

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА РЕЛИГИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Уже на протяжении сотен лет институт религии является одной из важнейших сфер общественной жизни, оказывая значительное влияние на формирование мировосприятия, тем самым осуществляя давление на политическое сознание и поведение общества. Влияние религии сказывается и на политических процессах, и на принятии государственной властью политических решений.

Религия и церковь стали субъектами политики. Такая активность выражается в том, что организационные носители религиозных течений (такие как церкви, мечети, религиозные общины/организации и т.п.) не только принимают участие в политической жизни, но и широко привлекают к этому другие организации (партии, профсоюзы, общественные/молодежные организации), а порой и создают свои.

В последнее время внимание государственных структур и партий к мнениям глав религиозных объединений, к позиции различных религиозных конфессий по социально-значимым проблемам, значительно возросло [1].

Сегодня не редкостью является и тот факт, что церковь активно участвует в политических процессах по средствам мобилизации своих прихожан для поддержки какой-либо политической силы.

Хотя влияние религиозного фактора на политику и выборы в полной мере досих пор не изучено, но исследователи ограничиваются общей констатацией участия священников и иерархов церкви в той или иной предвыборной кампании, призывов духовенства голосовать за тех или иных кандидатов, политические партии и блоки. Масштабное влияние на политику вообще и результаты выборов в частности оказывает фактор отношений государства с религиозными объединениями и конфессиональной политики власти [2].

Таким образом, мы видим, что даже в избирательном процессе религиозный фактор отыгрывает далеко не маловажную роль, начиная от риторики избирательной кампании и заканчивая использованием авторитета наставника духовной организации, а так же затрагивание конфессиональных вопросов в программах партий и ярко выраженный официальный характер участия кандидатов в жизни церкви. А нынешняя власть крайне нуждается в религии как в некоем универсальном инструменте для удержания власти. Из двух средств сохранения власти – физическое принуждение и манипулирование сознанием людей – все чаще власть имущие прибегают ко второму. И тут важную роль играет то, что на протяжении многих столетий практически важнейшим постулатом церковной мысли было то, что всякая власть от бога.

К тому же между составными частями религии и политики можно провести определенную аналогию. В обоих случаях речь идет об отношениях,

сознании и организации. Похожими являются и некоторые функции этих общественных феноменов. Две важнейшие функции, присущие политике – регулятивная и интегративная – присущи также и религии. Политика призвана обеспечивать целостность общественной системы, стабильность и общественный порядок, регулировать отношения между людьми и общественными группами, сглаживать возникающие противоречия. Подобные функции выполняет и религия. Политика реализует названные функции нередко в интересах определенных слоев населения или всего общества в целом. То же самое делает религия [3].

По своей сути соотношение религии и политики многомерное явление. Это и их взаимодействие при урегулировании конфликтов в социуме и просто управление обществом. Не редко религиозные институты становятся ретрансляторами властных политических решений, но, возможна и противоположная ситуация – церковь может осудить те или иные действия правительственных элит, повлияв на оценку этих решений в обществе.

Вместе с тем, политика и религия могут оказать друг на друга взаимное влияние. Регулируя общественную жизнь, политика влияет и на религию, формируя законные рамки для ее функционирования, регулируя правовое положение религиозных организаций, защищая права граждан на свободу совести, создавая климат взаимной терпимости и уважения между конфессиональными общностями. В свою очередь, развитие политического процесса определяется как соотношением политических сил и характером политической структуры, так и сложившимися в обществе духовными принципами и идеалами. А эти последние во многом обусловлены доминирующими в обществе религиозными учениями [3].

Не смотря на то, что религиозные лидеры в интересах достижения своих целей порой используют политическую среду, а представители власти, в свою очередь, опираются на церковь с целью укрепиться на своих позициях, противоречия неизбежны.

Одной из причин противоречий между религией и политикой заключается в том, что у них разные методы регулирования поведения людей, несхожие подходы к оценке их действий. Политика часто руководствуется принципом целесообразности, в то время как религия требует руководствоваться нравственными заповедями, зафиксированными в священных текстах [3].

Еще одной причиной серьезных противоречий может оказаться необходимость правового контроля религиозных организаций со стороны государства, так как это очень актуально в многоконфессиональных странах. Однако отсутствие контроля ведет к еще большей угрозе межконфессиональных и межнациональных противоречий, в случае, если государственная власть наделяет большими преференциями представителей определенной религиозной общины.

При изучении вопроса взаимодействия религии и политики в контексте социально-политической основы существуют проблемы. Первая проблема выражается в несовершенстве нормативно-правовой базы сотрудничества. Другая проблема заключается в политико-правовом статусе религиозных организаций. В связи с этим перед каждым государством стоит вопрос об определении политико-правового статуса религиозных объединений.

Однако в обществе еще не могут чётко и последовательно определить отношения между религиозными организациями и государственными органами власти. Существующие обстоятельства могут обернуться против религиозных объединений. На современном этапе взаимодействие государства и религиозных организаций остаётся за рамками правового поля, руководствуясь политическим согласием власти и иерархов. Любые изменения политического курса способны существенно повлиять на государственно-конфессиональные отношения [4].

Подводя итоги, можно отметить, что какую оценку не давали бы роли института религии в государстве, без учета религиозного фактора зачастую невозможно полностью проанализировать и предвидеть многие политические и социальные процессы в обществе. Ведь современная церковь является не помимо религиозных функций, выполняет так же социально-политическую роль – ведь её институты являются участниками политического процесса, выступая как вариант или аналог неправительственных организаций. Политика и религия неизменно связаны между собой, хотя призваны способствовать личному и общественному благосостоянию. Имеющийся исторический опыт смешения религиозной и политической сфер деятельности свидетельствует, что это обычно приводит к превращению церкви в придаток государства и политических организаций. В то же время бывали случаи, когда и государство шло на поводу у интересов церкви. Преодолеть подобную практику таких взаимоотношений может лишь соблюдение конституционных норм и гражданских прав, а так же отделение государственных вопросов от религиозных, осуществление принципов светскости государства и духовной миссии религиозных организаций. В конечном итоге от этого выигрывают и государство, и религиозные общины, и все общество.

Литература:

1. Кучинов А. М. Влияние Русской Православной Церкви на политический процесс в России // Бизнес. Общество. Власть - 2011. - № 7. С. 145–155
2. Бурьянов С. Религия на выборах. Фактор отношения государства к религиозным объединениям накануне и в ходе выборов. - <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2004/05/d2272/>
3. Нуруллаев А.А. О соотношении политики и религии // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер.: Политология – 2000 - № 2 - С. 60-68.
4. Филина Н.В. Социально-политическая основа взаимодействия органов государственно-власти в религиозных организациях // Политика и общество – 2013 – №2 – С. 168-175

Роботягова І. В.

ПРОТОПОЛІТИЧНА ДЕМОКРАТІЯ В УКРАЇНІ ЯК ВІДДЗЕРКАЛЕННЯ СЛАБОКОНКУРЕНТНОСТІ ПОЛІТИЧНОГО РИНКУ

Політичний ринок кожної держави характеризується рядом особливостей, які є відображенням специфічної інституціональної структури та специфікою внутрішньоринкових інтеракцій. Ключовою особливістю політичного

ринку України є низький рівень конкурентності у взаємодії між основними акторами та у рекрутації політичних еліт. Специфікою слабоконкурентних ринків є неформалізовані, традиційні, неформальні політичні інститути (як клієнтелізм, патронаж тощо), які є засобом реалізації владних трансакцій. Імпорт західних моделей конституційного дизайну після набуття Україною незалежності не супроводжувався формалізацією ключових гравців (політичних партій, парламентської коаліції, опозиції тощо). Даний процес зумовлює перехід політичних процесів на неформалізований рівень взаємодії політичних акторів, підміну національних інтересів приватними, вузькогосподарськими, уникнення акторами санкцій за порушення правил гри.

Звичайно, західні політичні ринки також містять елемент неформалізованих механізмів реалізації приватних інтересів всередині політичного ринку, проте він реалізується у новій формі клієнтелізму, яка має певний ряд відмінностей від старих його проявів і є більш конкурентною. Також ступінь проникнення такого типу інтеракцій є не настільки значною, як на пострадянському просторі взагалі та в Україні зокрема. Серед особливостей нової форми клієнтелізму є, по-перше, відносини набувають характеру менш ієрархічних, навіть більше «демократичних». Хоча дисбаланс влади, за якого патрон контролює ресурси, які потребує клієнт, залишається, у них залишається значно менше пошани та залежності з боку клієнта, який є вільним у використанні власного голосу як товару задля максимізації власних вигод. А по-друге, в результаті зменшення ієрархізації та персоналізації патрон-клієнтних відносин, нова форма клієнтелізму стає більш схильною призводити до змінюваності електоральної поведінки, відкриваючи нові можливості для більшої змагальності та ротації політичних еліт [1, с.3].

У сучасному світі патрон-клієнтна мережа набула ще одного значного елемента – «посередництва», тобто дуальні відносини перетворюються на потрійні, у яких посередник є одночасно клієнтом високопоставленої особи та патроном для клієнта, який знаходиться у нижніх прошарках владної ієрархії. Однак, на відміну від «головного» патрона, посередник не є володарем тих чи інших ресурсів, він лише може отримати їх від патрона для того, щоб транслювати їх нижчому за ієрархією клієнту. Така форма клієнтелізму притаманна неопатримоніальним режимам [2, с.7]. Значною негативною рисою посередництва як відсутності процесу безпосередньої індивідуальної домовленості для головного патрона та клієнта є неабсолютна впевненість у результатах домовленості, що призводить до ще більшої неочікуваності політичного процесу.

В Україні неконтрольований розвиток патронажно-клієнтелістських відносин та відтворення традиційних інститутів економіки та влади після набуття Україною незалежності стимулювали олігархічні тенденції, звузили канали доступу суспільства до економічних та адміністративних ресурсів та, в результаті, вихолостили демократичний зміст представницької конструкції влади [3, с.217]. Були сформовані інститути з демократичною обкладинкою, в той час як їхня сутність відповідала наявній на той час пострадянській політичній культурі. В рамках такого порядку розвивався й інститут політичних партій, які протягом 15 років всередині пострадянських

держав не змогли стати головним гравцем на ринку влади [4, р.3], а отже слабкоінституціоналізовані політичні партії призвели до формування на їх основі слабкоінституціоналізованих коаліції та опозиції.

Політичний ринок не зміг забезпечити конкурентність у своїх рамках, баланс розподілу влади всередині нього було порушено. Значна впливовість протополітичних, традиційних інститутів, таких як клієнтелізм, економіка дару тощо в комплексі із демократичними формальними інститутами створюють умови для відтворення слабоконкурентного політичного ринку, який визначає функціонування такої специфічної форми правління в Україні, як «протополітична демократія». Складністю подолання такого політичного порядку в Україні є й непрямий вплив її інституціональної структури на її статусно-рольові позиції в світі, оскільки держави, в рамках яких бенефіціари на політичному ринку визначаються через неформалізовані механізми розподілу та реалізації влади, відтворюють «відсталість» в рамках світових політичних процесів.

Література:

1. Hopkin J. Conceptualizing Political Clientelism: Political Exchange and Democratic / J. Hopkin // Theory Paper prepared for APSA annual meeting, Philadelphia, Panel 46-18 'Concept Analysis: Unpacking Clientelism, Governance and Neoliberalism'. – 31 August – 3 September 2006. – 19 p.
2. Muno W. Conceptualizing and Measuring Clientelism / W. Muno // Paper to be presented at the workshop "Neopatrimonialism in Various World Regions", GIGA German Institute of Global and Area Studies, Hamburg. – 2010, 23 August. – 26 p.
3. Крысенко А. В. Политическая антропология: концептуальное поле и институционализация исследований / А. В. Крысенко // Ойкумена. – 2009. – № 6. – С. 211 – 220.
4. Hale H. Why Not Parties In Russia? Democracy, Federalism, and the State / H. Hale. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 263 p.

Секція «Історичний досвід України: держава, економіка, люди»

Секция «Исторический опыт Украины: государство, экономика, люди»

Бодрухин В. М.

ПОЛОВЕЦЬКІ ХАНИ ШАРУКАНИДИ

Із другої половини XII ст. поступово відновлювалися економіка і військовий потенціал половців. Безсумнівно, така економічна система була тендітною й залежала від природного середовища. Для протидії природним напастям скотарі розробили ефективну систему взаємодопомоги [1, с. 17].

Більш того, окремі князі зверталися до половців із проханнями допомоги в міжкнязівських чварах, тобто половці грабували землі різних князівств у складі ворогуючих коаліцій. Феодальна роздробленість сприяла нападам кочовиків, складала для грабунків, так би мовити, легальні можливості. Звісно, що більш за все від такої князівської політики страждали прості люди.

Однак знать поступово все більш явно протиставляла себе простим військовим, внаслідок чого з часом у половців утворилася феодальна драбина.

На чолі її знаходились хани, які створювали союзи племен, головним чином для військових потреб. Найбільш міцні хани мали змогу включати до таких союзів багато племен. Між ханами існував розподіл на більших і менших («уньшиє» за нашим літописом). Ханам підпорядкувалися беки – глави окремих племен і орд. Беки очолювали беїв, тобто глав феодальних сімей, до яких входили прості кочовики. На думку К. І. Красильникова, різні види кам'яних статуй свідчать про окремі прошарки половецької аристократії [2, с. 44].

Запрошення половців до участі у міжкнязівських конфліктах призводило до гріких наслідків. Наприклад, у підсумку військових дій 1177 р. «...и села пожеже боярская а жены и дети и товар дасть поганым на щит» [3, с. 383]. Літопис свідчить під 1151 р.: «и Свенча Боняковича дикаго половчанина оубиша иже бяшеть рекль хощю сечи Золотая ворти яко же и отець мои...» [4, стб. 432]. Автор «Слова» прямо вказує, що «погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бълъ отъ двора» [5, с. 13].

З 70-х років XII ст. почав здійснювати грабінницькі походи на Русь хан донського об'єднання половців Кончак із роду Шаруканидів. Часто він діяв разом із ханом лукоморського союзу Кобяком. Під 1183 р. літопис повідомляє: «...придоша измалтыне безбожнѣи Половци на Роусь воевать... ко Дмитровоу, съ оканъѣны Кончакомъ и с Гльбом Тириевичемъ. И бжъемъ застоуплениемъ и н бѣи пакости в них» [4, с. 628]. М. С. Грушевський підкреслює, що «почавши від 1184 і до 1194 рр. маємо кампанію з половцями, що хоч не дорівнює мономаховій своєю інтенсивністю і результатами, не менш була горяча і ще більше метушлива» [6, с. 211].

Слід звернути увагу на думку С. Федаки щодо походу Ігоря Святославича проти половців: «У літературі утвердилася переважно негативна оцінка Ігоревого задуму. Насправді ж Ігор був поставлений перед обличчям жорстоких обставин і не мав реального вибору. За половцями стояв Всеволод, котрий уже підпорядкував собі Переяслав і тепер зазіхав на Сіверщину. Він хотів розправитися з нею руками союзних йому половецьких ханів, як зробив незадовго перед тим з Рязанщиною. План Ігоря полягав у тому, щоб розпорозити половецькі сили ще до того, як вони об'єднуються» [7, с. 7].

Іноді дослідники дивуються, чому представник чернігівської династії, яка традиційно спиралася на половецьку допомогу в міжусобній боротьбі, почав активну боротьбу з половцями. Справа в тому, що наприкінці XII ст. активно відбувалися об'єднувачі процеси в степу. Останнім кроком на цьому шляху було створення половцями власної державності. Це добре розумів великий київський князь Святослав, тому він і змінив традиційну чернігівську половецьку політику. Авторитет Святослава Всеволодовича дуже підвищувала його антиполовецька політика.

А. Ю. Якубовський підкреслює, що кочовики під час феодалізації суспільства в районах, суміжних з землеробською смугою, переходять до осілості. Він не має сумнівів, що ще до вторгнення татарського війська, тобто на початку XIII ст. можна казати про існування у половців кількох кочівничих князівств [8, с. 18 - 19]. За часів правління Кончака значно посилились донецькі половці. Вони постійно кочували в напрямку до Азовського моря за меридіальними маршрутами довжиною до 200 км. Найбільш розвиненим був регіон по Середньому Дінцю. На думку вчених,

«міста» донецьких половців, порушені за часів Володимира Мономаха, не відновлювалися з приводу конкуренції з боку великих портів Криму. Економічне піднесення краю давало міцний поштовх для політичного розвитку половецького суспільства. В донецькому половецькому об'єднанні фактично склалися всі передумови для створення державності.

Кончак послідовно проводив політику, спрямовану на консолідацію половецьких орд, послаблення конкурентів на шляху створення державності. Прискоренню державотворчих процесів сприяли його перемоги в боротьбі з руськими князями, а також союз з Ольговичами. Утворити ранньофеодальну державність типу каганату, на думку С.О. Плетньової, половцям вдалося лише напередодні монгольської навали. Базою для її створення послуговували землі донецького об'єднання половців. На чолі держави стояв Юрій Кончакович, якому вдалося з'єднати два або три великих половецьких союзи [9, с. 300]. На нашу думку, половецька державність утворилася раніше, ще за часів Кончака. Однак часу для розвитку половецької державності було обмаль, і вона загинула в боротьбі з монголо-татарами.

Г. О. Федоров-Давидов дійшов висновку, що в половців «зачатки держави, що спостерігаються наприкінці XII ст., не привели до якого-небудь ламання старих патріархальних відносин. Державна влада в них розвивалася по лінії родоплемінних відносин (родина – рід – плем'я – союз племен, на чолі з ханом), що характерно для епохи переходу від військової демократії до класового ладу. Саме це й обумовило той факт, що половці так і не створили розвинутої державності, так і не перебороли ранній, патріархальний, нерозвинений етап процесу класоутворення» [10, с. 42].

Можна погодитися з висновком М. М. Крадіна стосовно «двоїстої природи «степових імперій». Зовні вони виглядали як деспотичні завойовницькі держави, тому що були створені для добування прибавочного продукту поза степом. Але зсередини «кочові імперії» залишалися заснованими на племінних зв'язках без встановлення оподаткування й експлуатації скотарів. Сила влади правителя степового суспільства ґрунтувалася на його умінні організувати військові походи і перерозподіляти доходи від торгівлі, данини й набігів на сусідні країни» [1, с. 18].

Таким чином, перебільшувати половецьку загрозу для існування Давньоруської держави не можна. Звісно, що існуванню давньоруської державності половці суттєво не загрожували. Проте вдала стратегія Володимира Мономаха призвела до того, що кочовики так і не створили власної державності. Ця обставина суттєво позначилася і на їх етнічному розвитку, хоча вже формувалася стійка етнічна спільність. Наприклад, літопис під 1147 р. повідомляє: «...а половци бежаша в Половци» [11, с. 123].

У цілому можна дійти висновку, що загальна політична лінія давньоруських князів, не дивлячись на їхні постійні звернення до половців за допомогою в міжособній боротьбі, була в стратегічному плані спрямована на ліквідацію міцних половецьких об'єднань державного типу.

Література:

1. Крадин Н. Номады / Н. Крадин. // Родина. – 1997. – № 3–4. – С. 17.
2. Красильников К. И. Древнее камнерезное искусство Луганщины /

К.И. Красильников. – Луганск: Шлях, 1999. – 136 с.

3. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку // ПСРЛ – Т.1. – М.: М.:Языки русской культуры, 1997. – 497 с.

4. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далі- ПСРЛ). – Т.2. – М.:Языки русской культуры, 1998. – 648 с.

5. Слово о плъку Игоревъ, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова // Слово о полку Игореве. – Симферополь: Бизнес-Информ, 1997. – С. 5–26.

6. Грушевський М. С. Історія України-Руси / М. С. Грушевський. – Т.2. К.: Наук. думка, 1992. – 633 с.

7. Федака С. Всеволод Ольгович / С. Федака. // Сіверянський літопис.- 1999. – № 6. – С. 29 – 35.

8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение / Б. Д. Греков. А. Ю. Якубовский. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – 478 с.

9. Плетнева С.А. Половецкая земля /С. А. Плетнева.// Древнерусские княжества X – XIII вв. М.: Наука, 1975. – С. 202 – 239.

10. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 179 с.

11. Радзивилловская летопись // ПСРЛ – Т.38. - Л.: Наука, 1989. – 178 с.

Мельниченко А. М.

ДЖЕРЕЛЬНА БАЗА ДОСЛІДЖЕННЯ РЕФОРМ М. ХРУЩОВА В СФЕРІ ПОКРАЩЕННЯ ЖИТТЯ НАРОДУ

Актуальною проблемою перспектив розвитку України є децентралізація системи управління, передача якомога більших повноважень в сфері економічного життя місцевому самоврядуванню є значною протидією сепаратизму, що вимагає серйозних та невідкладних реформ в українському суспільстві. У нагоді може стати критичний аналіз спроб реформування, здійснюваних радянським керівником М. С. Хрущовим наприкінці 1950-х – початку 1960-х рр. Відомо, що М. С. Хрущов провів багато реформ у соціально-побутовій сфері життя населення взагалі, і економічних і політичних реформ зокрема. Цікавим, безумовно, є те, якими були їх соціально-побутові наслідки, вплив на добробут, побут та дозволила пересічного населення країни. Для цього нам потрібно розглянути історію повсякденності, де є людина в усьому розмаїтті її життєвих проявів, у тому числі й у соціально-побутовій сфері. У цілому вирішенню проблеми заважала неспроможність застарілої методології, на якій, власне, і базувалися праці істориків радянського періоду. У історіографії радянського часу головною була вимога марксистсько-ленінської методології проводити дослідження виключно дотримуючись класового підходу у висвітленні історичних явищ та фактів [1].

Слід зазначити, що проводити реформи почав Л. Берія, а потім Г. Маленков. Після XX з'їзду КПРС (1956 р.) почався період певної лібералізації суспільно-політичного життя країни, коли демократичні процеси в середині суспільства потягли за собою пожвавлення в культурній сфері. Проте ідеологічний диктат партії не слабшав.

Якісно новий етап у розвитку вітчизняної історіографії розпочався в другій половині 1980-х рр., коли помітно змінилася тематика наукових досліджень. Тоді з'явилася реальна можливість більш повно, об'єктивно і неупереджено висвітлювати історичні процеси та події. Справді, дослідники це явище виявили щодо періоду кінця 1970 – початку 1980-х рр., але це призвело до серйозного перегляду всіх дотеперішніх підходів до дослідження історії радянського суспільства.

Проте ціла низка проблем знайшла своє висвітлення у роботах сучасних українських істориків. Ю. Шаповал підкреслює, що радянський лідер «мав дивовижну здатність відчувати свою країну і свій народ. Імпульсивність, невичерпна енергія та екзальтованість М. Хрущова допомогли здійснити сміливий переворот у державі» [2, с. 242]. Сучасні автори зазначають, що в ході хрущовських реформ «рівень життя людей все ж таки значно зріс...». Сам він у ході реформ, які «містили позитивні елементи,... щиро бажав підвищення добробуту народу, але вони в силу об'єктивних та суб'єктивних причин не могли бути радикальними» [3, с. 519-520].

Якщо ми намагаємося з'ясувати основні стратегічні та тактичні форми проведення хрущовських реформ у добу так званої «відлиги», то повинні розглянути основні групи історичних джерел вказаного періоду. Добір джерел завжди проводиться відповідно до їхньої цінності й мети дослідження, хоча джерельна база являє собою комплекс різних за походженням матеріалів.

Оскільки джерельна база являє собою комплекс різних матеріалів, то ми поділили її за принципом розподілу за походженням. У зв'язку з цим розподіляємо її на кілька груп джерел. Є опубліковані джерела, до яких насамперед відносяться опубліковані документи. Основними були Конституція СРСР 1936 р. [4] і Конституція Української РСР [5].

У той час мала місце практика прийняття спільних постанов урядом та ЦК КПРС. Вони були обов'язковими до виконання і визначали найважливіші напрямки соціальної політики радянської держави. Важливу групу джерел складають програмні та директивні документи Комуністичної партії, які представлені у різних збірниках документів (КПРС в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК, т. 9–10).

До важливої групи джерел належать статистичні матеріали, поміщені у статистичних збірниках і довідниках, що є певними об'єктивними свідченнями змін у соціально-побутовій сфері населення. Проте, слід зазначити, що до них можна відноситися обережно, тому що за дійсність могли видаватися лише побажання, що диктувалися партійними та державними постановами. Також науковий інтерес представляють періодичні видання, як центральні союзні видання («Правда», «Известия»), так і республіканські («Правда України», «Радянська Україна»).

Група неопублікованих історичних джерел представлена документами Центрального державного архіву вищих органів влади України (ЦДАВО України), Центрального державного архіву громадських об'єднань України (ЦДАГО України) Цінними є фонди двох обласних державних архівів: Донецького державного обласного архіву (ДАДО) і Луганського обласного державного архіву (ДАЛО). Вони, як і інші обласні архіви дозволяють

дослідити зміни в соціально-побутовій сфері життя населення одного з потужних економічних регіонів України – Донбасу на регіональному рівні.

Матеріали центральних архівів України дозволяють дослідити різні сторони життя й побуту країни в цілому, а також методи проведення хрущовських реформ, їхнє втілення й наслідки для населення. Справді інколи у центральних архівах трапляються документи, які дублюють дані обласних архівів різних регіонів країни, що дозволяє провести ще й верифікацію джерел з обласних архівів.

У ЦДАВО України містяться цінні для даного дослідження документи (доповіді, постанови, рішення, накази, стенограми, доповідні записки, довідки, плани, інформації, листи тощо). Особливо треба відзначити фонди: Р-348 [7–12], Р-26, Р-166, Р-342, Р-4623 та ін., які дозволяють конкретизувати дані щодо пенсійного забезпечення населення України та надання матеріальної допомоги потребуючим, становища медичного та побутового обслуговування, середньої та вищої школи. ЦДАГО України містить важливий фонд № 1 «Центральний комітет компартії України», матеріали з якого містять важливі дані щодо матеріального становища працівників сільського господарства в досліджуваній період.

У цілому можна дійти висновку, що стосовно історичного періоду 50-х – 60-х рр. ХХ ст. існує солідна джерельна база, яка дозволяє не тільки дослідити, але й переглянути відомі факти та схеми, проте для цього вивчення необхідно підходити з нових методологічних позицій.

Література:

1. Юрчук В. І. Нариси історії Комуністичної партії України [Текст] / В. І. Юрчук [та ін.]; Інститут історії партії при ЦК Компартії України – Філіал Ін-ту марксизму-ленінізму при ЦК КПРС. – 4. вид., доп. – К.: Політвидав України, 1977. – 763 с.

2. Шаповал Ю. Микита Хрущов /Ю. Шаповал // Історія України в особах ХІХ–ХХ ст. – К.:Україна, 1995. – С. 242–249.

3. Історія державності України: Експериментальний підручник / За заг. ред. Бандурки О. М., Ярмиша О. Н. – Харків: ТОВ «Одіссея», 2004. – 608 с.

4. Конституція (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. – М, 1957. – 29 с.

5. Конституція (Основний Закон) Української Радянської Соціалістичної Республіки. – К.: Політвидав України, 1937. – 29 с.

6. КПРС в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. / Вид. 8-е, доп. і випрл. – т. 9–10. – К.: Вид-во політичної літератури, 1980. – 952 с.

7. Ф. Р – 348 Міністерство соціального забезпечення УРСР. Оп. 3. Спр. 1258. Матеріали перевірок органів соціального забезпечення Луганської області по вопросам назначения и выплаты гос. пенсий и пособий. 2.01.1964г.–31.12.1964г., 92 с. с. 72–92.

8. Спр. 919. Переписка с ЦК КПУ по вопросам пенсионного обеспечения трудящихся. 1957 г., 200 с.

9. Спр. 797. Переписка с Совмином УССР. ЦК КПУ и Минфином УССР по вопросам финансовой деятельности Министерства социального обеспечения УССР, 1954 г., 300 с.

10. Спр. 1108. Листування з Радою Міністрів УРСР. ЦК КПУ, Президією ВР УРСР з питань державних пенсій та допомоги. 1.01.1961 р.–31.12.1961 р., 172 с.

11. Спр. 911. Приказы по Министерству социального обеспечения УССР. 1957 г., 284 с.

12. Спр. 731. Справка о выполнении бюджетных расходов на социальное обеспечение УССР за 1-е полугодие 1954 г. 1954 г., 449 с.

Радченко Н. М.

«СВОД ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ» ЯК ДЖЕРЕЛО З ВИВЧЕННЯ ІСТОРІЇ РОЗВИТКУ КРЕДИТНИХ УСТАНОВ УКРАЇНИ (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.)

Помітне місце у системі джерел із вивчення історії розвитку кредитної системи України 2-ї половини ХІХ – початку ХХ ст. займають законодавчі акти. Законодавство в усі часи – прекрасний матеріал для вивчення практично будь-якої сфери життєдіяльності суспільства та держави. Аналіз, співставлення законів між собою, їх порівняння з іншими джерелами інформації та різними подіями дозволяють детально вивчити історію становлення перших банків, товариств взаємного кредиту, ломбардів, ощадно-позичкових кас на території України. Умови розвитку кредитних закладів України 1850 – 1917 рр. у правовому полі Російської імперії можна дослідити завдяки законодавчим актам зібраним у «Своде законов Российской империи». Отже, метою данного дослідження є аналіз інформаційного потенціалу законодавчих актів «Свода законов Российской империи» (1912 р.), при висвітленні історії кредитних установ України. Слід сказати, що серед наважливіших джерел вказують «Свод законов Российской империи» у своїх дисертаційних дослідженнях В.І. Марочко [1], В.М. Власенко [2], О.М. Краснікова [3], І.Е. Новікова [4], В.Д. Терещенко [5], М.Г. Казьмирчук [6] та інші.

«Свод законов Российской империи» представляє собою систематизований збірник законів, розміщених за тематичним принципом. Він почав діяти у 1835 р., після 1857 р. повністю не перевидавався, а продовжували виходити його окремі томи. До «Своду законов» потрапляли «височайші повелення» за підписом імператора та затверджені ним пропозиції Державної Ради. Не включалися до змісту Своду акти, що втратили чинність, повторювали вже існуючі або ж за самим змістом не містили законодавчих принципів. Укладачі прагнули розташувати акти у певній послідовності, що відповідала б галузям права. Складався «Свод законов» з 42 тис. статей, що були об'єднані у 8 розрядів та містилися у 15 томах. У 1-3-х томах викладалися загальні закони, державні та губернські установи й статuti про державну цивільну службу; 4-й том – містив устави про рекруську та земську повинності; 5-7-й томи – устави про податки, збори, та інше; 9-12-й томи – устави кредитних установ, торгіві, постанови по фабричній, заводській та ремісничій промисловості та інше; 13-14-й томи – устави громадського піклування (лікарський, про паспорти, про утримання під стражою та інше); 15-й том – кримінальні закони. У 1892 р. було додано 16-й том – Судовий устав [7]. Значний за об'ємом «Свод законов» рідко перевидавався, що обумовило появу з кінця ХІХ ст., так називаємих, неофіційних видань. Одне з найкращих перевидань – у п'яти книгах (Санкт-Петербург, 1912).

Устав Кредитний видання 1887 р., з його XI розділами, у яких вміщувалися установи та устави кредитні, замінив дві книги «Свода законів» установ та уставів кредитних виданих у 1857 р. (а саме статті 1-1666) [8]. У його новому виданні Устав кредитний визначає три види кредитних установ, існуючі на той час: державні, громадські та приватні. Державні знаходилися у відомстві Міністерства Фінансів та до них належали: Державна комісія з погашення боргів; Державний Банк з його конторами, Відділеннями та Агенствами; Державні ощадні каси; Державний Дворянський земельний банк; Державний поземельний банк; позичкові каси. Крім того, зазначалося, що обов'язки державних кредитних установ виконують, також: Особлива Канцелярія по кредитній частині, Департемент окладних зборів та Губернські присутствія.

Громадські кредитні заклади складали: міські громадські банки; сільські громадські банки; міські ломбарди; банки та кредитні товариства дворянського стану, купецьких товариств та інші; сільські волосні або сільські банки і каси, тобто, установи дрібного кредиту.

До останньої групи приватних кредитних установ входили: акціонерні комерційні банки (облікові та ощадні, купецькі, торгові, промислові та інші); товариства взаємного кредиту; акціонерні земельні банки; банки та товариства поземельного кредиту, на круговій поруці позичальників, засновані для займів під заставу нерухомого майна; міські кредитні товариства; приватні ломбарди або товариства для видачі позик під заклад рухомого майна чи товарів; кредитні товариства та ощадно-позичкові товариства й каси (тобто, установи дрібного кредиту); банкірські установи та мініальні лавки [9, с. 738].

Отже, вивчення та аналіз законодавчих актів «Свода законів Российской империи» дав змогу простежити процес створення та діяльності кредитних установ України. У цілому, опрацювання законодавства дозволяє визначити рівень правового забезпечення кредитної діяльності, прослідкувати державну політику та зміни у відношенні до кредитної діяльності.

Література:

1. Марочко В.І. Українська селянська кооперація. Історико-теоретичний аспект (1861 – 1929) / В.І. Марочко : автореф. дис. ... д.і.н. : спец. 07.00.08 / НАН України. Ін-т історії України. – К., 1995.

2. Власенко В.М. Кредитна кооперація лівобережної України другої половини XIX – початку XX ст. / В.М. Власенко : автореф. дис. ... к.і.н. : спец. 07.00.08 / ХДУ. – Х., 1998. – 22 с.

3. Краснікова О.М. Фінанси та кредит у сільському господарстві Лівобережної України епохи вільного підприємництва (1861 – 1917 рр.) / О.М. Краснікова: автореф. дис. ... канд. екон. наук : спец. 08.01.04. / КНУ – К., 1999. – 17 с.

4. Новікова Ірина Едуардівна. Розвиток банківської системи України в умовах становлення ринкового господарства (друга половина XIX – початок XX ст.) / І.Е. Новікова : дис. ... канд. екон. наук : спец. 08.00.01 / КНУ. – К., 2009. – 235 с.

5. Терещенко В.Д. Роль іпотечних банків у проведенні століпінської аграрної реформи в Україні (1906 – 1916 рр.) / В.Д. Терещенко : автореф. дис. ... к.і.н. : спец. 07.00.01 / Черкаський національний ун-т ім. Богдана Хмельницького. – Черкаси, 2006. – 20 с.

6. Казьмирчук М.Г. Соціальна діяльність ломбардів підросійської України (1886 – 1917 рр.) / М.Г. Казьмирчук : автореф. дис. ... к.і.н. : спец. 07.00.01 / Київський

національний ун-т ім. Тараса Шевченка – К., 2007. – 20 с.

7. Терлюк І.Я. Історія держави і права України : навч. посібник [для вищих навч. закл.] // І.Я. Терлюк // К. : Атіка, 2011. – 943 с.

8. Майков П.М. О своде законов Российской империи / Майков П. М. – М. : Зерцало-М, 2006. – 296 с. – (1) . – Режим доступа : <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=56214>.

9. Свод законов Российской империи. Т. 11. ч. 2.

СОЛОВЬЕВ К. А.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Прошлое западноукраинских земель привлекает сейчас все больший интерес со стороны российских авторов. Непростой, полный трагических событий исторический путь этого региона, наложивший глубокий отпечаток на его современное состояние, тесные взаимосвязи с судьбами России, стран Центральной и Восточной Европы открывают широкие возможности для изучения и придают любому исследованию большую академическую и общественную значимость. Благоприятствуют научному поиску и общие изменения в историографии последних десятилетий, снятие идеологических запретов, возможность выхода за пределы господствовавших прежде стереотипов. При этом магистральным сюжетом в большинстве исследований является этническая проблематика. Какие бы темы ни затрагивались авторами, этнические процессы, формирование и взаимоотношения национальных общностей в Галиции неизменно выходят на передний план. Основное же внимание уделяется периоду второй половины XIX – начала XX в. как решающему в этнополитической истории края. Именно тогда впервые дали о себе тенденции, воздействие которых ощущается и по сей день.

Как можно понять из большинства работ, вторая половина XIX и начало XX столетия были временем, когда в Галиции сосуществовали и активно соперничали между собой три основные этнические (или, если быть предельно точным, этнокультурные) общности – поляки, украинофилы и москвофилы. Речь, таким образом, шла о трех проектах построения в Галиции «большой нации» – польском, украинском и «общерусском».

По словам А. И. Миллера, галицийские поляки к 1860-м гг. оставили попытки колонизации малорусов-русинов. Потерпев неудачу в революции 1848 – 1849 гг., не сумев навязать русинам латинское правописание в 1859 г., они сосредоточились в основном на сохранении своих позиций как доминирующей этнической группы в Галиции, удержании в своих руках рычагов управления краем. Основное же противоборство тогда развернулось между москвофилами, видевшими в малорусах (в том числе и в галицких русинах) часть большого, «триединого» русского народа, и украинофилами-народовцами, считавшими всех малорусов самостоятельной народностью. В этих условиях поляки, как и центральная администрация в Вене, стали все больше склоняться к поддержке народовцев в противовес москвофилам. С

1860-х гг. украинский язык стал использоваться в Сейме, было организовано украинское культурное общество «Просвита», а затем и Товарищество им. Шевченко. Москвофилам в такой ситуации не оставалось ничего, кроме как ждать помощи от России. Миллер сообщает о периодически возникавших слухах, согласно которым «австрийский цесарь» якобы передал Галицию русскому царю. Впрочем, возлагавшиеся на Россию надежды не оправдались. Помощь от российского правительства и общественности не была постоянной и значительной по своему объему и зачастую вообще не доходила до адресатов, что предопределило известную слабость москвофильского движения [1].

Более подробно тема москвофильства и украинофильства в Галиции второй половины XIX в. освещается в монографии Н. М. Пашаевой [2]. По ее словам, в 1860-х гг., когда первые ростки украинофильства только стали пробиваться в Галиции, русинская общественность представляла собой сплоченный и достаточно мощный лагерь, способный отстаивать свои интересы перед лицом господствовавших в крае поляков. Вплоть до 1880-х гг. москвофильство было основным национальным движением галицких русинов. Вышел целый ряд печатных изданий, функционировали культурно-просветительские организации. Особое внимание Пашаева уделяет деятельности священника И. Г. Наумовича, который проявил себя как талантливый публицист (Наумовичу посвящена и специальная статья [3]). Расхождения с украинофилами касались тогда в основном языковых и культурных вопросов и не носили принципиального характера. Польские круги и австрийское правительство в этой связи стремились расколоть русинский лагерь, настраивая москвофилов и украинофилов друг против друга, и вообще поддерживая украинофилов как менее опасный в их глазах элемент. Впрочем, решающую роль в коренном изменении этнополитического баланса в Галиции сыграла не столько поддержка украинофилов, сколько давление на москвофильский лагерь, репрессивные меры против него, особенно усилившиеся в 1880-х гг., когда Австро-Венгрия и Россия оказались в противоборствующих военно-политических блоках. Это и «процесс Ольги Грабарь», и конфискации москвофильских периодических изданий, и направленные против сторонников Русской народной партии массовые беспорядки на выборах в галицкий сейм и венский рейхсрат, и кассация москвофильских депутатов (т.е. аннулирование результатов выборов на тех участках, где победили москвофилы), а также развернувшееся уже накануне Первой мировой войны уголовное преследование таких деятелей, как М. Т. Сандович и С. Ю. Бендасюк. В результате к началу XX в. украинофильство, поддерживаемое местными и центральными властями, стало господствующим национальным движением среди русинов Галиции, «українська мова» – признанным литературным языком, все шире распространялась украинская идентичность. Москвофильство же в это время, конечно, не прекратило своего существования, но стало отходить на вторые позиции, перенеся свои усилия из сферы политики на ниву культуры.

Сходные в целом позиции представлены в работах К. В. Шевченко [4] и В. Н. Савченко [5]. По словам Шевченко, москвофильская (или русофильская) ориентация, сознание себя частью единого русского народа, стремление освоить русский литературный язык были естественны для русинов Галиции, как, впрочем, и Закарпатья, и Буковины, а украинская идентичность была

во многом результатом австрийской «этноинженерии». Австрийские власти и поддерживавшие их поляки располагали мощным арсеналом средств, с помощью которых они превратили едва подававшее признаки жизни культурное движение 1860-х гг. в могущественную политическую силу. Это был и перевод школ Галиции и Буковины на «кулишевку», фонетическое правописание, в отличие от этимологического, подчеркивавшего различия между русским и украинским языком, и запрет принимать в духовные семинарии юношей русофильских взглядов и многие другие меры. Свой вклад в эти процессы внесли и репрессивные меры российских властей, превратившие Галицию в фактический центр украинского движения. В. Н. Савченко подчеркивает, что и накануне Первой мировой войны украинофильство было распространено в основном лишь среди интеллигенции и униатского духовенства, в то время как крестьяне по-прежнему считали себя русскими. Впрочем, у украинофилов, помимо поддержки властей, было и важное преимущество – социально-политический радикализм, от которого умеренные москвофилы были весьма далеки.

О том, каким своеобразием отличалась расстановка национальных сил в Галиции накануне Первой мировой войны, свидетельствуют работы М. Э. Клоповой [6] и А. Ю. Бахтуриной [7]. К этому времени украинское движение уже настолько усилилось, что Украинская народно-демократическая партия фактически стала основным представителем русинского населения Галиции, защитником его от польского произвола и таким образом основным противником поляков. В начале XX в. разворачивается противостояние уже не между поляками и русинами в целом, но между поляками и украинцами, причем противостояние это было беспрецедентно жестким, доходившим в отдельных случаях до кровопролития (например, убийство наместника Галиции А. Потоцкого). В этих условиях происходит парадоксальное на первый взгляд, но вполне естественное сближение москвофилов и поляков, которые пытаются сотрудничать перед лицом общей для всех украинской угрозы. Примечательно, что В. А. Бобринский рассматривал возможность взаимодействия и даже поддержки не только русофилов, но и галицких поляков.

Рассмотренные исследования демонстрируют сложность и неоднозначность исторических судеб Галиции, разнообразие типов этнической самоидентификации ее коренных жителей. Во второй половине XIX столетия в ней существовали различные проекты оформления этнического пространства, одни из которых получили в дальнейшем воплощение в жизнь, а другие так и не были реализованы.

Литература:

1. Миллер А. И. Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицких русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 68 – 75. Он же. Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский император в Галиции 1872 г. // Центральная и Восточная Европа в Новое и Новейшее время. М., 1998. С. 175 – 180. Он же. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. 260 с.

2. Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. 2-е изд., доп. М., 2007. 192 с.

3. Она же. И. Г. Наумович как политический, общественный и религиозный деятель Галичины второй половины XIX в. // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 80 – 91.
4. Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины во XIX – первой половине XX в. М., 2010. 414 с.
5. Савченко В. Н. Восточная Галиция на историческом перепутье. 1910 – начало 1920-х гг. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 132 – 189.
6. Клопова М. Э. Национальное движения восточнославянское население Галиции в контексте отношений России и Австро-Венгрии 1898 – 1914 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 28 с. Она же. Защита на Днестре и Сане: «Русское движение» и его судьба накануне Первой мировой войны // Родина. 2010. № 3. С. 88 – 93.
7. Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. 264 с.

Секція «Процеси і тренди світової історії»
Секция «Процессы и тренды мировой истории»

Кузеванов В. М.

**ПОСТАКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КРИЗИСА МИРОВОЙ ИСТОРИИ
И ЕГО УКРАИНСКОЕ ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ**

Постановка проблемы в общем виде. В настоящее время отсутствуют исторические и историографические исследования, связывающие общий кризис мировой истории не только с политическими и экономическими кризисами в Европе и Украине в XX в., но и с методологическим кризисом украинской национальной и академической истории. В первую очередь это обуславливается трудностями становления украинской исторической науки, приведшими к её затяжному системному кризису [1. с. 171]. А на уровне историографии кризис проявляется не в обращении к современному методологическому инструментарию, а к позитивистской историографии начала XX в. [2]. И в-третьих, идилия толкования истории как единого, целостного, прогрессирующего процесса была прервана кризисом XX в., который привёл к критическому взгляду на идею прогресса [3] в условиях глобального кризиса, когда каждая нация спасается как может [4, с. 15]. Таким образом, глубокое исследование причин этого методологического кризиса на фоне общего кризиса мировой и украинской историй является актуальной научной задачей украинских историков и историографов.

Анализ последних исследований и публикаций. Первым объёмным исследованием, положившим фундаментальное историко-философское основание в методологию исследований взаимосвязи кризисов мировой истории и кризиса украинской национальной идентичности, является исследование истории мировой цивилизации Ю.Павленко [5]. Как отмечает этот историк, потеря «...собственной культур-цивилизационной идентичности» [6], основанной на гибели Восточнославянско-Православной

цивилизации, определяет пережитую нами в XX в. катастрофу, отбросившую «...нас сегодня на обочину всемирно-исторического процесса» [7]. Взаимосвязь этой катастрофы и общего кризиса человеческой цивилизации с проблемой насилия

и репрессий в УССР отмечена также авторским коллективом серии книг «Реабілітовані історією». Этот авторский коллектив сумел поставить проблему насилия и репрессий в контекст общего кризиса человеческой цивилизации, который привёл сначала к Первой мировой войне, а через рождённые ею проблемы – и до свержения самодержавия и последующего захвата власти большевиками [8, с. 112]. В то же время Я.Верменич, обвиняя в последующей гуманитарной катастрофе феномен сталинизма [9], умалчивает не только об атеистических репрессиях большевиков и огромной роли украинских большевиков в атеистических и политических репрессиях, но и о значительном объёме человеческих жертв в результате навязанной украинскими большевиками гражданской войны в Украине, в результате искусственных голодоморов 20-х и 30-х годов XX в. [10]. В вышеуказанных исследованиях также отсутствует поиск и анализ взаимосвязи общепризнанных методологических парадигм общего кризиса мировой истории с уровнем теоретико-методологического обоснования историографического процесса общей истории Украины и схемы периодизации историографического процесса новой и новейшей истории Украины.

Формулирование целей статьи. Поиск и выявление взаимосвязи общего кризиса мировой истории с методологическим кризисом украинской национальной и академической истории на эмпирической базе исторических артефактов трагических страниц украинской истории новейшего времени, политических и экономических европейских кризисов XX века.

Изложение основного материала исследования. Эмпирическая база трагических страниц украинской истории новейшего времени обосновывается на огромных объёмах человеческих жертв украинского народа в I половине XX века – около 21 млн погибших украинцев. В том числе объём жертв I мировой и гражданской войн – 5 млн человек [11, с. 35], голодомор 20-х годов забрал в могилу 1,5 млн этнических украинцев [12, с. 697], в голодоморе 1932-1933 гг. прямые демографические потери составили 4,6 млн умерших [13, с. 10], а II мировая война забрала жизнь у 10 млн украинцев [14]. В итоге I половина XX века стала трагическим периодом гуманитарной катастрофы не только Украины, но и трагическим периодом мирового исторического кризиса. Так как за исследуемый период (1914-1945 гг.) ни одна страна мира не понесла такое колоссальное количество человеческих жертв и такую гуманитарную катастрофу, в том числе и тотальное уничтожение религии, геноцид православного народа Украины [15].

Рассмотрение общего кризиса человеческой цивилизации в современном украинском метанарративе необходимо начинать с цивилизационного подхода, с исследования мирового цивилизационного процесса в начале XX в., когда «..нарастало противоречие между самими промышленно развитыми державами (точнее их объединёнными в военные блоки группами) в борьбе за перераспределение власти над миром» [16, с.637]. Общий кризис человеческой цивилизации взаимоувязан не только с экономическими противоречиями

междувоенными блоками и с экономическим кризисом, как катастрофическим последствием Первой мировой войны [17, с. 104]. Но и с политическим кризисом, когда в межвоенный период «Европа была буквально наводнена диктаторскими режимами» [18].

И. Валлерстайн кризис человеческой цивилизации рассматривает через призму современной миро-системы, и эта «.. система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет» [19, с. 5]. Наиболее полно кризис человеческой цивилизации рассматривает С.Хантингтон «В возникающем мире этнических конфликтов и столкновения цивилизаций» [20, с. 511]. И в этих конфликтах и столкновениях, по его мнению, «.. бодем важными, чем экономика и демография, являются проблемы падения нравов, культурного суицида» [21]. Следовательно, он рассматривает кризис человеческой цивилизации в первую очередь через призму духовного кризиса.

Вышеуказанный кризис мировой истории, в том числе и кризис человеческой цивилизации, во взаимосвязи с украинской гуманитарной катастрофой, не должны были пройти мимо внимания украинских историков и историографов, изучающих определяющие события новой и новейшей истории Украины. Но итоги контент-анализа статей, опубликованных по результатам академической дискуссии – по поводу национального гранд-нарратива академической и национальной истории Украины (в «Українському історичному журналі», 2012 г.-№6, 2013 г., №№1-6) – показали, несмотря на множество вариантов украинских историй, минимальное освещение I мировой войны и голодоморов (только в двух статьях из восьми), совсем не освещены темы трагической истории Украины XX века: объёмы и причины огромных человеческих жертв в I половине XX века, тотального уничтожения религии.

Это игнорирование и неприятие очевидных исторических артефактов трагической истории Украины в XX в. свидетельствует об острейшем мировоззренческом кризисе историков и исторической науки. И этот кризис в академической исторической науке в первую очередь основан на откровенном искоренении и забвении отечественной, восточнохристианской цивилизации и культуры. Во вторую очередь этот мировоззренческий кризис обуславливается идеологическими «шорами»: «...в политизированном замалчивании существенных исторических фактов» [22, с.161]. В соответствии свышеизложенным необходим новый методологический – постакадемический подход к периодизации новой и новейшей истории Украины [23], где историческая и историографическая периодизация должна также измеряться и объёмом человеческих жертв, положенных на алтарь историографии. Так как нет ничего ценнее человеческой жизни и нет ничего циничнее - закрытие глаз на трагическую историю Украины в XX веке.

Література:

1. Проценко І.Б. Українська історія в контексті концепції осьового часу К.Ясперса// Філософія. Культура. Життя: Міжвузівський збірник наукових праць. Випуск 27.-Дніпропетровськ: Дніпропетровська ержавна фінансова академія, 2006.-С.171-177.

2. Там же, С.171.

3. Там же, С.173.
4. Віднянський С.В., Мартинов А.Ю. Національні історії в метанаративі процесу глобалізації: з європейського досвіду// Український історичний журнал.-2013.-№6.-С.4-18.
5. Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ.-К.: Феникс, 2002.-760с.
6. Там же, С.701.
7. Там же, С.702.
8. Верменич Я.В. Теоретичні засади дослідження політичних репресій у радянській Україні: соціальні, етнічні, регіональні аспекти// Український історичний журнал.-2012.-№5.-С.109-119.
9. Там же, С.111-114.
10. Кузеванов В.М. Определяющие события Украины XX века// Грані.-2012.-№5.-С.25-34.
11. Кузеванов В.М. Роль украинских социал-демократов в модернизации украинской нации// Грані.-2013.-№4.-С.32-38.
12. Піціль О., Заглада О., Крук З. Деякі аспекти репресивної політики більшовизму щодо релігії, церкви та творчої інтелігенції у 20-30 роках ХХ століття// Історія релігій в Україні: науковий щорічник/ Упоряд. О.Киричук, М.Омельчук, І.Орлевич.-Л.: Львівський музей історії релігії; вид-во «Логос», 2010.-Книга І.-С.696-701.
13. Кульчицький С., Максуров С. Втрати населення України від голоду 1933 р./ Український історичний журнал.-1991.-№2.-С.3-10.
14. Шаповал Ю. Вторая мировая война: преподавание, исследования, манипуляции// Зеркало недели.-2013.-№16.-С.1.
15. Кузеванов В.М. Определяющие события Украины XX века// Грані.-2012.-№5.-С.25-34.
16. Павленко Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ.-К.: Феникс, 2002.-760с.
17. Кузеванов Л.И. Методология исторического познания. Академизм и постмодернизм: Моногр./ Л.И.Кузеванов.-М.: НЭИ «Российская историография», 2012.-237с.
18. Там же, С.104.
19. Иммануэль Валлерстайн. Конец знакомого мира: Социология ХХІ века/ Пер. с англ. под. ред. В.И.Иноземцева.-М.: Логос, 2004.-368с.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.-М.: ООО «Издательство АСТ»,2003.-603с.
21. Там же, С.500.
22. Кузеванов Л.И. Методология исторического познания. Академизм и постмодернизм: Моногр./ Л.И.Кузеванов.-М.: НЭИ «Российская историография», 2012.-237с.
23. Кузеванов В.М. Роль политической системы в модернизации украинской нации в ХХ в.: методология историографического процесса/ «Актуальні проблеми соціально-гуманітарних наук». Матер. ІІІ всеукр. наук. конф. з міжнар. участю (м. Дніпропетровськ, 20 грудня 2013 р.): у 5-х частинах.-Д.: ТОВ «Інновація», 2013.-ч.І.-С.139.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ ПРИ МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ В КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Казахстанское общество или народ, проживающий на территории сначала КазССР, а потом Казахстана, всегда представлял собой своеобразный конструкт, который был представлен двумя преобладающими этносами: казахами и русскими. Данная организация общества была сформирована благодаря влиянию внутренних и внешних факторов на него в течение продолжительного времени.

Но эти вопросы хоть и являются очень интересными, они в данном контексте не выступают в качестве предмета нашего исследования. А им является социальная перцепция при межэтническом восприятии в современном обществе Казахстана. Объектом исследования выступает такое центральноазиатское государство, как Казахстан. Хронологические рамки определены началом XXI века, хотя мы также будем проводить параллели с прошедшим временем. Мы использовали различные методы от общенаучных до частнонаучных, а именно: анализ, абстрагирование, наблюдение, беседа, индукция, дедукция, экспертный опрос и др. Самыми важными способами познания окружающей действительности послужили наблюдение, беседа и экспертный опрос. В нашей работе есть множество переменных, с помощью которых проходит исследование социальной перцепции в казахстанском обществе. Это, например, межэтническое общение, стереотипы восприятия, население этнических групп и др. Все это влияет на главную переменную, которую мы исследуем, то есть социальную перцепцию при межэтническом восприятии. Также нужно сделать оговорку, что при выше указанных условиях мы будем ниже проводить изыскания только по отношению к двум основным этносам Казахстана: казахам и русским. Кроме того, к этнической группе казахов следует добавить и оралманов, так как даже несмотря на своеобразный латентный конфликт между «настоящими» казахами и «приезжими», они все равно проходят процесс инкорпорации в казахстанском обществе. Они во многом схожи с представителями упомянутого этноса. Степень схожести зависит от того, из какой страны они уехали и каков уровень их инкорпорации в общество. Поэтому нет смысла проводить изыскание, выделяя их в отдельную группу или не исследуя вовсе, хотя, конечно, их присутствие является новым феноменом для страны, и в принципе нет масштабной литературы, которая бы отдельно рассматривала их в качестве предмета своего исследования в виду определенных причин. Цель нашего исследования — показать, как можно всеобъемлюще социальную перцепцию при межэтническом восприятии в казахстанском обществе в начале XXI века. Гипотезой данной работы можно выдвинуть утверждение: социальная перцепция между казахами и русскими является довольно сложным процессом на современном этапе развития казахстанского общества. И в представленной работе происходит обоснование выдвинутой гипотезы.

Работа строится в виде приведения ряда определений основных понятий и их краткого описания уже вместе с исследуемым материалом. Это

производится с целью недопущения подмены понятий и наличия целостности работы. Также следует отметить, что в исследовании охватывается большой пласт понятий и феноменов, которые включает в себя социальная перцепция при межэтническом восприятии (некоторые и вовсе не упоминаются здесь) и необходимо осветить для более полной и обстоятельной картины данного явления. Поэтому остановиться подробно на всех просто невозможно в связи с объемом нашего научного изыскания.

Перцепция означает восприятие. Социальная перцепция — это образное восприятие человеком себя, других людей и социальных явлений окружающего мира. Термин «социальная перцепция» был предложен Дж. Брунером, и так обозначалась социальная детерминация перцептивного процесса. Хоть психика представляет собой единое целое, образ существует на уровне чувств (ощущения, восприятия, представления) и на уровне мышления (понятия, суждения, умозаключения). Социальное восприятие включает в себя межличностное (восприятие человека человеком), которое состоит из восприятия внешних признаков человека, их соотнесения с личностными качествами, интерпретации и прогнозирования будущих действий. Процесс социальной перцепции включает две стороны: субъективную (субъект восприятия — человек, который осознает) и объективную (объект восприятия — человек, которого созерцают).

В ходе взаимодействия и общения социальная перцепция становится взаимной. Поэтому в данной работе мы и исследуем социальную перцепцию казахов по отношению к русским и наоборот в Казахстане в начале XXI века. При этом взаимопознание направлено в первую очередь на понимание тех качеств партнера, которые наиболее значимы для участников общения в данный момент времени. Отличие социального восприятия: социальные объекты не являются пассивными и безразличными по отношению к субъекту восприятия. Социальные образы всегда имеют смысловые и оценочные характеристики. Интерпретация другого человека или группы зависит от предшествующего социального опыта субъекта, от поведения объекта, от системы ценностных ориентаций воспринимающего и других факторов [1]. То есть взаимность восприятия не просто становится реальностью, она всеобъемлюще обосновывается.

Следует отметить, что восприятие при перцепции идет не только за счет зрительных рецепторов, потому что и слепоглухие люди участвуют в перцептивных актах, но и других органов чувств. Так во время социальной перцепции, в том числе между этносами, у человека доминирует какой-то один канал восприятия на фоне всех других каналов.

Основываясь на вышесказанном, структура перцептивного акта представляет собой следующую схему:

S (субъект) воспринимает	посредством каналов O (объект) при наличии определенных условий	и получает результат (образ, представление)
--------------------------	---	---

Уровни социальной перцепции представляют собой следующую картину:

I	S (субъект) индивид воспринимает	самого себя
		индивида (из своей и чужой общности)
		малую группу (из своей и чужой общности)
		всю общность (свою и чужую)
II	S (субъект) малая группа воспринимает	саму себя
		индивида (из своей и чужой общности)
		малую группу (из своей и чужой общности)
		всю общность (свою и чужую)
III	S (субъект) вся общность воспринимает	саму себя
		индивида (из своей и чужой общности)
		малую группу (из своей и чужой общности)
		всю общность (свою и чужую)

Если этнофор не относится одобрительно ко всей общности, то часто он делает исключение в межличностных или межгрупповых отношениях, что и происходит часто во взаимной перцепции между русскими и казахами в Казахстане.

Следующими важными составляющими социальной перцепции являются ее механизмы. Это способы, посредством которых люди интерпретируют, понимают и оценивают других людей. Стоит отметить следующие, чтобы понять, насколько сложен процесс перцептивного акта в принципе, и особенно в казахстанском обществе с множеством своих особенностей. Эмпатия – постижение эмоционального состояния другого человека, понимание его эмоций, чувств, переживаний. Атракция – особая форма восприятия и познания другого человека, основанная на формировании по отношению к нему устойчивого позитивного чувства. Она рассматривается в трех аспектах: процесс формирования привлекательности другого человека; его результат; качество отношений. Существует на уровне индивидуально-избирательных межличностных отношений, характеризующихся взаимной привязанностью их субъектов. Идентификация – отождествление себя с другим, это один из самых простых способов понимания иного человека – уподобление себя ему. В отличие от эмпатии здесь в большей степени происходит интеллектуальное отождествление, результаты которого тем успешнее, чем более точно наблюдатель определил интеллектуальный уровень того, кого он воспринимает. Социальная рефлексия – понимание субъектом своих собственных индивидуальных особенностей и того, как они проявляются во

внешнем поведении; осознание того, как он воспринимается другими людьми. Очень часто люди имеют искаженный образ самого себя. Это касается не только социальных проявлений внутреннего состояния, но и даже внешнего облика.

Особо стоит остановиться на каузальной атрибуции – процессе приписывания другому человеку причин его поведения в том случае, когда информация об этих причинах отсутствует. Такое приписывание делается по принципу аналогии: либо на основе сходства поведения объекта восприятия с поведением какого-либо знакомого лица или известного человека, либо на основе анализа собственных мотивов, предполагаемых в подобной ситуации. При этом если объекту приписываются негативные черты, то себя человек оценивает, как правило, с положительной стороны [2]. Вот этот эффект очень часто встречается в казахстанском обществе, когда казахи и русские приписывают друг другу те негативные качества, которые не существуют на самом деле. Кроме того, стоит отметить, что часто местные и зарубежные политтехнологи, а также другие лица используют каузальную атрибуцию не только по отношению к этим двум этносам и не всегда в положительных целях, хоть и в стране запрещено разжигание социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной розни (Статья 164 УК РК) [3]. И один случай, если вам на подобное приписывание пожалуется рядовой казахстанец, другой – если вы о нем прочтете от исследователя. Но автор сам работал в одной спецслужбе страны, которая состояла в системе гражданской службы Казахстана, где частью работы было проведение экспертизы с целью запрета или разрешения существования тех или иных информационных носителей, мультимедиа файлов, выложенных во всемирной сети или выпущенных в распространение. И данные предметы экспертизы в 90% случаев содержали в себе материалы, сеющие религиозную, национальную или социальную рознь в стране, что говорит о более чем активной работе экстремистов, с одной стороны, и идеологов, психологов, политтехнологов и других лиц, которые оказывают им поддержку, с другой стороны. И как можно понять, здесь уже сливаются в один комплекс все перечисленные механизмы социальной перцепции во главе с каузальной атрибуцией и идентификацией, на что и рассчитывают разработчики данных идеологических материалов.

Далее, чтобы показать сложность восприятия друг другом двух вышеупомянутых этносов, следует отметить такой фактор, как роль гендерных факторов в перцепции. Здесь необходимо привести данные по переписям населения для более всеобъемлющей картины. Численность населения РК по итогам переписи населения 2009 года составила 16004800 человек, то есть с момента предыдущей переписи она выросла на 1022900 человек. Численность казахов увеличилась по сравнению с предыдущей переписью на 26,1% и составила 10098600 человек. И снизилась численность русских на 15,3%, составив 3797000 человек. Доля казахов в общей численности населения страны составила 63,1%, русских – 23,7% [4]. А по итогам Всесоюзной переписи 1989 года, последнего подобного мероприятия перед распадом огромной страны, численность населения КазССР составила 16464464 человек, казахов – 6534616 человек, русских – 6227549 человек [5]. Мы приводим эти цифры не только для того, чтобы показать, как изменялась демографическая ситуация

внутри этих границ за годы независимости, а с целью отображения того, что речь идет, во-первых, не о каких-то нескольких тысячах человек, и, во-вторых, насколько сложно было и есть построение процесса взаимного восприятия во времени с учетом такого внутреннего фактора, как численность населения, в общем, и своего, и чужого этносов, в частности.

Что касается гендерных факторов, то нас мало интересуют количества мужчин и женщин в этих этносах и в общем населении. Речь идет не об этом. По одной из классификаций существуют три конструкции психологического пола: маскулинная, фемининная и андрогинная. Этим конструкциям в первых двух случаях соответствует обладание выраженными мужскими, женскими качествами, свойствами и чертами. А третий представляет собой успешное сочетание и тех, и других качеств, свойств и черт, которое позволяет изменять свое поведение в зависимости от ситуации. В городах Казахстана преобладают в основном люди с андрогинными чертами. А также у русских и казахов нет яркой маскулинной и фемининной выраженности. Вдобавок, такую конструкцию можно отнести не только к индивиду, но и к стране, в общем. Так Казахстан обладает смешанным типом конструкции, а КазССР был присущ фемининный вид.

Ниже следует подчеркнуть, что у нас кроме восприятия работает мышление, оценка и отношение. Поэтому нужно обязательно помнить об этом. В представлении об объекте, который мы воспринимаем, будь то этнофор, группа или вся общность, входит группа свойств и черт, связанная с ним: антропологические элементы, оформление своей внешности, факторы установок политического сознания особенно в перцепции общностей, психологические черты. Здесь стоит отметить некоторые моменты оформления внешности, что обосновывается следующим. В принципе все ясно с антропологическими характеристиками русских и казахов РК. Установки политического сознания глубоко слиты. Определенные границы в данной области у двух этнических групп сложно различимы. Единственно можно отметить тех самых оралманов, которые опять же в зависимости от того, из какой страны они прибыли и каков их уровень инкорпорации в общество, будут отличаться от казахов и русских своим политическим сознанием. Что касается психологических черт, некоторые исследователи пытаются определить темперамент, уровень эмоциональности, присущий тому или иному этносу, является эта группа экстравертом или интровертом. Можно, конечно, это сделать, но очевидно, что это будет условно, по отношению к миллионам человек. К примеру, казахскому этносу, по одному мнению, присущ флегматичный темперамент, а значит, он является интровертом. Поэтому стоит остановиться на том, что будет ярче всего выделяться из выше указанной группы свойств и черт, а именно на оформлении внешности.

Так, например, русская женщина никогда не наденет на улицу в городе домашнюю одежду со сланцами, синтетическую цветастую дешевую юбку или одежду с казахским этническим узором, а русский мужчина – тюбетейку. Как и казахская женщина не наденет одежду с русским этническим узором. Также представители русского этноса почти никогда не будут носить яркие аксессуары, сумки, вышитые или сплетенные на

основе казахского этнического узора, как и ювелирные изделия. Они скорее наденут подобные вещи с арабской или исламской символикой, не будучи мусульманами, но имея какую-либо связь с данной религией или культурой. То же самое связано и с прическами. Никогда русский мужчина не сделает прическу в виде айдара – чуба, который отпускается назад из клока волос, оставляемого на затылке.

Следующий раздел стоит посвятить такой важной стороне восприятия, как межэтническое общение. Его субъекты обладают самосознанием и человеческим миром культуры. Существуют нижеследующие виды субъектов, в принципе совпадающие с субъектами, описанными в схеме уровней социальной перцепции выше. Единичный субъект – личность, индивид как личность; в этнопсихологии – этнофор, носитель национального самосознания и языка. Коллективный субъект – малые и большие группы вплоть до общности. Также есть субъекты межэтнического общения – этнофоры, их группы, этносы, народы, нации и целые культуры, – так как следует помнить, что субъект при перцепции обязательно воспринимает и себя. Кроме того, стоит обратить внимание на такой феномен: эти субъекты в разных местах и при разных условиях будут общаться по-разному, например, русские из Казахстана в РК и в РФ. Это явление обычно и имеет место в случае с приезжими казахами, которые начинают выступать со своими «сверхправами» на новом месте жительства в отношении всех местных, и это особенно обостряется, если внутренний мигрант представитель Юга и Старшего жуза.

Очевидно, можно догадаться, что социальная перцепция будет сильно затруднена именно в данной своей составляющей, в межэтническом общении. Можно привести следующие трудности данного вида общения. Во-первых, есть такие проблемы, как стереотипы общения, предвзятость, плохие отношения между людьми, наличие определенного социального статуса, отсутствие внимания к интересу собеседника, пренебрежение фактами, ошибки высказываний, неверный выбор стратегии и тактики коммуникации. Кроме того, по мнению большинства исследователей в подростковой среде ниже уровень толерантности. Также стоит отметить такие моменты, как трудности в виде установок на общение и установок на ситуацию. То есть, например, преградой, которую очень сложно преодолеть при межэтническом общении, выступает языковой барьер. И хотя в 1990-е и 2000-е была достаточно умеренная политика в отношении казахского языка в Казахстане, все равно отток населения не только среди русских, но и других этносов, был огромен, что видно и в результатах переписей. То есть эти люди в большинстве своем нормально относились к данной субстанции в виде казахского языка, но у них была конкретная установка на ситуацию. А установки на ситуацию и объект могут не совпадать.

Продолжая описание этой трудности можно сказать, что успешное решение проблемы соотношения языковых средств со смыслом сообщения является основой высокой эффективности информационных систем общения. Данная проблема выражается в различном уровне взаимопонимания партнеров, осложненном также личностным взаимным приятием или неприятием корреспондентов и реципиентов. В информационном аспекте

общения выделяются два способа психологического взаимодействия партнеров. Один из них связан с восприятием и пониманием смысла сообщения, другой – личности партнера. Эти процессы тесно связаны. То есть можно только представить себе, насколько затруднено именно использование языка в Казахстане. Так как все равно люди приходят к использованию русского языка в большинстве случаев, особенно вдалеке от столицы и не на Юге. Казахи, знающие казахский, в зависимости от объекта общения и ситуации используют или русский, или казахский. И очень сложно приходится тем, кто не знает ни слова по-русски, с учетом того, что им в принципе невозможно объяснить, почему на нем говорят в этой стране, и что это хорошо знать еще какой-то язык, особенно тот, который давал и дает тебе выход на более высокий уровень образованности, окно на Запад, так как еще далеко до знания английского языка всем населением, как мечтают правители страны. И у этих людей, не знающий русский язык возникает внутри множество других барьеров и трудностей общения таких, как стереотипы, предвзятость, отсутствие внимания и др.

Здесь можно упомянуть отрывок, не вдаваясь в подробности, работы по историографии Г.Б. Бырбаевой «Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии», в которой она пишет на основе работ западных ученых, что происходили такие процессы, как русинизация и русификация. Естественно, они затрагивали и межэтническое общение. В ее работе им даются такие определения: первому – распространение и институционализация русского языка и культуры в качестве общесоюзной нормы; второму – процесс, когда представители нерусских народов по своей психологии, обычаям и привычкам превращаются в русских. Русификация в основном индивидуальный процесс. А русинизация является предшественницей русификации. Причем ниже в данном исследовании следует положение, что казахи были лучше представлены в советское время в органах власти и партии и произошедшие изменения в виде выше указанных процессов не привели ни к русификации казахов, ни к забвению их кочевого прошлого. То есть она здесь делает вывод об отсутствии дискриминации несмотря на нерусскую принадлежность, что, конечно, в большинстве своем является правдой. Но нам важно именно то, что не все были подвержены русификации, а ее претерпевали те, кто проживал в городах, и особенно мужчины немусульмане. И в таких республиках, как КазССР была тенденция к ассимиляции некоторых народов основным нерусским этносом, что является интересным явлением на фоне двух выше упомянутых процессов [6; 190-191, 213].

После межэтнического общения стоит упомянуть такой феномен, который естественно проявляется и в Казахстане, как этноцентризм (национализм мы опускаем ввиду того, что это обширная тема, которая требует обстоятельного рассмотрения). Этноцентризм – это тенденция оценивать мир с помощью собственных культурных фильтров. Из этого определения следует, что буквально каждый человек в мире этноцентричен. То есть каждый усваивает конкретную модель поведения и в процессе этого впитывает в себя определенный способ восприятия и интерпретации поведения других людей. Но не надо полагать, что этноцентризм сам по

себе плох; он отражает естественное состояние человека. Культура состоит из множества правил, касающихся регулирования и контроля нашего поведения через социально допустимые каналы. К определенному возрасту нам присущи не только определенные ожидания относительно поведения людей, но и усвоенные паттерны суждений о нем. Нам свойственны эмоциональные реакции, связанные с этими ожиданиями и суждениями, которые простираются от приятия и удовольствия до возмущения, враждебности и фрустрации. Когда мы общаемся с представителем нашей культурной среды, то используем те же «основные правила». Однако когда мы наблюдаем за людьми, которые нарушают то, что мы считаем «нормальным» или «социально приемлемым», или когда мы общаемся с такими людьми, у нас возникают негативные реакции. Мы раздражаемся, досаждаем или негодуем, так как усвоили, что подобное поведение неприемлемо, и с ним у нас стали ассоциироваться негативные эмоции. Конечно, эти типы реакций возникают чаще, когда мы общаемся с людьми из другой культурной среды, поскольку они ведут себя в соответствии с иными основными правилами. Эти типы реакций возникают каждый день у русских и казахов в Республике Казахстан, и, конечно, можно долго рассуждать, что моноэтнических обществ в принципе не бывает, но и данное поведение стоит воспринимать толерантно, и не манипулировать им и этноцентризмом третьим лицам. Наши культурные фильтры имеют «линзы», которые позволяют нам воспринимать мир определенным образом, под конкретным углом или в каком-то цвете. Когда мы становимся взрослыми, то используем те же фильтры – с тем же устройством или цветовой окраской, – что и другие члены нашей культурной группы. Культура существует в каждом индивиде в виде набора психологических правил, установок и представлений, и эти правила тесно связаны с нашими эмоциями и суждениями о нравственности и личности. Что очень важно, новые фильтры накладываются поверх существующих у нас, а не заменяют их. Мы не избавляемся от собственных фильтров, когда учимся проявлять гибкость, а находим способы вносить в них добавления, чтобы облегчить себе видение мира с разных точек зрения [7]. Отсюда сложно судить об отсутствии латентного конфликта в головах двух ведущих этносов РК.

Также этноцентризм проявляется в таких явлениях, как стремление любоваться явлениями своей культуры, позитивно их оценивать; попытки больше поддерживать отношения с представителями своего этноса, а меньше с другими этнофорами; большее употребление языка своего народа. Все это каждый день можно встретить в Казахстане, так, например, малые группы друзей стремятся общаться русские с русскими (русскоязычными представителями страны, немусульманами, так как в республике сложно найти чисто русских), а казахи с казахами, и естественно использовать свой язык. У многих казахов, как, кстати, и у русских разных возрастов появилась тяга к своему народному искусству (здесь у русского этноса имеется в виду не советская культура), и вправду можно сказать, что присутствует настоящее любование своей культурой.

Тут же следует отметить, что отношения между этносами различного размера уникальны: чем меньше группа, тем сильнее в ней действуют

механизмы и рычаги управления, направленные на самосохранение группы. А в большом населении установки более уверенные и толерантные. В этом ключе интересна картина, которая сложилась в Казахстане за последние годы, казахи и русские несколько раз менялись местами в плане меньшей и большей по размеру группы. Если в последнее время СССР все было направлено к самосохранению у казахов, и русские чувствовали себя достаточно вольготно в связи с достаточным количеством населения, то позже уровень этноцентризма русских стал только расти пропорционально убыванию населения. Но при этом, как говорилось, что существующие фильтры никуда не уходят, у казахов старше 18 лет осталось сознание необходимости самосохранения, хоть они и преобладают сейчас в населении, а у русских, которые сегодня находятся в совершеннолетнем в возрасте, почти ее нет. Кроме того, на это накладывается и внешний фактор такой, как наличие представителей подобного этноса за рубежом. Ведь все-таки русских больше, и они проживают не только в соседней России, но и по всему миру, а казахи представлены в различных странах не в таком количестве.

После этноцентризма стоит охарактеризовать такую важную переменную, которая влияет на социальную перцепцию при межэтническом восприятии, как контекст. Согласно Э.Т. Холлу, высококонтекстной коммуникацией или сообщением является такое, в котором большая часть информации либо присутствует в физическом контексте, либо интернализирована человеком, а в кодируемой, эксплицитной, передаваемой части сообщения ее очень немного. Низкоконтекстная коммуникация представляет собой обратную картину: основная масса информации заключена в эксплицитном коде. Э.Т. Холл рассматривает контекст как континуум с высоким уровнем на одном конце и низким – на другом. Также существуют прямой и непрямой стиль общения, каждый характерен для выражения своих потребностей этнофором.

Так культуры высокого контекста меньше полагаются на эксплицитный, разговорный язык при передаче мыслей и сообщений, поскольку значительная часть информации, которую необходимо передать в коммуникативном эпизоде, описана параметрами контекста – физической обстановкой, статусными отношениями между участниками интеракции, предыдущим ходом дискуссии, будущими целями участников интеракции и др. Эти культуры используют непрямую коммуникацию. Культуры низкого контекста гораздо больше полагаются на эксплицитный, разговорный язык при передаче мыслей и сообщений. По этой причине они, как правило, поощряют способность точно выражать свою позицию вербальным способом, прямым стилем общения. Подобные навыки менее важны в культурах высокого контекста. Вербальные навыки намного больше ценятся в культурах низкого контекста.

В культурах низкого контекста, например в США, соглашения закрепляются подписанием контракта. Письменный контракт оговаривает все условия, ограничения, обязанности и обязательства сторон в эксплицитной, открытой форме. Однако во многих культурах высокого контекста осуществление бизнеса с помощью подобных контрактов не

имеет место. Типичным способом предпринимательской деятельности будет широкое, развернутое устное соглашение между сторонами. Детали могут приноситься в жертву общей имплицитной уверенности в том, что обе стороны будут делать то, что необходимо для отношений и для обоих людей. Тогда как представители культурных групп низкого контекста посчитают подобное соглашение началом всевозможных бед, люди из культур высокого контекста находят столь же пагубной увлеченность первых письменными контрактами.

На основе проведенных учеными экспериментов было доказано, что тем самым контекст является важной переменной, которую следует учитывать при межэтническом общении и социальной перцепции. Будут ли участники интеракции представителями той или другой культуры, повлияет на то, в какой степени коммуникация будет эксплицитной или имплицитной, сопряженной с контекстом или с непосредственной вербальной экспрессией, будет стиль прямым или непрямым. А все это рождает в свою очередь определенные трудности межэтнического общения и восприятия. И может воспроизвести недопонимание и конфликт. Так казахи и русские РК являются носителями смешанного контекста, в отличие от советского времени, когда культуры были высококонтекстуальными. Это объясняется тем, что многое заимствовано у культур низкого контекста в результате взаимодействия и сотрудничества. Хоть контекст исследуемых двух культур не сильно разнится, его все равно необходимо учитывать как фактор формирования взаимной перцепции при межэтническом восприятии в Казахстане.

Отдельно стоит затронуть эксперименты ученого Г. Хофстеде и его характеристику индивидуалистских и коллективистских культур, получившие названия по взаимосвязи индивида и общества. Это также важный аспект, влияющий на социальную перцепцию, потому что представители разных этносов не могут находиться вне своих культур. На основе исследований коллективов он выделил пять аспектов, определяющих их в целом: индивидуализм-коллективизм; дистанция власти; стремление к избеганию неопределенности; маскулинность-фемининность; долгосрочная-краткосрочная ориентация. Кроме того, можно выделить следующие признаки принадлежности к той или иной культуре.

Если взаимосвязь индивида и общества сильна, то культура коллективистская. Если человек направлен на себя и не обращает внимания на семью, рабочий коллектив, то индивидуалистская. Далее можно упомянуть форму институциональных гарантий обеспечения связи между индивидом и обществом. Все прописано в документах, человеку необходимо иметь на руках бумаги и гарантии в индивидуалистских культурах. В коллективистских – документы имеются, но большее значение отводится устным договоренностям, слову. Следующий признак: средство контроля над производством и распределением товаров и услуг. В первом случае заботится государство, во втором – друзья, знакомые, род, клан. Дальнейшее отличие – роль государства в жизни общества. В коллективистских культурах, даже имея степени, ум и звания, индивид будет ограничен в отличие от индивидуалистских. Последний признак:

доминирующее представление о мироустройстве, социальной и природной действительности. Фрагментарность свобода, успех, возвышенность над другими присутствуют в индивидуалистских культурах. В коллективизме люди чувствуют большую взаимосвязь.

Со времен СССР общества КазССР, РСФСР и всего Союза как были, так и являются коллективистскими культурами. И исследуемые нами этносы русских и казахов в современном Казахстане представляют собой коллективистские культуры. По нашему мнению, у казахов больше проявляется коллективизм чем у русских в РК. Также присутствует большая дистанция власти, то есть она является основной ценностью, что бесспорно, особенно для казахов. Вдобавок, и у русских, и у казахов в РК очень высокий уровень избегания неопределенности. Все это в теории может породить недопонимание, недоверие и конфликт при различиях характеристик культур. Но в Казахстане благодаря определенным факторам и условиям эти различия у двух ведущих этносов минимальны как в контексте, так и в характеристиках взаимосвязи индивида и общества, что уменьшает потенциал возникновения конфликта при перцепции во время межэтнического восприятия.

Последним аспектом, сильно влияющим на формирование социальной перцепции, в общем, и в казахстанском обществе, в частности, являются стереотипы. Данный аспект очень интересен и занимателен в связи с тем, что образование тех стереотипов, которые существуют сегодня в РК, проходило не за один день, а протекало в тех условиях, когда казахский этнос был и меньшинством, и его численность была наравне с русским, а потом стало убывать количество представителей русской этнической группы. В том числе, менялись и условия развития общества в исторической ретроспективе. Но, забегая вперед, можно сказать, что, основываясь на характеристиках стереотипов, которые будут описаны ниже, они все-таки сложились не в современное время в подавляющем большинстве. Этот процесс тянется еще с переезда первых русских переселенцев на эту землю, то есть со времен Российской империи.

Стереотипизация – устойчивый образ какого-либо явления или человека, которым пользуются как известным сокращением при взаимодействии с этим явлением. Термин был введен У. Липпманом в 1922 году У. Липпман выделял следующие основные причины, по которым люди прибегают к стереотипизации: во-первых, по принципу экономии усилия, они не стремятся реагировать каждый раз по-новому на окружающие явления, а подводят их под уже имеющиеся категории; во-вторых, таким образом, они защищают групповые ценности и свои права. Основными свойствами стереотипа, таким образом, являются: устойчивость (или существование одних и тех же стереотипов у разных поколений людей внутри одного этноса), ригидность, избирательность восприятия информации и эмоциональная наполненность. Этнический стереотип в этой связи можно определить как «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей». Также имеется высокая согласованность социальных

представлений. Этнические стереотипы подразделяются на автостереотипы и гетеростереотипы. Первые представляют собой мнения, суждения, оценки, относимые к собственной этнической общности; обычно содержат комплекс положительных оценок. Вторые определяются, как совокупность оценочных суждений о других народах; бывают как положительными, так и отрицательными – в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов. Следствием стереотипизации может быть: упрощение процесса познания другого человека; возникновение предубеждения. Выделяются четыре основные характеристики стереотипов, влияющие на коммуникативное поведение. Во-первых, стереотипизация – результат когнитивного «отклонения», вызванного иллюзией связи между групповым членством и психологическими характеристиками. Во-вторых, стереотипы влияют на способ прохождения информации, ее отбора. Следующая характеристика заключается в том, что стереотипы вызывают ожидания определенного поведения от других, и индивиды невольно пытаются подтвердить эти ожидания. Последняя – стереотипы рождают предсказания, склонные подтверждаться. Источниками стереотипов могут быть семья, друзья и знакомые, СМИ, фильмы, литература и искусство.

И.С. Кон рассматривает стереотип как «неотъемлемый элемент обыденного сознания», помогающий индивиду «ориентироваться в жизни» и «направляющий его поведение». Неизбежность стереотипизации И.С. Кон объясняет универсальностью склонности людей рассматривать явления чужой культуры сквозь призму культурных традиций и ценностей своего собственного народа, с чем вполне можно согласиться. Сами по себе этноцентризм и стереотипы не опасны. Проблема возникает тогда, когда реальные или мнимые различия между людьми возводятся в абсолют и превращаются в негативную или даже враждебную установку по отношению к другому народу, которую И.С. Кон определяет как этническое предубеждение. Стереотипы и предубеждения автор относит не столько к явлениям психологическим, сколько социальным. Очевидно, что происхождение этнических стереотипов остается лишь частично объяснимым с чисто психологических позиций. Так или иначе, представление о другой этнической группе складывается исторически в процессе реальных взаимоотношений между двумя этносами [8]. Как бы то ни было, процесс стереотипизации не стоит рассматривать только с негативной стороны также, как и этноцентризм.

Интересным является то, что у стереотипов, эталонов и имиджа есть общие черты – знаковость, ментальность, компрессивность, якорность, – то есть это моменты, за которые цепляется наше сознание и восприятие. Примечателен также тот факт, что стереотип можно разрушить. Это сделать очень сложно, скорее он может уйти и изжитья.

Ниже приводятся устойчивые этнические стереотипы, сложившиеся за длительное время и действующие в Казахстане у казахов и русских по отношению друг к другу.

Стереотипы казахов в отношении русских	Стереотипы русских в отношении казахов
<p>Голубоглазые Русые Высокого роста Знающие Неблагодарные Не помогают друг другу Великодержавные Пьяницы Имеют семьи с малым количеством детей Не знают казахского языка Работают в наукоемких отраслях</p>	<p>Узкоглазые, черноглазые Брюнеты Невысокого роста Кривоногие Необразованные Националисты Все почитают старших и умерших предков Нечистоплотные Имеют семьи с большим количеством детей У них много родственников, причем которые помогают друг другу Клановость, трайболизм Должен быть обязательно «конь», в современном виде машина Плохо говорят на русском языке Хотят занимать руководящие должности в независимости от места работы Отправляют своих детей учиться в лучшие места страны или за рубеж</p>

В итоге можно сделать следующий вывод по проведенному исследованию. Как можно увидеть из выше осуществленного изыскания, процесс социальной перцепции представляет собой очень сложную не одностороннюю субстанцию особенно при межэтническом восприятии. И данный феномен состоит из множества исследованных факторов и аспектов, каждый из которых является отдельной темой для обширного научного изыскания: механизмы социальной перцепции, конструкции психологического пола, группа свойств и черт, связанная с объектом социальной перцепции (антропологические элементы, оформление свойств внешности, факторы установок политического сознания, психологические черты), межэтническое общение, этноцентризм, контекст, взаимосвязь индивида и общества, стереотипы. Поэтому только можно представить весь груз различий и объем смысловой нагрузки, которые содержатся во взаимной социальной перцепции русского и казахского этносов в Казахстане в современное время. Что многие внешние силы, политические лидеры с помощью определенных лиц могут использовать для создания различных образов (например, врага или оккупанта, когда будет удобно). А многие уже используют, но в основном в области религиозного экстремизма из-за границы с различными радикальными призывами к определенным слоям населения страны, что имеет место, пока порционно и, по нашему мнению, не несет в себе такой угрозы, как странам, например Среднего Востока, но, тем не менее, эта пропаганда и эти прямые и косвенные призывы существуют в интернете, и материалы с ними находятся в распространении. Мы используем этот пример в конце нашей работы, чтобы показать очевидность возможности применения как составляющих

социальной перцепции по отдельности, так и вместе в негативном свете в плане развязывания конфликта между преобладающими этносами страны любым государственным и негосударственным актором международных отношений, что уже может выступать угрозой безопасности Республики Казахстан.

Литература:

1 Понятие социальной перцепции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.razlib.ru/psihologija/socialnaja_psihologija_shpargalka/p20.php (дата обращения: 10.03.2014).

2 Механизмы взаимопонимания в процессе общения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.razlib.ru/psihologija/socialnaja_psihologija_shpargalka/p21.php (дата обращения: 10.03.2014).

3 Уголовный Кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.01.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008032#sub_id=1640000 (дата обращения: 10.03.2014).

4 Итоги переписи населения Республики Казахстан 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stat.kz/news/Pages/pr_04_02_10.aspx (дата обращения: 10.06.2013).

5 Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5 (дата обращения: 10.03.2014).

6 Бырбаева Г.Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евроамериканской историографии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 484 с.

7 Дэвид Мацумото. ПСИХОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. Глава 3. Культура и «Я» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/13_m/maz/umoto_2.htm (дата обращения: 10.03.2014).

8 Этнический стереотип: понятие, функции, основные методы изучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyguides.ru/sgalls-97-2.html> (дата обращения: 10.03.2014).

Писанный Д. М.

КАК ПОБЕДИТЬ РАБОТОРГОВЛЮ? ВЗГЛЯДЫ ВЕЛИКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА И ОФИЦЕРА ФЛОТА

Если бы Атлантика высохла сегодня, можно было бы проследить путь между Европой и Америкой по шлаку наших пароходов. А в прежнее время этот путь обнаружил бы себя человеческими костями.

Эдвард Ашворс Росс

В последнее время в СМИ стало модно «будоражить» обывателей реальными либо же надуманными угрозами: парниковым эффектом, опасностью столкновения нашей планеты с космическим телом (а то и вообще вторжения пришельцев), запуском какого-то убийственного механизма со стороны «мирового правительства» (дабы на Земле остался лишь «золотой миллиард»). А накануне 21 декабря 2012 г. предложенные масс-медиа сценарии апокалипсиса вообще образовали настоящий «хит-парад».

В связи же с последними политическими событиями общественность и вовсе позабыла про чудовищное явление, которое уже давно (и на удивление стабильно) забирает ежегодно тысячи жизней, а сотни тысяч судеб непоправимо калечит. Это зло – преступная торговля людьми и эксплуатация рабского труда – и в начале XXI века охватывает практически весь земной шар. И наша Родина не является исключением. Так, только с января по август 2012 г. в Украине было зафиксировано 130 подобных случаев. (Эти данные Центра общественных связей МВД были озвучены в программе «Подробности недели» от 26 августа 2012 г. – Д. П.). На местах содержания «невольников новейшего времени» правоохранители обнаруживают ошейники и цепи, адские условия жизни несчастных жертв. И хотя по ст. 149 УК Украины виновным грозит до 15 лет заключения, «рабовладельцы» все не унимаются.

Следовательно, важное значение для специалистов-гуманитариев приобретает изучение прошлого успешного опыта борьбы с работорговлей, в частности, предлагаемых в этой связи проектов и их практического воплощения.

Ранее некоторые проекты и «сценарии» решения проблемы рабства в евроатлантическом регионе в Новое время затрагивались, в частности, в трудах У. З. Фостера и М. Н. Захаровой [1 – 2]. Однако и ныне целые «пласты» творческого наследия выдающихся аболиционистов нуждаются в более подробном изучении, а то и в переосмыслении. Сказанное выше позволяет сделать вывод об актуальности выбранной темы.

Далее мы сопоставим взгляды на ликвидацию работорговли двух выдающихся англичан XIX в.: путешественника Давида Ливингстона и морского офицера Гилберта Элиота.

Но прежде отметим следующее. К началу XIX в. трансатлантическая торговля африканскими рабами была законным и необычайно прибыльным бизнесом, обогатившим западные страны и позволившим заложить там прочный фундамент индустриального общества. К середине XVIII в. половина её сосредоточилась в руках английских предпринимателей. Но под воздействием ряда факторов (экономических, политических, идеологических) в 1807 г. именно Англия одной из первых запрещает своим подданным заниматься работорговлей и начинает борьбу за её ликвидацию во всем мире.

Среди комплекса мер, предпринятых с этой целью, были: патрулирование африканского побережья специальной эскадрой британского ВМФ и проникновение английских путешественников, миссионеров и купцов во внутренние районы Черного континента.

В этом направлении особо прославился Давид Ливингстон (1813 – 1873). Отважный путешественник, чьи выдающиеся открытия известны, пожалуй, каждому школьнику, проникал туда, где дотоле не ступала нога белого человека. Много раз наблюдая страшные картины работорговли, он, тем не менее, долгое время соблюдал нейтралитет. Но известие, что португальские работорговцы следуют в открытые исследователем районы, называясь (!) его детьми, переполнило чашу терпения. В середине марта 1861 г. им была освобождена первая партия африканских невольников. За тем последовали новые рейды. За несколько месяцев Ливингстон освободил от рабства свыше 200 людей.

Понимая, что это «капля в море», исследователь жаждал большего. Он разработал план пресечения работорговли на оз. Ньяса. Ливингстон рассуждал так: «Только прекратив поступление живого товара изнутри страны, мы можем пресечь торговлю невольниками на побережье... Можно было бы сделать всю торговлю невольниками в этом районе невыгодной, если бы завести небольшой пароход, который закупал бы слоновую кость на озере и на реке выше водопадов... Дело в том, что рабы только потому не съедают всей прибыли, что несут слоновую кость... Имея небольшое судно на озере, для подавления работорговли можно сделать больше, чем с помощью шести военных судов на океане. Разумные мероприятия, проводимые в небольшом масштабе внутри страны, потребовали бы лишь небольших расходов, и английская политика по борьбе с работорговлей имела бы на востоке не меньшие шансы на успех, чем на западном побережье» [3, с. 96-97].

Привести подобный план в действие удалось во владениях племён макололо, с которыми у Ливингстона были особенно дружеские отношения. Макололо, «руководствуясь данным им ранее советом, скупили всю слоновую кость в стране батока...», бенгельские торговцы находили невыгодным отправляться туда за невольниками. Они уверяли нас, что без слоновой кости работорговля себя не оправдывает. Таким образом, был закрыт обширный рынок для торговцев рабами» [Там же].

Кроме того, известие Ливингстона о циничном расстреле негров на рынке в селении Ньянгве вызвало международный резонанс и побудило британское правительство послать султану Занзибара требование об отмене работорговли [4, с. 224].

Районы, где ситуация была особенно тяжелой, находились под юрисдикцией Лиссабона. Ливингстон остро критиковал португальский колониализм за бесхозяйственность и потворство рабству. И приходил к выводу: чтобы нести африканским народам мир, свободу и просвещение, христианство, торговлю и цивилизацию, на Черном континенте нужна сильная и справедливая власть. Он был убеждён, что англичанам это бремя по силам, и Британская империя будет достойно его нести.

В то время, как Ливингстон боролся против невольничества во внутренних районах Африки, лейтенант Гилберт Элиот на корабле «Самсон» пытался пресечь деятельность работорговцев на водах Атлантики. В 2006 г. на чердаке одного английского дома был найден его дневник. Записи датированы 1851 годом.

Принимая непосредственное участие в патрулировании «невольничьих берегов», офицер видел половинчатость и низкую эффективность этих мер. И в связи с этим писал: «Очень хотелось бы нанять корабль, полный филантропов, и вывести его сюда, в море, чтобы посмотреть, как они заставляют страдать своих сограждан и какие чудовищные испытания выпадают на долю несчастных черных дикарей, чьи условия они якобы улучшают» [5].

Из дневника Элиота следует, что блокаду нужно прекратить как неэффективную. Она не облегчала страданий рабов, а лишь растягивала их во времени. В частности, он описывал, как освобожденных рабов британцы ссаживали на берег, где местные власти селили их в страшно переполненные «барракуны». Судьба их была очевидна: уйдет британский корабль, придет корабль работорговцев, и негров

увезут в Америку.

Анализируя эти факты, лейтенант приходил к заключению: «Пока есть спрос, есть и предложение и ничто не способно остановить работорговлю, если не извести хозяев рабов» [Там же].

К сожалению, оба выдающихся деятеля эпохи не дожили до тех великих перемен, которые покончили с работорговлей на Черном континенте и последними оплотами рабства в Новом Свете. Ливингстон умер в Африке, Элиот утонул, спасая захваченный невольничий корабль.

Таким образом, жизнь и взгляды Давида Ливингстона и Гилберта Элиота отображали 2 линии Британской империи в борьбе с работорговлей: сухопутную и морскую. Концепция Ливингстона представляется нам более зрелой и оформленной. И первооткрыватель, и морской офицер были сходны в том, что искоренение торговли невольниками возможно только при ликвидации самого института рабства.

Литература:

1. Фостер У. З. Очерк политической истории Америки : пер. с англ. / Уильям З. Фостер. – М. : Изд-во иностр. лит., 1953. – 919 с.
2. Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства, 1831–1860 / М. Н. Захарова ; [отв. ред. Б. Я. Михайлов]. – М. : Наука, 1965. – 452 с.
3. Ливингстон Д. Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 год : [пер. с англ.] / Д. Ливингстон, Ч. Ливингстон. – М. : Центрполиграф, 2001. – 462 с.
4. Вотте Г. Давид Ливингстон : жизнь исследователя Африки / Г. Вотте ; [сокр. пер. с нем. М. К. Федоренко]. – М. : Мысль, 1984. – 272 с., карт., 8 л. ил.
5. Кваша С. Нам не победить рабство [Электронный ресурс] / Семён Кваша. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/culture/2006/07/12/a_697639.shtml?print. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 23.01.14.

Шумский Л. Н.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИДЕЙ КАРЛА ШМИТТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Идейные особенности самовыражения эпохи запечатлевают изменения в нашем сознании. Через передаточные звенья значимых актуальных событий мы стремимся понять причины и объяснить динамику происходящих процессов. В этой связи опыт истории и концепции теорий, маркирующих определенные интеллектуальные традиции прошлого, представляет собой достойным объект для изучения современных и более глобальных в историческом масштабе тенденций развития государства в той или иной стране.

В последние годы на постсоветском дискурсивном пространстве отчетливо просматриваются симптомы ренессанса и реабилитации забытых имен, ставших на мировой арене культовыми фигурами. Для современной России «одним из таких вновь обретенных классиков – причем на первый взгляд довольно неожиданно – становится выдающийся немецкий правовед и историк Карл Шмитт» [1]. Достаточно обширные исследования российских ученых жизненного пути и истории формирования взглядов К.

Шмитта о государстве и праве цементируют фундамент интеллектуального комплекса под названием «Шмиттиана» для сравнительного изучения современных политических процессов Востока и Запада.

Можно сказать, что первый камень базовых исследований на постсоветском пространстве заложили в 80-е годы прошлого века П. Рахшмир и А. Галкин, затем свою лепту внесли А. Филиппов, А. Михайловский, С. Артамошин, А. Дугин, Е. Гаранов, О. Кильдюшов, Е. Росси. Серьезная научная рецепция объясняется не просто определенной модой на Шмитта: его произведения сегодня активно переводятся, издаются, „*absoluta sententia*“ цитируются герменевтами традиционных и неклассических направлений. «Шмитту удается нечто уникальное: соединение политической актуальности с философской и культурно-критической пронизательностью, юридической точности и эстетической выразительности» [2].

На Украине учение Шмитта только начинает набирать популярность. Большая часть наследия немецкого мыслителя насчитывает более 18 тысяч документов [3] за сравнительно короткий период с момента оттепели остаются практически нетронутыми. Для освоения нового материала требуется время, чтобы органично проделать пройденный западными и российскими учеными путь, впитывая естественную взаимосвязь идей по мере их развертывания во времени, избегая при этом *acta agere*. Мы, как это было зачастую в истории петровской России и ставшей независимой Украины, в положении догоняющего, что обуславливает специфику усвоения гуманитарных идей Запада в украинском духовном пространстве.

Векторы нашей работы направлены на изучение сложной истории формирования взглядов, искаженных или незаслуженно вытесненных на маргинал идей К. Шмитта, не ради погони за сенсацией, а чтобы проанализировать их познавательную ценность и уровень возможной рациональной адаптации в реалиях Украины. Развивая наводящие идеи многих российских и зарубежных ученых, «нащупавших» вопрос, стимулирующий пытливый интерес к познавательно-просветительскому аспекту Шмиттианы: «Чему и как он учит?», мы считаем К. Шмитта политическим дидактиком. Разработка этого концепта не преследует цель добавить к имени ученого очередной ярлык, которых было достаточно за его долгую жизнь, напротив, мы намерены отказаться от анализа морального уровня вменения этой личности, над чем с особой изощренностью поработало и так немало авторов.

Наша задача, опираясь на экзистенциальную сущность правового и государственного учения Шмитта, синтезировать необъятную палитру идей, не претендуя на универсальность, в некий арсенал рациональных решений и подходов в процессе эволюции государственного строительства не только молодой независимой Украины, но и других стран постсоветского пространства. При этом подвергнуть абсорбации то, что справедливо квалифицируется как миф или содержит субъективные и партийно-ограничительные трактовки, в частности, относительно гомогенности нации.

Видя разницу между научно разрабатываемой теорией и используемым для пропаганды лозунгом, а также между целями и результатами предполагаемого интереса и существующего на практике интереса, К.

Шмитт показал, что характер науки формируется в том случае, если ее элементы теоретически обоснованы, в противном случае политическая дидактика была бы просто набором элементов повседневного опыта и прагматических умозаключений. К. Шмитт не раз говорил, что желающие беседовать с ним потомки должны ознакомиться не только с содержанием его произведений, но и осмыслить в первоначальном контексте научно-теоретическую обоснованность мыслительных стратегий «последнего великого классика» на понимание философско-правовой значимости институтов государственного устройства в духе времени [4].

Во многом профетическое учение К. Шмитта представляет собой открытую форму научного исследования, позволяющую охарактеризовать политико-дидактические аспекты в интеллектуальном наследии ученого, актуальных для специфики украинского дискурсивного пространства. Актуальность К. Шмитта для Украины, на наш взгляд, объясняется гносеологической потребностью ситуации в нашей взрывоподобно развивающейся стране.

Литература:

1. Кильдюшов О. Читая Шмитта. Государство и политическая форма/Карл Шмитт. Пер. с нем. О.В. Кильдюшов – М. : «Высшая школа экономики», 2010. – 270 с.
2. Филиппов А.Ф. Послесловие к переводу «Политической теологии». Карл Шмитт. Политическая теология./Пер. с нем. Институт социологии РАН, Московская высшая школа социологических и экономических наук. Центр фундаментальной социологии. – М.: КАНОН-пресс-ц., 2000. – 335 с.
3. Benoist A. Carl Schmitt. Bibliographie seiner Schriften und Korrespondenzen. Akademie Verlag GmbH, Berlin, 2003. – 142 S.
4. Mehring R. Carl Schmitt. Aufstieg und Fall. Verlag C. H. Beck oHG, München, 2009. – 750 S.

Секція «Регіонознавство та краєзнавчі дослідження» **Секция «Регионоведение и краеведческие исследования»**

Златина М. А.

«МЫТАРСТВА» КОВЕНСКИХ ВЫСЕЛЕНЦЕВ – ЕВРЕЕВ В ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ (МАЙ – ИЮНЬ 1915 ГОДА)

С конца апреля 1915 года началось массовое выселение евреев из прифронтовой зоны, главным образом, из Ковенской губернии и Курляндии. По армейскому телеграфному отделу 27 апреля 1915 года были направлены телеграммы «Эстляндскому, Лифляндскому, Курляндскому и Ковенскому губернаторам», в которых говорилось, что « <...> командующий армией признал безотлагательным принять решительные меры к поголовному выселению <евреев> из района армии, не допуская пребывания ни одного из них западнее линии Рига – Бауск – Поневеж – Вилькомир – Ковно. На исполнение сего командующий армией определяет недельный срок, после чего пребывание евреев в районе армии будет караться по законам военного

времени». [РГИА Ф.1284 ОП.224 Д.753 Л.84].

В прессе сообщения о выселенцах из Ковенской губернии стали появляться с пятых чисел мая 1915 года. [День. 1915. 5 мая]. Но само выселение началось раньше, примерно в одно время с вынужденным переселением из Курляндии. В м. Эйрагола Ковенской губернии, «28 апреля был получен приказ о выселении». [ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.160 Л.16]. В Кейданах «3 мая вечером объявили о выселении». [ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.160 Л.43]. Основная же волна вынужденной миграции из Ковенской губернии началась примерно с 4-5 мая 1915 года. [ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.160 Л.26]. Поток евреев – ковенцев хлынул в располагавшуюся рядом, помимо других территорий черты оседлости, Полтавскую губернию. Первые вынужденные мигранты прибыли в конце апреля 1915 года, массовый наплыв пришелся на вторую декаду мая [Полтавский день. 1915. 3 мая – 16 мая.] и далее не прекращался в течение нескольких месяцев.

Прибывшие выселенцы разместились в Полтаве, Ромнах, Константинограде, Лохвицах, Кобеляках, Гадяче и других городах и местечках губернии. Первое время положение прибывших евреев – ковенцев было довольно тяжелым, но за несколько недель они потихоньку обустроились, многие нашли работу.

К середине мая 1915 года начали распространяться слухи о том, что евреям разрешили вернуться в Ковенскую губернию. Подобная информация дошла и до местной администрации. В Константинограде градоначальник лично заявлял о такой возможности. В начале евреи - ковенцы начали охотно записываться на отправку обратно в родную губернию, но вскоре сведения о возможности вернуться в Ковно стали обрастать малоприятными подробностями. На запрос, отправленный телеграммой из Вильно на имя коменданта Ковенской крепости, по поводу распространяемой информации о разрешении евреям вернуться в покинутую ими Ковенскую губернию, также телеграммой 10 мая 1915 года был сообщен ответ: «выселение евреев из крепости не отменено». [ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.163 Л.188]. О возвращении и речи не шло. В середине мая в прессе стали появляться более точные данные об условиях возвращения евреев в Ковенскую губернию. Выяснилось, что вернуться можно далеко не во все уезды губернии и только в случае предоставления в качестве заложников раввина и пяти зажиточных обывателей. [Рижская мысль. 1915. 16(29) мая.]. На такое соглашение еврейские выселенцы пойти не могли, в итоге было принято решение не возвращаться и остаться в Полтавской губернии. Но полтавскими властями, прежде всего, губернатором, механизм был уже запущен, было объявлено, что «оставаться дольше нельзя, они <еврейские выселенцы> обязаны следовать в Ковно». [ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.152. Л.20]. 27 мая 1915 года приступили к поспешной высылке. Был снаряжен поезд с евреями – выселенцами, осевшими в Константинограде, Лохвицах, Кобеляках и Гадяче. Отправлены они были по накладной «Станция отправления «Гадяч», станция назначения «Ковно». Пусть следования груза «Ромны, Ново-Вилейск». Наименование груза: евреи, выселенные обратно в Ковенскую губернию». [ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.152. Л.20]. Никаких провожатых не было, не удалось отправить вместе с уезжающими ни

врачебный персонал, ни питательный отряд. В Ново-Вилейск поезд прибыл 30 мая 1915 года, дальше составу следовать не разрешили, так как на месте выяснилось, что позволение на въезд в Ковно дано не было. Что делать с оказавшимися на промежуточной станции евреями никто не знал. Отправились к местной администрации, но и власти тоже сходу не смогли помочь. Всё это время поезд переводили с линии на линию, чтобы освободить путь перемещающимся железнодорожным составам. Часть выселенцев (11 человек), не выдержав ожидания, попытались на подводах пробраться в Вильно, но по дороге они были перехвачены, арестованы и отправлены в Виленскую тюрьму.

После пяти дней стояния на запасном пути, 3 июня 1915 года было решено отправить поезд с евреями – выселенцами обратно в Полтавскую губернию. [Цит. по: ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.152. Л.20 – 20 об.]. Но ещё 5 июня 1915 года газеты сообщали, что в Ново-Вилейске продолжают находиться «свыше 700 человек, возвращенных обратно из Полтавской губернии. Судьба их ещё не разрешилась». [Минский голос. 1915. 5 июня.]. Для оказания необходимого содействия застрявшим на перепутье евреям – ковенцам Петроградский еврейский комитет помощи жертвам войны направил в Ново-Вилейск врачебно-питательный отряд. Помощь продуктами оказывал и местный еврейский комитет, кроме того, из местной молодежи был организован летучий отряд, работавший совместно с отрядом из Петрограда. И лишь ещё несколько дней спустя евреев - ковенцев удалось отправить обратно в Полтавскую губернию. Дальнейшая их судьба точно не известна.

Помимо евреев – ковенцев, отправленных из Полтавской губернии в Ковенскую и застрявших в Ново-Вилейске, похожая ситуация, причем примерно в то же время, произошла с ещё одной группой выселенцев из Ковно. Речь идет о евреях, выселенных 5 мая 1915 года из Ковенской губернии и в середине мая прибывших в г. Лубны Полтавской губернии. Около недели они пробыли в городе, находясь на иждивении местного еврейского общества. Затем, в связи с распространившимися слухами о разрешении вернуться на родину, ковенцы были отправлены из Лубен в Ковно. Но дорога привела их в Киев, где они были вынуждены задержаться, так как выяснились все нюансы условий возвращения в Ковенскую губернию. Временную продовольственную и врачебную помощь выселенцам, расположившимся около железнодорожного вокзала, оказывал Киевский еврейский комитет помощи жертвам войны. Он же способствовал отправке евреев – ковенцев на новое место жительства: вынужденные мигранты были разделены на две группы, одна уехала в Бердичев, другая – в Белую церковь. [Киевская мысль. 1915. 23 мая; Киевская мысль. 1915. 2 июня.].

Таким образом, евреи – выселенцы из Ковно по прибытию в Полтавскую губернию были вынуждены из-за ошибочности распространяемых слухов, поспешности решений и неосведомленности о сложившейся ситуации местной полтавской администрации претерпеть ещё ряд «мытарств» (как тогда называли произошедшее с данными евреями из Ковно - Полтавы), прежде чем осели на новых местах жительства.

Литература:

1. РГИА Ф.1284 ОП.224 Д.753

2. День. 1915. 5 мая
3. ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.160
4. Полтавский день. 1915. 3 мая – 16 мая.
5. ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.163
6. Рижская мысль. 1915. 16(29) мая.
7. ГАРФ Ф.9458 ОП.1 Д.152.
8. Минский голос. 1915. 5 июня.
9. Киевская мысль. 1915. 23 мая
10. Киевская мысль. 1915. 2 июня.

Ибрагимова З. Х.

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ЧЕЧЕНСКИЕ ПИСАТЕЛИ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ: ВЫЖИВШИЕ И ПОГИБШИЕ

Уже в самом начале военной кампании в Чечне интенсивными бомбардировками и артобстрелами были разрушены культурные объекты столицы: библиотеки, музеи, архивы. К началу войны 1994-1996 гг. музеи Чечни были хорошо укомплектованы: в Чеченском государственном музее насчитывалось около 230 тысяч единиц хранения, а в Чеченском республиканском музее изобразительных искусств им. П. З. Захарова около 4 тысяч единиц. Во время бомбардировок и артобстрелов оказался уничтожен запасник произведений изобразительного искусства (около 500 экспонатов). В Художественный музей угодили несколько бомб и артиллерийских снарядов, отчего здание сложилось «книжкой», и под развалинами оказалась вся коллекция (более 3,5 тыс. экспонатов). При обвале здания погибла и картотека, и книга поступлений экспонатов; в Москве учет ценностей этого музея никогда не велся, поэтому сказать, какие именно шедевры утрачены, нельзя. На сегодняшний день известно, что под завалами исчезли более 40 тыс. экспонатов уникальных археологических коллекций. Та же участь постигла произведения декоративно-прикладного искусства.

В Центральном государственном архиве ЧР сгорело почти 650 тыс. дел, отражавших историю чеченского, ингушского и славянских народов более чем за два столетия. Из 800 тыс. архивных дел, хранившихся на территории Республики, уцелело только 120 тысяч. Уже в ходе первой войны (1994-1996 гг.) Национальный архив Чеченской Республики понес чудовищные потери: из всех хранившихся материалов, уцелели лишь дела, заведенные на спецпереселенцев периода высылки чеченцев и ингушей в Казахстан. Фонд дореволюционного периода Национального архива составлял 4952 дела. В Национальном архиве хранился уникальный фотокаталог – около 19000 фотографий, который также безвозвратно утерян. Меньше 1 фонда из полутора тысяч (документы с начала XVIII века по 70-е годы XX века), удалось сохранить Национальному архиву Чеченской республики во время боев в Грозном. В тяжелейшие военные годы работники музеев, архивов, невзирая на опасности и разруху, активно участвовали в мероприятиях по спасению, эвакуации и сохранению культурных ценностей. На их долю

пришлось буквально раскапывать музейные предметы из-под завалов и пепелищ, бережно расчищать и укладывать, инвентаризировать их в военных условиях, архивные дела вывозить под бомбежками и обстрелом.

В Грозном сгорели: вузовские библиотеки, все библиотеки научно-исследовательских институтов, крупнейшая на Северном Кавказе Республиканская научная библиотека им. Чехова (фонд составлял 2 млн. 648 тыс. экземпляров, из которых на сегодняшний день сохранились лишь 30 000 – книги либо сгорели, либо были похищены), Центральная научно-техническая библиотека, Республиканская детская библиотека, помещения с архивами творческих союзов: писателей, художников, композиторов, театральных деятелей. В ходе военных столкновений в Чечне 1994-1996 полностью был уничтожен Научно-исследовательский институт гуманитарных наук Чеченской Республики, основанный в 1907 г. Безвозвратно были потеряны во время боевых действий фонды и библиотеки Республиканского детского центра творчества, Чеченского государственного университета, Государственного педагогического института, Грозненского нефтяного института, музыкального и педагогического училищ. Объекты культуры Чеченской Республики на сегодняшний день – единственные в Российской Федерации, пострадавшие в результате военных действий за период после Второй мировой войны. Для воссоздания Архивного фонда Чеченской Республики в рамках подпрограммы «Архивы России» федеральной целевой программы «Культура России» (2001-2005 годы) были выделены средства на выявление и копирование документов по истории чеченского народа, хранящиеся в федеральных архивах. Федеральные государственные архивы (ГА РФ, РГАДА, РГИА, РГАЛИ, РГАЭ, РГАСПИ) провели работу по выявлению документов по истории чеченского народа с целью воссоздания архивных фондов Чеченской Республики. Подпрограммой «Архивы России» Федеральной целевой программы «Культура России» (2001-2005 годы) было предусмотрено «выявление и копирование около 0,3 млн. листов документов государственных и ведомственных архивов по истории чеченского и ингушского народов» для воссоздания архивных фондов Чеченской Республики. Уже к 2004 году было отснято более 107 тыс. кадров микрофильмов с документов указанных выше архивов.

В ходе сбора информации для воссоздания архивного фонда Чеченской Республики удалось обнаружить уникальные дела в РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства), проливающие свет на очень сложный и тяжелый период 20-30-х гг. XX века, время становления новых порядков и репрессий, в том числе и в сфере культуры. Большой объем важной, интересной, уникальной информации по истории многих народов, раскрывающих особенности культуры и быта, демонстрирующих исторические перипетии, описывающих взаимодействия и взаимосвязи людей, обществ выявляются с помощью источников данного архива. Документы из национальных регионов, республик, областей, касающихся культурной сферы направлялись в Москву, в различные ведомства и министерства, организации, а уже оттуда попадали в архивохранилища, благодаря чему и сохранились, когда в регионах случались непредвиденные

события: военные действия, катаклизмы и т.п.

Российский государственный архив литературы и искусства является одним из самых крупных архивных хранилищ России, в котором сосредоточены богатейшие материалы по истории отечественной литературы, музыки, театра, кино, изобразительного искусства, архитектуры. В 3012 фондах РГАЛИ насчитывается свыше 1 млн. 300 тыс. дел. Архив был основан в тяжелейший для страны период – летом 1941 года. Не смотря на всю сложность военного времени, архив не прерывал свою работу, лишь в некоторые, особенно сложные периоды был закрыт для читателей. В настоящее время в фондах архива хранятся документы XIV-XX вв., эти фонды регулярно пополняются новыми единицами хранения, в основном поступающими из частных коллекций и организаций культуры. Основную базу архива составляют рукописи и личные документы выдающихся деятелей культуры Российской империи, СССР, РФ; крупнейших организаций, связанных с литературной, музыкальной и другой творческой сферой деятельности людей в данном регионе; также представлены документы, повествующие о творческих контактах представителей отечественной и зарубежной культуры. Треть исследователей РГАЛИ – иностранцы, и это не удивительно, зная, как популярна русская классическая литература во всем мире. В самом названии архива показан приоритет собранных коллекций, по объему на первое место выходят уже много десятилетий дела, связанные с деятельностью писателей, филологов, литературных критиков; примерно половину всех личных фондов составляют материалы литературного профиля. В РГАЛИ нет секретных фондов или дел, идеологические преграды и запреты были сняты еще в эпоху перестройки. В конце 1980-х все фонды, находящиеся в спецхране, были открыты для читателей. Много было обнародовано дел, касающихся расстрелов советских писателей, поэтов, театральных деятелей конца 30-х годов.

Репрессии 1937-1938 годов смертельным вихрем прошли по Союзу писателей Чечни и Ингушетии. Х. Ошаев так вспоминал об этом периоде истории союза писателей Чечни в письме к осетинскому писателю, автору знаменитого романа «Буйный Терек» Х.-М. Мучуеву: «...А в 1937-1938 годах интеллигенцию так потряхнули, что от нее остались огрызки. В частности, из 12 членов Союза писателей Чечено-Ингушетии было арестовано 9 человек, осуждено 7 человек, расстреляно 4 человека. Сам я, член Союза писателей с 1934 года просидел в заключении 14 лет, из них два года в одиночной камере-карцере». Были арестованы и расстреляны в 1937 году Шамсуддин Айсханов, Ахмад Нажаев, Абди Дудаев, Саид Бадиев. А начиналось зарождение советской творческой интеллигенции в Чечне весьма оптимистично и плодотворно. Конец 20-х - начало 30-х г. XX в. (накануне первого учредительного съезда Союза писателей СССР, прошедшего под председательством А. М. Горького) особенно ярко показали рост молодой чеченской литературы, появление новых талантливых литераторов «советской волны», активно издававших свои произведения на русском и чеченском языках. В 1929 году была создана при Грозненской ассоциации пролетарских писателей секция чеченских писателей. Первым ее руководителем стал Саидбей Арсанбекович Арсанов.

В секцію входили чеченські письменники Нажаєв Ахмед, Дудаєв Абади, Аїсханов Шамсудди, Бадуєв Саїд, Мамакаєв Магомед, Музаєв Нурдин. Уже через рік чеченська секція Грозненської Асоціації пролетарських письменників була перетворена в Чеченську асоціацію пролетарських письменників. Керував їю молодий, але вже відомий в ті роки поет Магомед Мамакаєв. 3 липня 1932 року Чеченський обком ВКП (б) прийняв постановлення «О реорганізації Чеченської асоціації пролетарських письменників і утворенні Союзу радянських письменників Чеченської автономної області», в якому було сказано: «Ліквідувати Чеченську асоціацію пролетарських письменників, організувати Союз радянських письменників Чечні з комуністическої фракцією при нем...». Головою Союзу письменників ЧАО був обраний молодий 23-х річний поет і прозаїк Шамсуддин Аїсханов.

Осінь 1932 року в місті Москві пройшов перший розширений пленум організаційного комітету Союзу письменників СРСР. В роботі його приймали участь і представники Союзу письменників Чеченської автономної області Ш. Аїсханов, С. Арсанов і С. Бадуєв, який виступив на ньому з реччю. 3 листопада 1932 р., на утринньому засіданні він, в частині, сказав: «...Тепер дозвольте дуже коротко інформувати Вас про чеченську червону літературу. У нас є письменник Арсанов, який працює в Москві, і вже написав роман «Два покоління». Арсанов 5 років працював над цим романом, який вийшов на чеченській мові (хоча написаний на російській), але на російській мові його поки що не видають. У поета Мамакаєва існує високоякісна поезія «Криваві гори», у Аїсханова «Колгоспники на курорті», у Дудаєва – «Два людини» [1]. В серпні 1934 року відбувся Перший організаційний з'їзд Союзу письменників СРСР під головуванням відомого А.М.Горького. В чеченську делегацію, очолювану тодішнім головою Союзу письменників Шамсуддином Аїсхановим, входили чотири людини: С. Бадуєв, М. Мамакаєв, Н. Музаєв [2].

Документи РГАЛІ показують, що чеченські письменники, особливо ті, хто входив в ССП і були на представельних всесоюзних форумах і з'їздах, привертали пристальну увагу до себе і своєї творчості в Москві. В архівах збереглися документи, в яких чеченських письменників і їх творчість дуже придирливо оцінюють і досить часто критикують. Особливо багато доносів і обличительних документів з'явилося в 1937-1939 роках. В РГАЛІ збереглася дуже любопитна «Докладна записка Відповідального секретаря Правління ССП СРСР товарищу В. П. Ставському від Семена Липкіна, березень 1938 р.» В своїй докладній Липкін різко критикує відомих чеченських письменників - Нурдіна Музаєва і Саїда Бадуєва: «...Працюючи керівником літературного відділу чеченської республіканської газети «Ленінський шлях», він (Н. Музаєв) використовує своє положення для рекламування своєї особи. Так, я бачив випущену ним літературну сторінку, на якій були поміщені віршовані уривки і стаття тільки одного автора – самого Музаєва. Я переклав його твори, а також твори ще більш слабого віршотворця – Актемірова і, каюсь – трохи прикрасив їх. Н. Музаєв, вважаючи себе «чеченським Маяковським» дуже слабкий, малодаровитий віршотворець. Літературні бандити попросту крали

советский фольклор, выдавая его за свое собственное творчество. Так, например, арестованный ныне С. Бадиев предложил мне перевести его песню, написанную, по его словам «... совсем недавно, в 1938 году». Каково же было мое удивление, когда я эту песню услышал в ауле Ведено, и узнал, что поется она еще с 1933 года...» [3]. А. Тарковский, в своей докладной записке «Что нужно сделать для Чечено-Ингушского Союза советских писателей» от 10 октября 1939 г. также накинулся с критическими замечаниями на Н. Музаева (у которого для советского времени было весьма плохое происхождение - он был сыном муллы): «Нурдин Музаев несамостоятелен, пишет кое-как, неразборчив, способности, на мой взгляд, узкоограниченные. Скажем прямо: поэт неважный..., очень успокоенный молодой человек. Самоуверен, салочник, его не любят товарищи» [4]. У Тарсиса сложилось совершенно иное мнение о Н. Музаеве и С. Бадиеве. В своем докладе он очень хорошо отзывается об их творчестве: «...Между тем в чечено-ингушской организации есть несколько человек бесспорно талантливых, но которые не могут расти ввиду отсутствия руководства и учебы. К их числу относится, прежде всего, товарищ Музаев – комсомолец, очень талантливый поэт, новатор, впервые вводящий в чеченскую поэзию поэтику Маяковского; С. Бадиев – талантливый драматург и прозаик... Музаев написал комедию, принятую в театре и заканчивает большую поэму о Сталине в 4 000 строк. Бадиев все эти годы был единственным драматургом чеченского театра, весь репертуар которого составлен из его песен. Пьесы его пользуются большим успехом и не сходят со сцены в течение ряда лет...»[5]. Безусловно, критические доклады, статьи, доносы сыграли свою роль в том, что многие чеченские литераторы, в том числе и основатель чеченской литературы Саид Бадиев - были репрессированы. В архиве удалось найти документы, связанные с последним годом жизни С. Бадиева. 13 апреля, 13 мая, 6 октября 1937 г. он присутствовал на заседании Правления Союза Советских писателей ЧИАССР (являлся членом правления) [6]; в 1937 году Саидом Бадиевым в Чечне была записана «Чеченская песня о Сталине» (перевод с чеченского языка сделал Александр Чачиков [7]); а также удалось обнаружить редчайший документ – автобиографию С. Бадиева, написанную им за несколько месяцев до расстрела[8]. Нурдину Музаеву удалось выжить в годы репрессий, не смотря на все доносы и критические отзывы. В 1939 году он написал одноактную музыкальную комедию «Колхозная вечеринка». Чечено-Ингушский драматический театр принял комедию к постановке [9]. Из материалов дела РГАЛИ, документа под наименованием «Краткие сведения о работе членов ССП Чечено-Ингушской АССР за 1943-44 гг.» (Докладная записка Яндиева Дж.) мы узнаем о творческой судьбе Н. Музаева следующее: «...Музаев Нурдин Джамалдинович в феврале 1944 года выпустил в свет поэму «Отважные сыны», посвященную героям обороны Сталинграда. На эту - же тему Н. Музаев написал пьесу в трех актах и в 6 картинах для Чечено-Ингушского драмтеатра. Музаев написал 17 новых песен. Эти песни были включены в репертуар Чечено-Ингушского Госансамбля и хора Радиокomiteта. Музаев перевел «Гимн Советского Союза» в соавторстве с М. Гадаевым. Н. Музаев в 1944 году имел удостоверение от ССП СССР и был взят на учет, как член ССП, находясь,

как спецпереселенец - в Средней Азии. Такая постановка на учет давала некоторые привилегии (в том числе и материальные)...» [10]. «Материалы и переписка по ССП Чечено-Ингушетии (письма, запросы, вырезки из газет)» [11]; «Переписка и материалы по Чечено-Ингушской литературе (докладные записки, письма, отчеты, рецензии) [12]; «Материалы и переписка по Чечено-Ингушской АССР. Протоколы. 1937 год» [13]; «Материалы и переписка по Чечено-Ингушской АССР (город Грозный). 1939 г.» [14]; «Переписка и материалы по литературе автономных и союзных республик. 1944 г. (январь-декабрь)» [15].– отражают многие интересные исторические факты, связанные с судьбами чеченских писателей и поэтов, творческой интеллигенции Северного Кавказа в советский период. Они пока мало используются исследователями, в связи с чем весьма недоступны для широкого круга читателей.

Литература:

1. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.1. Ед. хр. 12. Л. 63
2. История Союза писателей Чеченской Республики. Режим доступа: <http://sp95.ru/o-proekte/o-soyuze-pisatelej>. Обращение от 16. 03. 2013 г.
3. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 379. Л. 35 об.
4. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 541.Л.17
5. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 379. Л.10
6. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 206. Л. 2-3, 6
7. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 315.Л.20-23
8. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 206. Л. 1-40
9. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 283. Л.4
10. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 720. Л. 31-33, 38
11. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 541. 21 л.
12. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 379. 46 л.
13. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 206. 44 л.
14. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 283. 32 л.
15. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.6. Ед. хр. 720. 73 л.

Килимник Е. В.

ОСОБЕННОСТИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗАМКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ

Феодальный оборонный замок как уникальное произведение европейской культуры, своеобразное «зеркало времени», включающее в себя все проявления средневекового бытия, объединял различные по своему природно-ландшафтному, историко-культурному, экономическому, техническому, военному и социокультурному уровню развития средневековые регионы Европы, Западной Украины и Белоруссии. Замок как историческое архитектурно-художественное явление средневековой культуры просуществовал более восьми веков (с конца VIII – до 40-х годов XVII вв.), став символом политико-правовой, экономической и культурной власти светских и духовных феодалов в европейских регионах. Это архетипическое духовное наполнение замка как художественного

культурно-исторического феномена объединяет разнообразные по архитектурному облику замковые комплексы и наделяет каждый из них свойствами целого. При этом, если особенности объемно-пространственной формы и художественного оформления замков зависели в основном от локальных историко-культурных и военно-оборонительных традиций, то смыслообразующей основой любого замка были идеи верховной власти, всеобщего феодального права, защиты и подчинения, то есть ценности политико-правовой культуры, отражавшие мир европейского Средневековья.

В ходе проведенного культурно-исторического анализа удалось выявить, что в каждом из регионов средневековой Западной Украины и Белоруссии преимущественное пространственно-временное распространение получил, как правило, один из основных замковых типов. Вследствие этого локальные исторические архитектурно-художественные особенности активно проявились при сооружении феодального замка:

- для земель средневековой Западной и Юго-Западной Руси (Западная Украина) – создание родового кастела, выполненного в северо-итальянской традиции замкового зодчества, с угловыми башнями, приобретенными во второй половине XV – XVII вв. самобытную для этих земель пятигранную (килевидную) форму.

С учетом исторических изменений, происходивших в осадной технике, применении новых видов оружия, новой стратегии и тактике в военном деле, происходит трансформация прежних объемно-пространственных форм с целью повышения их обороноспособности или их вытеснение с возникновением и господством нового, более оптимального для защиты того или иного региона Западной Украины и Белоруссии, замкового типа. В результате этого культурно-исторического процесса, на смену прежнему, господствующему архитектурно-историческому замковому типу, приходит новый с лучшими военно-оборонительными характеристиками.

Существование в регионах средневековой Европы многочисленных объемно-пространственных форм замков, продиктованных локальными природно-ландшафтными, культурно-историческими, социокультурными особенностями делает художественную картину мира романского и готического периодов истории Европы, Западной Украины и Белоруссии достаточно многообразной в истории искусств. Несмотря на региональные особенности замковых форм, в архитектонике замков можно выделить некоторые грани, отразившие сущность синтеза искусств, происходившего в культовом зодчестве и своеобразно проявившегося в оборонных феодальных замках Западной Украины и Белоруссии.

Исследуя проблему синтеза художественного, функционального и конструктивного в замковой архитектуре, следует отметить, что эти принципы в процессе развития оборонного замкового зодчества варьировались, меняли значимость и выраженность. На заре замковой эры мастеров-строителей заботили исключительно польза и прочность сооружения, тогда как его красота в расчет не принималась. В силу утилитарно-функционального назначения оборонного замка перед мастерами стояла задача, оптимально используя условия местности, с

одной стороны, и достижения строительного искусства – с другой, наделять сооружение многоуровневой системой защиты, сделать его максимально надежным и неприступным, способным защитить окрестные земли и население, но главное – идею власти правителя над этим регионом. Ценою порой огромных финансовых, энергетических, материальных затрат средневековые строители решали эту грандиозную задачу, масштабы которой адекватно отражали непреходящую ценность заложенной в ее основе идеи. Результат этих усилий – замок – впечатлял современников: его суровый облик внушал им почтение, страх и трепет перед величием власти, и в то же время для подвластного люда он олицетворял надежду на спасение от врага, а в целом – был средоточием их жизни и мироустройства. Это энергетическое воздействие, пусть иного рода, мы продолжаем испытывать и сегодня. Даже те ранние замки, в архитектурный замысел которых устроители не вложили ни декоративности, ни художественности, вызывают в нас эстетическое чувство благодаря совершенству воплощения этого замысла. Можно утверждать, что красота замка, присущая ему изначально, но не осознаваемая средневековым человеком, проявлялась постепенно с изменением системы ценностей и окончательно утвердилась в сознании людей в ряду величайших достижений человеческого мастерства.

С развитием общества эволюционировала и архитектура замка, подчиненная изменившимся задачам, которые ставило время перед властителями. На переходном этапе наиболее знатные и богатые владельцы замков заимствовали некоторые элементы готической церковной архитектуры, органично вписывая их в романские интерьеры в качестве декоративного наполнения, не несущего, однако, никакой конструктивной нагрузки, хотя и создающего иллюзию подлинности (нервюры в Рыцарском зале замка Мальборк, XIV в., Польша). Интенсивнее этот процесс заимствования происходил в отношении реконструкции замковых часовен, особенно находящихся внутри замкового двора под защитой крепостных стен: их заново обустраивали с использованием строительных принципов нового стиля, придавая им готический облик.

Отсюда берет начало тенденция к синтезу художественного и функционально-конструктивного принципов в замковой архитектуре. Зародившись как попытка гармоничного сочетания разнородных деталей на базе традиционной оборонительной формы, этот процесс впоследствии увенчался появлением полифункционального дворцового комплекса, полностью утратившего, наконец, фортификационное значение в XVI – XVIII вв. В этот период акцентируется парадно-светский характер архитектуры, следовательно, усиливается значение эстетического синтеза, как составляющих ее элементов, так и связанных с ней произведений других искусств. Этому культурно-историческому процессу во многом способствуют и высвобождающиеся у феодалов средства, первоначально направленные на поддержание оптимальной системы фортификации и замкового вооружения, а по мере утраты оборонного значения, направляемые владельцами на художественную реконструкцию бывших феодальных твердынь.

Таким образом, возникнув в рамках раннесредневековой романской

стилистики, оборонная архитектура долгое время пребывала исключительно в суровом облике этого художественного направления, почти не воспринимая влияния возникшей Готики. И лишь с началом Возрождения, централизацией государств и утратой замком своего прежнего утилитарно-функционального назначения, готические и ренессансные черты стали активно проникать в архитектуру феодальной крепости, тем самым, синхронизируя процесс развития оборонного зодчества и художественные веяния эпохи. В результате, в эпоху Барокко замок представляет собой сооружение, чье функциональное и художественное наполнение полностью соответствует духу времени (Олеский замок, реконструкция I-й четверти XVII в., Львовская обл.).

В представленной работе значительное внимание было уделено решению архитектурно-художественных задач, проявившихся в сооружении феодальных замковых комплексов. Замки явились важным фактором стабилизации территориальных границ и стимулировали развитие властных отношений. Их создание способствовало развитию науки и техники, поскольку в этой области ряд требований ставил перед строителями новые задачи, которые необходимо было решать. Стабилизация отношений способствовала уделению большего внимания комфортности повседневного быта. Замковое зодчество Украины и Белоруссии содействовало сохранению культурных ценностей (фресок, гобеленов и т.д.). Строительство, трансформация и украшение замков, составной частью которых становились дворцы, способствовало развитию художественного творчества в смежных с архитектурой областях – изобразительном и прикладном искусстве. Специфика замкового зодчества порождала новые композиционные приемы и объемно-пространственные формы, которые были заимствованы другими видами градостроительства – гражданским и культовым (эркер, зубцы, ризалиты, решение стенных проемов, их зрительное расширение). Наиболее ярко это проявилось в архитектуре романского и готического периодов, и в репликах последующих эпох (например, в период эклектики). Ни в одной другой области строительства на столь высоком уровне не решалась проблема взаимоотношений между искусственным сооружением и природным ландшафтом.

Специфика сооружения замков – использование возможностей природно-ландшафтных особенностей, культурно-исторических традиций и социокультурных условий, напрямую отражали достоинства и недостатки региональных замковых форм с точки зрения решения оборонных задач. Эти условия, как показывают проведенные полевые исследования, оказывались решающими при выборе объемно-пространственной формы замкового комплекса в каждом конкретном случае. На основании этого можно говорить о двух наиболее ярких чертах композиции, продиктованных самой природой. В одном случае при строительстве замков использовались возвышенности, и в этом случае сами сооружения становились как бы органическим продолжением рельефа, его природным развитием. Поэтому часто трудно провести границу между естественными и искусственными формами. В результате возникает ощущение гармоничного слияния с природой, где слагаемые неразделимы. Во втором

случае, когда строительство велось на равнине, где главенствующую роль в ландшафте играли горизонталы, вертикальные членения замков им противостояли. В итоге возникало иное качество: природа и равнинный ландшафт подчеркивали формы замка, позволяли ощутить их мощь, а сами замки обогащали ландшафт, контрастируя с ним.

Замок, зародившись в недрах средневековой истории, стал ее центром, вокруг которого формировалась европейская и западнорусская цивилизация. Феодальный замок символизировал военно-политическую, экономическую и юридическую власть, был средоточием рыцарской культуры и бытовавших в то время феодальных традиций, представлял собой укрепленный плацдарм для последующего завоевания новых земель, охранял внутригосударственные и транзитные торговые пути, защищал пограничные территории, служил фактором политической стабильности и в тоже время способствовал усилению феодальной раздробленности. Именно оборонный замок, представляя собой феномен средневековой культуры, объединил различные по политическому, экономическому, военному, социальному и культурному уровню развития регионы средневековой Европы, земли Западной и Юго-Западной Украины и Белоруссии, долгое время исключенные отечественными и зарубежными исследователями из общего культурно-исторического контекста развития европейского замкового зодчества VIII – XVII вв.

Литература:

1. Культурно-исторические особенности центрально-европейских дворцово-замковых комплексов XIII–XVI вв. [Текст] / Е. В. Килимник // *Вопр. культурологии*. 2008. – № 5. – С. 60-64.

2. Структура феодальных замков Центральной Европы XI –XIII вв. [Текст] / Е. В. Килимник // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2009. – № 3 (37). – С. 151-156.

3. Художественное убранство Белорусских дворцов, замков и укрепленных храмов XIII – XVII вв. в контексте современного преподавания истории культуры. [Текст] / Е. В. Килимник // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2010. – № 3 (47). – С. 46-50.

4. Средневековый европейский замок X – XV вв. как символ рыцарской культуры. [Текст] / Е. В. Килимник // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2010. – № 1. Том 16. – С. 198-202.

5. Культурно-исторические особенности развития дворцово-замковых комплексов на землях Великого княжества Литовского XIII – XVII вв. [Текст] / Е. В. Килимник // *Культурная жизнь Юга России*. 2010. – № 2 (36). – С. 16-20.

6. Культурно-исторические особенности феодальных замков Западной Европы эпохи Средневековья. [Текст] / Е. В. Килимник // *Власть*. 2010. – № 11. – С. 156-159.

7. Meyer W. Die mittelalterliche Burg als Wirtschaftszentrum. – Gallard: Chateau Gallard XIII, 1998. – 136 p.

8. Mrusek H. J. Burgen in Evropa. – Leipzig: Edition Leipzig, 1974. – 156 p.

9. Mrusek H. J. Gestalt und Entwicklung der feodalt n Eigerbefestigan im Mittelalter. [Text] // *Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Phil. – hist. Klass Bd. 60, Hefts. – Berlin: Laenderdienst-Verlag*, 1973. – 156 p.

10. Poche E. Umelecke pamatky Cech I-II. – Praha: Odeon, 1977, 1982. – 643 s.

11. Pourova R. Hradky a zamky a tvrze. – Praha: Herbia spol. s r. o., 2006. – 470 s.
12. Richard C. Chateaux en pays de Vaud. – Favre, 2012. – 192 p.
13. Ritter R. Chateaux, donjons et places. Architecture militaires franchise. – Paris: Larousse, 1953. – 209 p.
14. Ritter R. L'architecture militaires du Moyen Age. – Paris: Larousse, 1974. – 240 p.

Ибрагимова З. Х.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН В ГОДЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

История заимствований уходит вглубь веков. Римляне славились тем, что заимствовали все лучшее у армий-противников. Причем большинство достижений врагов они не слепо копировали, а приноравливали к условиям своей армии, совершенствовали их. Это касалось вооружения, наград, знаков отличия, обмундирования и многого другого. У разных народов действовал единый принцип: «заимствовать у противника все самое лучшее, обращая полученное против самого врага». В древнем Китае сила заимствования именовалась «цзе цзин». В восточных боевых искусствах с помощью «силы заимствования» считалось легче победить соперника, во время поединка можно и даже обязательно было использовать силу оппонента сообразно своим целям и в собственных интересах. Предположим, что противник атакует, применяя силу, равную десяти условным единицам. Его оппонент не только нейтрализует, но и «заимствует» эту силу, которая затем возвращается к хозяину, породившему ее. Эти древние боевые традиции сохранились до настоящего времени. В современном кикбоксинге настоятельно рекомендуется постоянно обогащать свою боевую практику элементами, заимствованными из тех действий противника, которые создавали наибольшие трудности в борьбе с ним. В истории Российского государства насчитывается множество примеров заимствований военного опыта, боевых технологий у других стран и народов. Так Петр I активно опирался на шведский опыт при создании армии «европейского образца», не гнушаясь копировать достижения противника.

Кавказ, расположенный между степей Евразии и регионом Ближнего Востока издревле являлся местом взаимодействия и взаимопроникновения различных культурных традиций. Особенно интенсивно контактный обмен происходил во время торговых операций, изменений территориальных границ расселения этносов, боевых столкновений. Межкультурный контакт, даже в ходе многочисленных военных противостояний на протяжении столетий неизбежно приводил к обмену и заимствованию традиций. Поэтому в культуре любого кавказского этноса, наряду со специфически этническим элементом, всегда присутствовал и элемент интернациональный, то есть «определённая сумма усвоенных инноваций» [1]. Сам по себе этнический массив Кавказа – феноменальное явление, формировавшееся на протяжении веков. Кавказ – это сложное, неповторимое историко-культурное сообщество, представленное многими народами и конфессиями; это – многообразная социально-этническая среда. Коренные жители данного пограничного между Европой и Азией региона с одной стороны всегда стремились сохранить свою

самобытность (и с этой задачей успешно справлялись), с другой стороны, постоянно подвергаясь внешнему влиянию, заимствовали лучшие качества других культур[2].

У народов, издавна проживавших друг с другом рядом, было особенно много заимствований. Основой развития хозяйственно-культурного взаимовлияния между чеченцами, с одной стороны, и русским населением Терека в лице казачества – с другой, была реальная взаимозависимость и взаимозаинтересованность, возникшая в процессе укрепления многовекового соседства. Общая хозяйственная деятельность, торговые отношения, куначеские связи толкали к необходимости изучения местных языков. В XVIII в. многие гребенские казаки хорошо знали северокавказские языки, в том числе и чеченский. Интересно отметить, что чеченцы стремились обучать своему языку даже русских пленных. Документ 1757 г. рассказывает, что пленного казачьего мальчика «хозяева содержат в хороших условиях и обучают по-татарски грамоте». В то же время в чеченском языке был усвоен ряд слов, которые по форме и значению совпадают с русскими[3]. Исследователь военного дела В.Б. Вилинбахов пишет, что «Кавказские казаки, заимствовав от горцев, в первую очередь от кабардинцев, буквально всё, начиная от одежды и кончая тактикой ведения боя, резко выделялись среди всех казачьих войск». Во время русско-турецкой войны бритые «по - чеченски» головы выделяли чинов «охотничьих команд» (добровольных антидиверсионных подразделений) казачьего сословия). Цвет черкесок и шаровар в Терском казачьем войске был первоначально темно-коричневый, а бешметов, верха шапок, кантов и погон – красный. В 1871 году в войсках вводятся высокие (как у горцев) папахи и устанавливается единый (черный) цвет черкесок и шаровар. Цвет бешмета, верха шапок, кантов и погон меняют на голубой[4]. Не все казаки приветствовали перенимание опыта у врага, считали эти действия оскорбительными для своей чести. Даже после окончания войны отношения между казаками и горцами оставались напряженными, что препятствовало взаимовлиянию их культур: «Считая себя несравненно выше туземцев, казаки упорно избегают всякого подражания им и находят даже унижительным для себя следовать их примеру[5]».

Тяжелая, многолетняя Кавказская война отличалась многообразием и массовостью разносторонних заимствований. Заимствовали противостоящие стороны многое: оружие, методы ведения войны, форму одежды, обмундирования. Причины заимствования были разные: у российской армии было более современное тяжелое вооружение, жизнь горцев была лучше приспособлена к местным климатическим условиям, местные жители комфортно чувствовали себя в горах, их одежда, снаряжение хорошо подходили для горной местности, холодное кавказское оружие имело свои превосходства.

Горская культура поразила русских вначале своей экзотичностью, а потом не меньшей разумностью и целесообразностью. Изобретённые горцами в Ведено новые, приспособленные к горным условиям, орудийные лафеты были даже использованы затем русскими инженерами. Шамиль прекрасно вооружал свою армию. Артиллерия была создана на базе трофейных орудий, а затем было налажено собственное производство пушек с помощью

перешедших на сторону Шамиля царских офицеров и нижних чинов. В Ведено был построен во время Кавказской войны целый литейный завод, на котором было налажено изготовление собственных пушек и ядер. Лились пушки из железа и меди, добываемых в горах и привозимых из других мест. На отлитых пушках обычно ставилась печать Шамиля. Процессом отливки заведовал оружейник Джабраил. Всего на Веденском литейном заводе было отлито 50 орудий [6]. Шамиль организовал учёбу артиллеристов, а также разработал особую инструкцию по формированию артиллерийских частей. Результаты были настолько успешны, что это искусство было взято на вооружение даже царской армией. Во главе артиллерии стоял известный сподвижник Шамиля Яхья - Хаджи [7]. Чеченец из села Алды, Хаджияс Юсуф служил у имама инженером, картографом, командовал войсками, был администратором и советником по политическим и правовым вопросам. Как инженер он отвечал за фортификационные вопросы. Как бывший офицер на службе у Мехмет Али он помог Шамилю создать регулярную пехоту – низам. В 1854 г. Шамиль отправил его в ссылку, обвинив в несанкционированных контактах с русскими (по другим источникам – с турками). Спустя два года он бежал к русским, где вскоре и умер. Последним проектом Юсуфа было создание для русского командования карты владений Шамиля [8]. Шамиль предпринимал попытки использовать сложные гидротехнические сооружения при обороне стратегически важных центров имамата, опираясь на опыт российской инженерной мысли. В частности, в районе Гергебиля была возведена целая система плотин, которые могли быть легко взорваны для затопления узких мест на пути продвижения противника. Темпы строительства были беспрецедентными. Это, вероятно и привело к тому, что плотины рухнули задолго до их использования.

Влюбленность и заинтересованность в Кавказе была среди русских дворян весьма велика. Композитор М.А. Балакирев писал: «Здесь все ходят в черкесском платье, я увлекся общим духом и снял свою карточку в черкеске и папахе у вновь прибывшего фотографа Индицкого, чтобы была память о пребывании на Кавказе» [9]. Бурки, башлыки, черкески и прочая «татаромания» (так иронически называли современники склонность к ношению горского костюма и вооружения) была особенно популярна у офицеров. Один из современников замечает: «Снисходительный взгляд начальства на форму одежды офицерства устранял всякое стеснение в этом отношении, и при встрече на улице иного офицера трудно было отличить его от чеченца...» [10]. Заимствования, лучшее знание культуры, истории коренных народов формировали бережное отношение друг к другу [11]. По пути в Петербург, в Курске Шамиль как-то увидел офицера в мундире Кавказской армии. Он подошел к нему и спросил: «Что значит ваш черкесский убор?» «Я служил на Кавказе» - ответил военный. «Вы мой земляк и мне приятно видеть вас» - сказал Шамиль [12]. Возвращавшиеся в Россию офицеры увозили с собой черкесский костюм и оружие [13].

Именно Кавказская война отличалась тем, что на форму и оружие русской армии оказали особое внимание военно-культурные традиции местных народов. Вместо ранцев солдаты стали использовать холщовые мешки, а сапоги, которые они берегли для парада, заменялись на кожаные горские

чувяки и шерстяные портянки, перевязанные до колен ремнями. Это была наиболее целесообразная обувь по своей простоте, дешевизне, легкости и способности быстро высушиваться. Мода на кавказское оружие и одежду получает широкое распространение среди нижних чинов, и даже прислуги.

Кавказское влияние особенно сильно проявлялось в культурно-бытовом плане. Многие офицерские слуги и войсковые маркитанты «были в черкесском платье»: папахи, архалуки (бешметы), чекмени (черкески) и бурки. В целом, причину перехода на местные образцы и казаков, и гражданского населения, и военных предугадать нетрудно: они были красивы, удобны и приспособлены как нельзя лучше, к местному климату и роду войны.

Начиная с 1800-х гг., и более активно – с 1810-х гг., в ходе военных действий, многие офицеры русских войск на Кавказе начали сочетать предметы своего обмундирования с элементами горского национального костюма и вооружения, или же полностью заменять форменный мундир данным комплектом. На Кавказе у офицеров считалось большим шиком иметь под сюртуком толковый бешмет и на поясе кинжал [14]. В красоте и одновременно простоте и надёжности кавказской одежды – залог её исключительной популярности среди офицеров Отдельного Кавказского корпуса. Генерал А.П. Ермолов в 1818 г. предложил заменить на Кавказе униформу: «Одежду для солдат предлагал я более с климатом согласованную, различествующую от теперешней, всюду единой для знойной Грузии и для Камчатки ледовитой», - вспоминал впоследствии А.П. Ермолов. Однако на эти предложения из Петербурга ответа не последовало. Столица империи была охвачена «парадоманией»; русских самодержцев заботило, главным образом, чтобы она соответствовала европейской военной моде, была красивой, яркой, а потом уже удобной и функциональной. В таких условиях А.П. Ермолову оставалось только одно – взять инициативу в свои руки, а точнее, передать ее в руки офицеров и нижних чинов, которые теперь получили возможность обмундироваться так, как того требовала конкретная боевая обстановка.

Элементы кавказского костюма прочно вошли в обиход русской армии, несмотря на все запреты и ограничения и не только из-за функциональности и простоты, но и из-за красоты местной одежды. Нельзя не отметить изящный дизайн костюма горца, наиболее удовлетворяющий эстетике мужской фигуры, формировавший своего рода культ мужественности, таивший скрытую угрозу. «Мужская одежда у черкес, - сообщает Хан – Гирей, - красотою и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже и в Европе...». К началу 80-х годов XIX века руководство, наконец, окончательно смирилось с фактом преобладания черкесской формы одежды в русской армии в условиях Кавказского края. Приказ 1880 г. № 120 гласил: «При вызове со льготы на службу конных полков и пеших пластуных батальонов Терского казачьего войска, не требовать от нижних чинов этих частей форменных мундиров, дозволив заменять оные черкесками одинакового с мундирами покроя, произвольных цветов с погонами» [15]. Со временем руководство российской армии признало седла и стремена кавказского образца самыми удобными для конницы.

Таким образом, не смотря на многолетнюю борьбу, противостояния, в ходе Кавказской войны воюющие стороны заимствовали у противника те

достижения, которые создавали хорошие условия не только в бою, но и в мирной жизни, были комфортны и удобны. Среди националистически настроенных российских патриотов бытовало мнение, что безнравственно заимствовать что-либо у противника, тем более неся ему более высокую цивилизацию и ее достижения, новейшие технологии. Но даже они вынуждены были признать, что весьма удобно и практично использовать отработанный веками опыт жизни в горах у местных жителей, приспособившись к климатическим и ландшафтным условиям ведения боевых действий, изучая действия кавказцев. Горцы также не гнушались перенимать опыт у русской армии, сохраняя тем самым многие жизни своих соплеменников.

Литература:

1. Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры. Дис. ...канд. филос. наук. – Рн/Д.,2003. – С.25.
2. Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв.: (Историко-этнографическое исследование). Дис. ...канд. ист. наук. – С.3.
3. Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Тереке в XVI – XVIII веках // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. – С.119,123.
4. Военная одежда русской армии. – М., 1994. – С.257.
5. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 83.
6. Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М. 1997. - С.82-90.
7. Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты. Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.224-225.
8. Гаммер М. Шамиль и мусульманские державы: оттоманские турки, кадjarы и Мехмет Али Египетский // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала,2006. - № 1 (5). – С.41
9. Розенфельд Б.М. Дышу Кавказом // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь,2007. – С.357.
10. Нечитайлов М.В. Реформирование кавказского военного мундира в перв. пол. XIX в. – Ставрополь,2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 26.05.03, № 58 018. – С.25-26.
11. Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик. 1994. - С.74.
12. Шамиль на Кавказе и в России. – М.,1994. – С.117.
13. Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект. Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.147,149.
14. Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства. Дис. ...канд. ист. наук. – С.86.
15. Систематический сборник приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба за время с 1 января 1869 г. по 1 января 1896 г. Разделы VI – XV. – СПб.,1896. – С.1673.

Кириллова Е. А.

ДЕРЕВНИ, СЕЛА, СЕЛЬЦА, ВЫСЕЛКИ РУССКИХ В МОРДОВСКОМ
КРАЕ

В середине XIX в. на территории Мордовского края было 721 русское поселение, в которых проживало русское население. Из них деревни составляли 56%, села – 36,4%, сельца – 4, выселки – 3,6 процента [1].

Селами называли многодворные поселения, в которых после христианизации стали строиться церкви, являвшиеся одним из основных отличительных признаков села. Селения без церквей и меньше по размерам назывались деревнями, а если в них имелись помещичьи имения – «сельцами», они по своим функциям и величине занимали промежуточное положение между селом и деревней [2] Выселки появились не ранее второй половины XIX в. в результате увеличения численности населения, причем наиболее остро стало сказываться малоземелье. К примеру, 75% всех выселков было в Краснослободском уезде, где половина помещичьих крестьян имели наделы не более 2 десятин удобной земли.[3] Слободами назывались поселения, в которых население занималось неземледельческим трудом. В настоящее время республике числится пять слобод: Новоямская Слобода (Ельниковский район), Засечная Слобода (Инсарский район), Потижская Слобода (Кадошкинский район), Стрелецкая Слобода (Рузаевский район), Старая Ямская Слобода (Темниковский район). Починками называли малонаселенные и недавно населенные участки для ведения сельского хозяйства (с. Починки Большеберезниковского района). В период столыпинской аграрной реформы, с проникновением в деревню капиталистических отношений, в Мордовском крае появились хуторские поселения. По подсчетам А.С. Лузгина в тот период возникло не менее 50 хуторов русских крестьян [4].

Важным аспектом изучения сельских поселений являются их формы, способствующие пониманию многих особенностей, связанных с историей и характером заселения территории. На территории Мордовии выделены следующие формы русских поселений: 1) рядовые, 2) уличные, 3) замкнутые, 4) радиальные, 5) улично-квартальные.

Наиболее распространенной ранее формой русских поселений на территории Мордовии была рядовая (собственно рядовая и многорядная). При рядовой планировке поселение вытягивалось цепочкой в один сплошной ряд и ориентировалось фасадами в одну сторону, чаще на реку, а позднее на тракт. Отмечаются рядовые селения, обращенные фасадами на юг. Разновидностью рядовой планировки является многорядная. Причем наиболее распространенным было такое развитие однорядки, когда напротив этого единственного в селении ряда домов возникал второй порядок.[5]

В середине XIX в. отмечается значительный процент замкнутых форм русских поселений, что обуславливается не только природно-географическими особенностями (озеро, овраг, балка, вокруг которых росло поселение (с. Воеводское Кочкуровского района), но и социально-экономическими факторами, прежде всего от наличия базарной площади. При этом первый случай более характерен для сел, а второй – для небольших

поселений. В этот период отмечается также образование концевых форм и новых, улично-квартальных, зачастую возникавших в результате сочетания уличных и замкнутых форм. Другой путь образования концевых форм связывается с мелкопоместным землевладением, когда жители одной деревни принадлежали разным владельцам и входили в разные общины. В этом случае развитие селения шло «концами». Отмечаются также селения, сочетающие в себе беспорядочную и уличную (рядовые) формы, причем почти всегда можно выделить основную часть селения (ряд или улиц) [6] Беспорядочная форма поселений бала характерна в прошлом, как для славянских, так и финно-угорских народов.

На формы поселений существенное влияние оказывает тип заселения. Рассматриваемая территория покрыта густой сетью больших и малых рек. Западная часть ее представляет водораздельное плато рек Мокши и Вада, которые имеют широкие долины с развитыми вторыми древними террасами. Центральные районы имеют запутанные системы речных долин и оврагов, здесь почти отсутствуют равнинные водораздельные плато. Восточная зона отличается наличием густой овражно-балочной сети, особенно в междуречье Суры и Алатыря, где на каждый километр территории приходится около одного километра оврагов и балок.[7] Таким образом, на исследуемой территории было выделено четыре типа: речной, приречный, овражно-балочный, водораздельный. Преобладающими типами расселения русских на территории Мордовии были речной и приречный, составляющие к середине XIX в. 74%. Причем более 20 % из них располагались по таким крупным рекам, как Мокша, Сура, Алатырь, Вад, Инсар и др. К примеру, с. Куликово Теньгушевского района – на р. Мокша, с. Спасские Мурзы Ардатовского района – на р. Алатырь, с. Дмитриев Усад Атюрьевского района – на р. Шуструй и др.

Русское население предпочитало селиться также вблизи лесных массивов, где можно было найти материал для строительства жилища, землю и пастбище для ведения домашнего хозяйства, что играло большую роль в системе жизнеобеспечения этноса. Примером могут послужить такие населенные пункты как Барашево, Дачный Теньгушевского района. Другим примером служат с. Сиалеевский Майдан Кадошкинского района, с. Унуевский Майдан Ковылкинского района, с. Лемдяйский Майдан Старошайговского района, которые также находились в лесной местности, что позволяло жителям данных местностей заниматься производством смолы, дегтя, поташа. Жители с. Смольный Ичалковского района занимались пилкой строительного леса и производством смолы; жители рабочего пос. Дубитель Зубово-Полянского района – разработкой дубильных экстрактов из дубовой коры.[8] Мордовский ученый, профессор Д.В. Цыганкин писал, что: «Осваивая мордовский край, русские не могли не перенести сюда с собой и некоторые промыслы, такие например, как обработка дерева, кожевенное, кузнечное, гончарное производства».[9] Это говорит о том, что русское население Мордовии изыскивало пути для создания жизнеобеспечивающих условий.

В качестве основных выделяются следующие четыре формы расселения:

1. Очаговая – расселение в виде разреженной сети одиночных, обособленных поселений (расстояние между селениями более 6,0 км);

2. гнездовая – группа селений, расположенных на расстоянии 2,1-6,0 км друг от друга, иногда с выделением «ядра» в виде наиболее крупного селения, являющегося или генетическим центром группы поселений, образовавшихся в прошлом как выселки из него, или местом концентрации селитбы, куда постепенно переходят жители соседних селений;

3. кучевая – сгущение группы селений, расположенных на расстоянии 0,5-2,0 км друг от друга, а также более компактные образования, которые, однако, еще не могут рассматриваться как единое поселение;

4. линейная – сгущение группы селений, расположенных на расстоянии 0,5-2,0 км друг от друга в виде цепочек поселений вдоль дорог, рек, по речным долинам.[10]

Названия поселений своими корнями уходят в историю. Следует отметить, что некоторые русские населенные пункты названы по имени или фамилии первых поселенцев или основателей. Так, например с. Бабеево Темниковского района – от фамилии Бабеевы (служилые татары); с. Барашево Теньгушевского района – фамилии Барашевы; с. Маколово Чамзинского района – от фамилии Макуловы; название с. Воеводское Кочкуровского района – указывает на принадлежность должностному лицу: воеводе древней Руси – А.И. Леонтьеву; с. Красино Дубенского района – в честь Леонида Борисовича Красина (1870-1926), с. Константиновка Ромодановского района – имени Константина Панова и др..[11]

Таким образом, исторические типы поселения и заселения, а также их формы поселений определили его социально-экономическую разновидность в период возникновения, так как с ними, прежде всего, связано сохранение традиций в планировке, расположении, облике поселения и народном зодчестве. В народном зодчестве всегда в той или иной степени присутствуют традиции, в том числе и национальные, которые в процессе его развития и совершенствования постепенно изменяются под влиянием новаций, являющихся постоянным источником их обновления.

Литература:

1. РФ НИИГН, И-1081. Лузгин А.С. Культура и быт русского населения Мордовии (середина XIX – начало XX в.) / Плановые работы сотрудников сектора археологии и этнографии за 1981 г. л. 13

2. Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1966. С. 185

3. Тюгаев Н.Ф. Крепостная деревня Мордовии в конце XVIII – первой половине XIX века. Саранск, 1975. С. 194

4. Лузгин А.С. Жизнь промыслов: Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в. (этнокультурные аспекты). Саранск, 2001. С. 52

5. Лузгин А.С. В тесном соседстве. Саранск, 1987. С. 85-86

6. Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1966. С. 194; РФ НИИГН, И-1081. Лузгин А.С. Культура и быт русского населения Мордовии (середина XIX – начало XX в.) / Плановые работы сотрудников сектора археологии и этнографии за 1981 г. л. 17-18

7. Вавилин В.Ф. Мордовское народное зодчество. Саранск, 1980. С. 32
8. Мордасова С.Г. Традиционная культура русских Республики Мордовия и система их жизнеобеспечения. Саранск, 2004. Дисс. канд. ист. наук. С. 28
9. Цыганкин Д.В. Память земли. Саранск, 1993. С. 31
10. Вавилин В.Ф. Мордовское народное зодчество. Саранск, 1980. С. 22
11. Инжеватов И.К. Топонимический словарь. Саранск, 1987

Манякин Л.В.

АКМОЛА: БЕЛАЯ МОГИЛА ИЛИ БЕЛОЕ ИЗОБИЛИЕ?

Мой город будет стоять!¹

Одним из проблемных аспектов, в процессе исследования и обсуждения которого исследователи, журналисты, официальные представители государства и другие лица ударяются в острые дискуссии, является трактовка исконного названия нынешней столицы Казахстана. Этот вопрос обостряется тем, что как-то не к лицу теперь новому главному городу страны верное происхождение предшествующих топонимов. И поэтому определенные заинтересованные стороны то и дело манипулируют свойствами различных языков уже не только, чтобы сфальсифицировать настоящий перевод и происхождение названия города Акмола и его производных, но и с прямым намерением использовать свои творения в процессе нацистроительства, в котором аспекты, касающиеся столицы республики, играют не последнюю роль. Раньше (до 2000-х годов) путанице в переводах не придавали такой важности, хотя исследователи прекрасно знали о нескольких значениях названия города, и мыслей не было о какой-то подмене трактовок с определенной целью. И уж тем более не вызывало сомнений реальное возникновение топонима и не провозглашалось за веру то, что Акмола получила свое название в связи с определенными событиями ее развития, чем отрицалось верное происхождение названия. Они, конечно, имели место в степи, но происходили значительно позднее основания данного населенного пункта, который уже носил свое прекрасное имя Акмола. И цель нашей работы — исследовать верность интерпретаций названия города и их происхождение и на основе этого сделать вывод об их правильности. Предметом же выступают сами истолкования наименования данного географического объекта и их возникновение.

Современная столица Казахстана была основана 18 июня (1 июля по новому стилю) 1830 года на правом берегу реки Ишим. По поводу исторических названий города также ведутся споры, но мы предлагаем следующий хронологический порядок наименований населенного пункта: Акмола или Акмоллы (1830-1845), Акмолинская казачья станица (1845-1868), Акмолинск (1868-1961), Целиноград (1961-1992), Акмола (1992-1998), Астана (1998-наше время). Из него видно, что исконными названиями представляются топонимы с корнем «Акмол», где первые два упоминались параллельно [1-3], а потом и неофициально даже уже когда город назывался Акмолинск [4, 5; 6-7, 10].

¹ Слова из песни «Мой город будет стоять» группы «Адаптация» (Казахстан).

Наименование станицы было введено Николаем I, когда чтобы «...водворить в степи прочный мир, содействовать внедрению земледелия и оседлости, обезопасить регулярное движение караванов... принято было решение об образовании здесь военизированных казачьих станиц» [6]. Акмолинск же является русифицированным названием от указанной грамматической основы и навевает имперские воспоминания, что было одним из аргументов, чтобы переименовать город не в данный топоним в 1992 году, а в Акмолу. Советское имя Целиноград выступает говорящим топонимом, как и Астана, но только для тех, кто знает, что это слово переводится с казахского «столица». Нас непосредственно интересует значение и происхождение корня «Акмол», который также остается не просто в памяти народа, но и на карте Казахстана. Так Астана находится в Акмолинской области с центром в Кокшетау, и недалеко от столицы существует населенный пункт (бывшее село Малиновка — административный центр Целиноградского района, в котором находится главный город) с названием Акмол в память о том, что она сама когда-то носила различные вариации данного наименования и для напоминания о существовании «Алжира» (26-ая точка Карагандинского ИТЛ) в окрестностях поселения с воссозданным названием.

Общеизвестным является тот факт, который заключается в том, что русифицированное «Акмол» переводится с казахского, как «белая могила» («Акмол»). И в подтверждение наших слов о том, что раньше это ни у кого не вызвало сомнения, можно сказать: про это знал каждый житель Акмолинска-Целинограда-Акмолы, даже ребенок. Здесь это утверждается с такой полной уверенностью, так как автор сам является уроженцем Целинограда и он был таким ребенком, и уже тогда не он один, но и его сверстники прекрасно знали не только перевод упомянутого топонима, но и его происхождение вплоть до деталей, что очень легко проверить. Стоит отметить, что такое внимание к данной проблеме у акмолинцев-целиноградцев было естественным, хотя не стояло никаких дилемм или вопросов, они даже ездили на места, связанные с присвоением наименования городу. Автор и узнал от старших поколений о данной этимологии и также лично посещал эти уголки своего родного края, но только в 1990-2000-х годах. Сейчас же у граждан отсутствует интерес, что можно объяснить духовным упадком населения, проживающего в Астане, главной движущей силой которого выступает растворение коренных жителей города приезжими, и особенно низким уровнем любознательности учащейся молодежи, поступившей на обучение с 2008 года, что довольно часто отмечают педагоги столичных вузов и других образовательных звеньев. Благодаря этому, имея благодатную почву, прежде всего, в самом городе и округе и среди главной социальной группы населения и поднимают голову те, кто имеет необъективные и бездоказательные точки зрения. Так автор только когда уже начал работать в архивах, будучи специалистом по Центральной Азии и имея интерес к написанию работ касательно своего любимого города, впервые столкнулся с существованием второго совершенно абсурдного, по нашему мнению, трактования корня «Акмол», которое опровергается во множестве исследований и фондах, что мы и приводим к сведению. Речь идет об интерпретации представленной грамматической основы, как «белое изобилие» вследствие того, что слово «мол» в казахском языке также имеет

значения в виде различных лексических единиц, несущих в себе смысловую нагрузку богатства, обилия и других сходных понятий.

В итоге в нашей статье, как и в принципе в научном сообществе встает дилемма между белой могилой и изобилием. Причем стоит отметить, что сторонники второй точки зрения приводят четкую и продуманную аргументацию своего взгляда. Но мы категорически выступаем против него и в данной работе со стопроцентной уверенностью выдвигаем тезис, что в случае с присвоением названия исследуемому населенному пункту составляющие его два казахских слова переводятся «Ак» — белый и «мол» — могила, и подробно доказываем его ниже.

Аргументацию нашего мнения необходимо базировать на тех источниках и историографии, которые говорят о переводе наименования «Акмол» как «белая могила» и возникновении такового на определенной основе, тем самым, отвергнув теорию о связи слова «мол» со значением богатства и изобилия в случае с присвоением названия будущему городу. Главными из них, конечно же, будут выступать архивные данные. На первое место следует выдвинуть дело с названием «Перевод и происхождение названий урочищ, при которых находятся окружные приказы киргизской степи», которое хранится в Государственном архиве города Астаны. В нем отмечается следующее: «Акмоллы или как киргизы произносят Акмуллы состоит также из двух слов Ак белый и молла или муллы могила, вблизи Амоллов находятся действительно древние могилы из белого камня» [7] (в нашей работе цитаты из старых архивных документов приводятся в соответствии с современными грамматическими правилами русского языка). Далее следует упомянуть перевод, который дается в «Кратком топонимическом словаре казахских географических названий и русских географических терминов», составленном в Северо-Казахстанском государственном университете имени М. Козыбаева. Там кратко и четко написано: «Акмола — белая могила. Старое название Астаны (столица Республики Казахстан)» [8]. Последним в этом списке стоит назвать знаменитую энциклопедию «Акмола», в подготовке которой участвовали около 100 именитых людей страны. В ней говорится: «Урочище Акмола называли по известковой сопке, сохранившей на своей вершине следы погребения (белый мазар). По утверждению византийского писателя Прокопия гунны называли «молой» высокий курган, крепость» [9; 38]. При этом мы хотим здесь отметить следующее в подтверждение слов о том, что как-то неудобно теперь приписывать предшественникам Астаны такой перевод. Если в указанной энциклопедии 1995 года представлена прекрасная информация по толкованию и происхождению наименования, то в энциклопедическом справочнике, изданном под грифом Министерство связи и информации Республики Казахстан, имеются отрывочные данные из истории населенного пункта (только относящиеся к Акмоллам и Акмолинску, а статей, несущих в своих названиях топонимы Целиноград и Астана, нет, хотя есть публикации по другим городам), и в принципе нет информации по переводу исследуемой грамматической основы [10; 30, 62, 602].

При этом стоит отметить, что словосочетание «белая могила» имеет не негативный смысл. У казахов издавна существует культ почитания предков и поклонения святым и их могилам. Даже сегодня, проезжая любое кладбище,

казахи умывають лице руками (читаючи про себе молитву или часто символічески особливо молодеж), а также навіщаючи могили родичів или місних святих произносять выдержки из Корана, чому был свидетелем сам автор при посещении мавзолеев и мазаров. Здесь стоит отметить прекрасную сторону духовного развития страны: помимо того, что заново отстраивают культовые сооружения, при таких святых местах даже в глубокой степи всегда находятся смотрители, которые не только следят за ними, но и читают священное писание мусульман. Поэтому понятие «белая могила» можно также понимать, как «белая святыня», притом сам цвет несет в себе смысловую нагрузку сакральности. Белый цвет у казахов — это цвет траура, как и у многих народов мира, но и окраска святости, которая сопровождала их на протяжении жизни. Избранного хана поднимали на белой кошке. По древнему казахскому обычаю очень знатных и уважаемых в народе людей хоронили, прежде обмыв молоком белой верблюдицы или кобылицы, завернув в белый саван, чтобы покойный предстал перед Всевышним очищенным от земных грехов. Если место, где хоронили таких лиц, имеет белую почву, то такое место особо почиталось, так как это придавало ритуалу еще большую святость. Описанный выше белый холм отвечал всем этим требованиям и был святым местом для массового захоронения [11]. Этой символикой цвета и объясняется наличие большого количества географических названий в Казахстане со словом «Ак» (белый). Например, то же словосочетание «белый холм» лежит в названии областного центра Актюбинской области Актобе («Ак» — белый, «төбе» — холм).

Далее следует сказать о том, что если кто-то знает окрестности города Астаны или слышал про основание крепости, то для него не будет открытием, что географический объект, который стоит на карте Евразии уже более 180 лет, был построен не в урочище Акмола, хотя планировалось сделать это именно там. Поселение было создано в урочище Карауткуль (в некоторых транскрипциях Кара-Уткуль; состоит из двух русифицированных слов казахского языка: «Қара» — черный и «өткел» — брод), что недалеко от запланированного места основания (в 20 верстах). Это объясняется следующим. Местность оказалась не только неудобной географически, так как чиновники из Сибири, давая поручение, не представляли всех особенностей данной территории (когда реки Нура и Ишим выходили из берегов они затопляли большой район), но и можно сказать, что основатели из Петропавловска уже по приезду вняли волеизъявлению местных жителей, попросивших сделать стоянку и начать строить поселение в другом урочище. Город был основан на Карауткуле, но название Акмоллы или Акмола по наименованию урочища, в котором планировалось создать поселение, перекочевало вместе с переносом стоянки и в документы, и в народ. Важно исследовать здесь этот аспект, так как сейчас ведется множество споров, на территории какого же из окрестных сел на самом деле должен был быть возведен город. В принципе эти споры беспочвенны, так как в них упоминаются даже районы к юго-востоку от Астаны, потому что там находятся могильники и имеется известняк. На самом же деле, если для кого-то является важным, где бы мог располагаться будущий узловой центр, то можно заключить, что прекрасно известно: это местность при сближении Нуры и Ишима на левом берегу последнего (к юго-западу от Астаны), и сейчас там нет населенных пунктов. По нашему мнению, этот ревизионизм абсолютно

не нужен, так как город уже имеет свою очень интересную судьбу, связанную с Карауткулем, и даже при переименовании столицы были варианты назвать его именно так.

Следует привести архивные данные в подтверждение выше указанных слов. В одном из источников мы встречаем: «Лишь в июне 1830 года на пустынном берегу Ишима у древнего караванного брода Кара-Уткуль появился казачий отряд, командированный генерал-губернатором Западной Сибири И.А. Вельяминовым.

Краеоведам долгое время не удавалось установить имя начальника отряда, основателя Акмолинска... Им был прогрессивно настроенный деятель своего времени, комендант Петропавловской крепости подполковник Федор Кузьмич Шубин-2-й» [12]. Также в другом деле мы находим про другой упомянутый нами аспект, учтенный при создании поселения: «...Шубин 28 мая 1830 выступил с отрядом из Петропавловской крепости, а 18 июня с одобрения приглашенных сюда представителей казахских аулов, окончательно выбрал место для стоянки сторожевого отряда на Ишиме у караванного брода Карауткуль» [13]. При этом также прекрасно известен факт неоднократного прошения жителей данной местности об учреждении здесь приказа с целью охраны караванного пути от разбойников и их самих от угона скота и набегов и грабежей недоброжелателей из других волостей [14].

Заканчивая описание данного аспекта нашей темы, мы встречаем следующую информацию о переносе места базирования из одного урочища в другое: «Вельяминов мыслил строить приказ в урочище Акмола на Нуре в двадцати примерно верстах от Кара-Уткуля, но место там оказалось неудачным. Стоянку Шубин перенес на другое место, о чем 7 сентября 1830 года Чириков (зауряд-сотник Ф.К. Шубина — курсив автора) уведомил канцелярию Сибирского казачьего войска:

«Постоянное пребывание отряда, состоящего под командою господина подполковника Шубина-2, приискано при урочище Кара-Уткуль, где и устраивается помещение людей и лошадей».

Первоначальное наименование стоянки, изжившиеся в бумагах, механически перекочевало на Кара-Уткуль» [15]. А что касается стратегического значения места, о потенциале которого догадывались ли его основатели мы и в принципе знать не можем, свидетельствуют следующие данные: «Карауткуль — Урочище, получившее свое название от расположенного на нем древнего караванного брода через Ишим (Дословно карауткуль — черный брод), являвшегося одним из важных пунктов на торговом пути из Петропавловска в Среднюю Азию. Караванщики недолюбливали этот брод, здесь на левом берегу Ишима в густых зарослях жимолости, крушины и тальника грабители иногда устраивали засады. Отсюда, надо полагать, название — Черный брод. Видимо, этим же в какой-то степени объясняется и то, что основатель Акмолинска Ф.К. Шубин именно здесь в июне 1830 выбрал стоянку для акмолинского сторожевого казачьего отряда и строительства Акмолинского окружного приказа» [16]. Как это ни странно, именно с той стороной развития поселения, которая рассматривает его как торговый узел, стоявший на караванном пути из Петропавловска в Ташкент и Коканд, и связана теория перевода и происхождения его названия, гласящая, что «русифицированное

«Акмол» переводится «белое изобилие». Но ее мы затронем немного ниже.

Сейчас же стоит сказать пару слов в поддержку трактовке, которой мы придерживаемся. Вокруг города и в меньшей степени на его кладбищах правда имеются могилы из белого известняка; если встречаются такие постройки, то в основном старые, так как сейчас люди заказывают памятники своим близким, а не используют для строительства подручный материал, как это было издавна. Известняка действительно очень много в окрестностях города, как и могильников различного рода, что говорит об обитаемости местности. Только андроновских стоянок было открыто около двадцати еще 1955-1957 годах. Также множество охраняемых на государственном уровне захоронений приведено в Постановлении акимата города Астаны от 3 июня 2010 года N 27-492п Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Астаны [17]. И во многих газетных статьях встречается информация о строительстве могил из известняка и воспоминаниях старожилов о снесенных могильниках, построенных из этого материала [18].

Сам автор же вспоминает, что в его детстве также старожилы города рассказывали ему о наличии вокруг города ряда памятников и мазаров из белого камня, главным образом к югу, западу и юго-западу от Астаны. Особое внимание старожилы обращали на белый мазар, который видно издали по дороге в Кургальджино, что на запад от города. И они рассказывали, что когда караваны проходили мимо места, где ныне стоит город, они ориентировались на него. По одной из точек зрения, которая главенствует в интернете, город получил свое название по белой могиле известного советника Абылай хана и местного почитаемого человека Нияза би. Но автор данного исследования был на кладбище, где он похоронен, как раз на съезде с Кургальджинского шоссе. И, по нашему мнению, довольно сложно предположить, что караваны ориентировались на мазар, так как он находится примерно в 20 км от тех двух мест, где Ишим переходили вброд. Кроме того, он не такой высокий, и хотя стоит на возвышении, его не видно издали, гораздо виднее окрестные курганы, которые срыли при строительстве города и немногочисленные сопки. Мы застали этот процесс, так как не только некоторые старожилы и уроженцы знали, где находятся в Астане могильники, которые не только вносят в списки для охраны, но и уничтожают. Так, например, сейчас идет строительство на месте одного из них в районе Дворца мира и согласия на юге города, и именно там наблюдается ужаснейший ветер. А несколько корпусов ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, что и вовсе не является секретом для множества его студентов, в числе которых был и автор, вообще построено на неизвестном могильнике. Так в советское время там был пустырь, обстроенный институтами и общежитиями и омываемый рекой Соленая балка, но нетронутый. А уже после развала Советского Союза на нем возле общежитий построили главный и учебно-лабораторный корпусы созданного на базе институтов университета, вследствие чего в первом в вечернее время проявлял себя полтергейст (очевидцы рассказывали, например, о перебоях в системе электроснабжения и слежения и о раздающихся криках и столах). И даже приглашали представителей различных конфессий для проведения определенных обрядов и служений. И хоть уже не было никаких

сверхъестественных проявлений, когда мы обучались в альма-матер, на начальных курсах педагоги старались отпустить наши группы раньше с вечерних пар, мотивируя свои действия этим на полном серьезе.

Такие знания автора о могильниках окрестности города неудивительны, потому что сразу стоит оговориться, что с такого аспекта рассмотрения это нежелательная тема в казахстанской историографии. Так как одно дело, когда археологи проводят раскопки в черте Астаны и находят какие-то артефакты, (а бывают и случайные открытия главным образом у строителей), а совсем другое дело, когда бизнесмены или жители выкупают участки, заведомо зная, что там были какие-то могильники, и начинают там строительство, а после там случаются неясные вещи, полтергейсты и самоубийства [19-20]. То же самое хотели и сделать меркантильные граждане нашей страны с кладбищем — «Караоткель» в микрорайоне Молодежном, которое берет свое начало в 1609 году, и на нем закончили хоронить в 1962 году, но благо исследователи отстояли его уникальность и историческое значение. Народ его называет мусульманским, но доказано, там есть и православные и еврейские могилы, и захоронения времен Гражданской и Великой Отечественной войны, что можно объяснить тем, что оно ныне не просто самое древнее гражданское место упокоения города, оно старше уже скрытых кладбищ [21].

Это очень болезненная тема для города Астаны, и хоть Акмола получила название от совершенно других захоронений, стоит сказать, что в населенном пункте с его основания скрыто уже два городских кладбища, на которых люди живут, работают, ездят и ходят каждый день. Да, такое происходило и происходит в каждом городе бывшего СССР, но только в городах стран с присутствием мусульманского населения вдобавок к закатанным и частью перенесенным могилам, есть скрытые и оставшиеся братские захоронения Гражданской и Великой Отечественной войны, могильники разных периодов. Но как бы то ни было, только у исследуемого города есть говорящее наименование, данное ему основателями. И как мы показали выше, может быть это и играет решающую роль в том, что в судьбу граждан города, о чем нам рассказывали и его уроженцы, вторгаются различные вещи из потустороннего мира. Но это поле для исследования другой области знания.

Что же касается второй теории перевода и происхождения названия Акмолы, то ей также необходимо посвятить немного места в нашей статье, так как она имеет право быть, хоть и у нее небольшая доказательная база. Аргументы касательно данного тезиса мы приведем ниже.

Бесспорно, что в городе было изобилие и богатство, иначе и не появилась бы эта версия, и не имелось бы множество данных об этом. Это связано с тем, что сюда переезжали жить купцы, проходили караваны, проводились ярмарки, откуда приезжали люди с различных районов Российской империи, государств нынешней Центральной Азии, и поселение, в свою очередь, обзаводилось всем необходимым для своего расширения. Жители населенного пункта и окрестностей ни в чем не нуждались и стягивались в город уже тогда, он разрастался. Именно благодаря этому государственным органам империи подавались на рассмотрение документы о значении Акмолинского селения, как важного торгового пути с целью возведения его на степень окружного города, что и было одобрено 12 сентября 1862 года, утверждено царем 26

сентября, а официальное провозглашение прошло 16 июля 1863 года [22-23]. Это является отдельной большой темой для исследований, поэтому мы не будем углубляться в нее. Данные по ней содержатся во многих работах А.Ф. Дубицкого, Ж.К. Касымбаева и Н.Ж. Агубаева, энциклопедии «Акмола», делах архивов различных стран. Мы приведем несколько ссылок на материалы об этом.

«С 1852 года в Акмолах учреждаются две постоянные ежегодные ярмарки: Константиновская (с 21 мая по 10 июля) и Дмитриевская (с 26 октября по 10 ноября). Регулярно устраиваются так же кратковременные (промежуточные ярмарки (саровки)). Вокруг крепости и станицы постепенно образуется город, годовой торговый оборот которого составлял сперва около 10 тыс. рублей, но потом быстро пошел в гору, к 1865 достиг полутора миллионов рублей» [24]. В архивных документах 1861 года говорится: «Стремление торговцев к водворению в Аколлах возрастает... Акмоллы расположены почти в средоточии Области Сибирских Киргизов, на караванном пути из Ташкента и Хоканда в Петропавловск и потому киргизы стекаются туда во множестве с сим приобретением необходимого по быту их потребностей; многие караваны оканчивают там распродажи своих товаров, а гостиный двор, устроенный нашими торговцами имеет в настоящее время до 70 лавок.

Можно с полною вероятностью заключить, что во весьма не продолжительном времени Акмолинское селение станет одним из значительнейших торговых пунктов Западной Сибири» [25]. Как видно из истории, чиновники не только не ошиблись, селение получило статус города, который стал центром Целинного края, а после и столицей республики.

Из этого малого объема данных видно, что изобилие и богатство было неотъемлемо связано с поселением. Но название города ни в коем случае не может трактоваться, как «белое изобилие». Во-первых, это значение появилось уже позже возникновения названия Акмола, которое трактовалось «белая могила», о чем говорит авторитетная энциклопедия о городе: «Впоследствии местность Акмола стала центром проведения торговых ярмарок... что придало дополнительное значение местности (в буквальном переводе ак мол — белое изобилие) [9; 38]». Во-вторых, изобилие просто не может быть белым. Это также подтверждает мнение известного казахстанского тюрколога, кандидата искусствоведения, профессора кафедры музыковедения КазНУИ С.А. Елемановой, которая заявляет, что у казахов не как у европейцев белый — это цвет траура, а значение «чистый, светлый» имеет черный, перевод которого на казахском содержится во многих названиях географических объектов Казахстана. Цветом же богатства и изобилия является желтый, что можно увидеть и в окрасе зданий города при строительстве новых сооружений¹.

Последний аспект, который мы хотим упомянуть в этой статье, касается следующего. Подтверждением перевода «белая могила» является следующий материал, который приводится в энциклопедическом справочнике. В Павлодарской области находится группа могильников эпохи бронзы (2-е тыс. до н.э.) с названием Акмола, расположенная в 7,5 км от города Аксу, раскопки которой велись еще в советское время [10; 29]. А уж группа захоронений никак не могла ассоциироваться с изобилием, что сходно и с историей города Астаны.

¹Материал взят из личной беседы с С.А. Елемановой 18 марта 2014 года

В Актюбинской области находится средневековое городище (12-15 веков) с названием Астана, а в юго-восточном Китае в 40 км от города Турфан имеется раннесредневековое захоронение с таким же наименованием [10; 62]. То есть, как бы то ни было, символически, что столица РК связана как названием Астана, так и своими бывшими топонимами с последними пристанищами людей.

В данной работе мы дали обоснование правдивости перевода топонима Акмола как «белая могила» и исследовали его происхождение. А также обратили внимание на недостаточную доказательную базу версии о возникновении топонима от событий, которые относятся к экономическому развитию поселения, и употреблении значения «белое изобилие» в отношении Акмолы. В конце концов, мы хотим сказать, что какие бы названия не носил населенный пункт, основанный когда-то в урочище Карауткуль, как бы их трактовками и происхождением не манипулировали государственные деятели и другие заинтересованные лица, он все равно будет стоять и развиваться под воздействием внутренних и внешних факторов. И даже если имеются прогнозы в отношении Казахстана, что в нем случится что-то негативное, а это вполне может быть в нашем мире, свидетельством чего выступают украинские события 2013-2014 годов, только народ и его отдельные представители в состоянии не допустить как начала, так и эскалации этого.

Литература:

- 1 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 13.
- 2 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 430. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
- 3 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 430. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
- 4 Извлечение из доклада Действующего члена Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества Г.Е. Катанаева «О поступательном движении киргизов средней орды к границам Западной Сибири» // Томские губернские ведомости. 1885. № 20. С. 29.
- 5 Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. — СПб: типография Министерства внутренних дел, 1883. — 50 с.
- 6 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 11.
- 7 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 430. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
- 8 Краткий топонимический словарь казахских географических названий и русских географических терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ilia-romantic.narod.ru/pages/dict_topo_kazakh.htm (дата обращения: 19.03.2014).
- 9 Акмола: Энциклопедия / Гл. ред. Р.Н. Нурғалиев. — Алматы: Атамұра, 1995. — 400 с.
- 10 История Казахстана. Энциклопедический справочник / Гл. ред. К. Байғабұлова. — Алматы: ТОО «Аруна Ltd.», 2010. — 632 с.
- 11 История Астаны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://astana2030.narod.ru/city-of-astana/history.htm> (дата обращения: 19.03.2014).
- 12 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 2.
- 13 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 3. Д. 14. Л. 21.
- 14 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 430. Оп. 2. Д. 4. Л. 4-5, 8.
- 15 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.
- 16 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 3. Д. 14. Л. 15.

17 Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Астаны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/V10A000633_ (дата обращения: 19.03.2014).

18 Близ Астаны уничтожают исторические памятники [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.nur.kz/156571.html> (дата обращения: 19.03.2014).

19 Пяртель К. Магическая дата: 1889 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.info-tses.kz/red/article.php?article=95441> (дата обращения: 19.03.2014).

20 В Астане жилые комплексы строят на кладбищах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.nur.kz/130525.html> (дата обращения: 19.03.2014).

21 Обзор казахской прессы. Жагьшарулы Ж. Егемен Казакстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newsite.kazpravda.kz/print/1212440883> (дата обращения: 19.03.2014).

22 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 15.

23 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 430. Оп. 1. Д. 9, 12.

24 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 3. Д. 14. Л. 4-5.

25 ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 430. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-2.

Секція «Філософія та релігієзнавство»
Секция «Философия и религиоведение»

Домнич С. П.

**К ВОПРОСУ О ДИСКУРСИВНОЙ ПРИРОДЕ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА)**

В современных исследованиях, проводимых различными отраслями научного знания, само понятие «речевые практики» стало использоваться только в конце XX века (90-е гг.). В наиболее общем виде «речевые практики» трактуются как «речевая коммуникация», «речевое общение», «речевая деятельность», «речевое взаимодействие», «речевое событие», «дискурс» и т.п.

На наш взгляд для того, чтобы дать определение понятию «речевые практики», сначала правомерно будет сказать о том, что обозначает слово «практика» с философской точки зрения: «практика» – от греч. деятельный, активный – многообразие способов реализации человеческого бытия в различных формах закрепления, воспроизводства и развития человеческого опыта, процесс перехода накапливаемого и накопленного опыта людей в условиях их жизни, в средства их деятельности, в схемы их самоутверждения. Согласно В.Е. Кемерову, «практика связывает потенциальный и актуальный аспекты совместной и индивидуальной жизни людей, она выявляет проблему социального бытия как многомерного движения и взаимодействия различных форм человеческого опыта» [9, с. 545]. Итак, представленная философская дефиниция к понятию практика предполагает вопрос о мерах (границах, барьерах) реализации бытия человека. С другой точки зрения понятие практика рассматривается как специфический «механизм» эволюции человека, который вырабатывает меняющиеся средства взаимодействия

людей с природой и друг с другом. С этой точки зрения практика представляет собой особого рода социальную связь, которая обеспечивает как накопление опыта, так и его трансляцию от поколения к поколению, от эпохи к эпохе.

Практика может рассматриваться как одна из важнейших форм бытия людей. «В обыденном сознании практика понимается как действующий опыт человека, как воспроизводство или закрепление навыков продуктивной работы, как приложение, воплощение или испытание человеческих умений и знаний (В. Даль)» [9, с. 545].

Таким образом, истолкование практики сводится к характеристике специфики социального процесса, который зафиксирован в своих вещественных проявлениях и эффектах.

Что же касается понятия «речевые практики», то мы исходим из того, что под ним понимается сложная система субъект-субъектного взаимодействия, направленного на установление определенных коммуникативных отношений и взаимоотношений, включая достижение духовной общности; которое «заключает всю сознаваемую глубину взаимной сопричастности людей, претворяемой через обогащение субъектом своей жизнью жизни всех других субъектов» [2, с. 9], что является актуальным, на наш взгляд, с точки зрения как межличностного, так и межкультурного взаимодействия представителей различных культур и этносов.

Согласно постулату Ричарда Рорти, «язык вербует мир», в связи с этим, необходимо сказать, что «самое надежное знание о мире зашифровано именно в языке. Изучение языка – ключ к изучению человека и мира», что, по мнению О.Ф. Русаковой, обозначило с конца 60-х годов XX века «лингвистический поворот» в различных общественных дисциплинах, в том числе и философии, который с помощью широкого распространения идей, а также терминологии постмодернизма и семиотики в интеллектуальных кругах, превратился в «дискурсивный поворот» [8], который и получил распространение в конце XX века.

Совокупность речевых практик (или совокупность высказываний), присущих определенным социальным группам и принадлежащих различным сферам жизнедеятельности человека и строящимся на базе определенной информации и жизненного опыта, образует дискурс («феминистический дискурс» (или «феминистский дискурс»), «дискурс власти», «дискурс насилия», «политический дискурс», «рыночный дискурс», «научный дискурс», «философский дискурс», «межличностный дискурс» и т.п.), «... которые определяют, что можно и должно быть сказано ... с определенной позиции в данной ситуации» [6, с. 107]. Это употребление термина дискурс связывают с работами французских структуралистов и постструктуралистов, таких как М. Фуко, А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева, позднее М. Пёше, основным свойством которого, - как утверждает Поль Рикер, - является «свойство текста как цепи фраз». С семантической же точки зрения, дискурс (фр. «discours», англ. «discourse» - «беседа, разговор»; от лат. «discursus» - «бегание взад-вперед; движение, круговорот») – это речь, процесс языковой деятельности; способ говорения.

Природа дискурса многомерна и неоднозначна.

Основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа

принято считать американского ученого З. Харриса, ибо именно он опубликовал статью «Discourse analysis» (1952) [11], в которой рассмотрел метод дистрибуции по отношению к сверхфразовым единствам.

Однако и в настоящее время понятие дискурс, принадлежащее к кругу так называемых человеческих дисциплин и целого комплекса наук, в том числе и философии, включает также широкий спектр дефиниций, вследствие чего и имеет множество научных интерпретаций, которые затрагивают такие смежные понятия как речь – речевая деятельность – диалог – текст, формируя в конкретный исторический момент основание научной картины мира.

В Новейшем философском словаре дана такая трактовка данного понятия: «дискурс – от франц. discours – речь: в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» (Усманова А.Р.) [4].

Поскольку человек воспринимает то или иное событие с позиции уже имеющихся в его сознании когнитивных структур, то он оперирует уже не фактами, а представлениями об окружающем мире. И именно эти ментальные процессы вместе с пересекающимися психологическими, социальными, культурными и другими аспектами жизни и создают тот чрезвычайно комплексный процесс, который состоит из многочисленных взаимозависящих компонентов, и представляет дискурс (Муара Чимомбо и Роберт Л. Розберри), который выражается именно в речевых практиках субъектов социокультурной коммуникации.

Философское понимание дискурса основывается на типе дискурсивной практики, поскольку «смысл и истина являются характеристиками утверждений, а не предложений и, таким образом, на смену синтаксическим и семантическим теориям языка приходит прагматика, основой которой могут считаться прагматизм Ч. Пирса и Ч. Морриса, теория речевых актов Дж. Серля и Дж. Остина, генеративная лингвистика Н. Хомского, универсальная прагматика Ю. Хабермаса» [5].

Итак, дискурс – это коммуникативно-прагматический образец речевого поведения, протекающего в определенной сфере: социальные нормы, отношения, роли, конвенции, показатели интерактивности и т.д. В таком понимании дискурса основным свойством выступает регулярность соприсутствия говорящего и слушающего (интеракции лицом к лицу), что находит свое отображение в диалоге: «В разговоре слушающий должен стать говорящим, а говорящий слушающим. Мы должны меняться ролями. Мы должны меняться своими ролями говорящего и слушающего до того, как мы станем говорить действительно и истинно» [7, с. 54-118].

Согласно Ю. Хабермасу, понятие дискурса связано с коммуникативным действием, которое ориентировано на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус, достижение которого возможно при координации действий коммуникантов. В речевой ситуации и в сфере коммуникативной

рациональности особое место у Ю. Хабермаса приобретает «сила лучшего аргумента», а не принуждения. Отсутствие принуждений не только внутренних (психологические и идеологические предрассудки), но и внешних (угрозы силы), и является смыслом прагматической структуры коммуникации, где достижение соглашения предполагает готовность участников диалога, учитывая их интересы, равномерное использование речевых актов, а также их «иммунитет» от внешних принуждений или санкций (этика дискурса: толерантность, консенсус, убеждения). В таком отношении прагматическая структура коммуникации преодолевает любые ограничения. По Ю. Хабермасу, условия, при которых возможно рациональное соглашение, и создают «идеальную речевую ситуацию» [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с помощью анализа дискурса, а значит, и его составляющих – речевых практик, как лингвистика, так и философия имеют своей целью изучение смыслов, которые существуют для человека в актах его взаимодействия с другими людьми. Подтверждением этому могут служить слова О.Л. Михалёвой: «Дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках» [3, с. 360-377], в том числе и речевых. Поэтому правомерно сказать о том, что, с одной стороны, дискурс может выступать в качестве совокупности речевых практик, а с другой стороны, дискурс – это сама речевая практика, выступающая в виде сегмента целого «дискурса» (слово, высказывание и т.д.), что несёт в себе содержание и действие, возникая из ментальных процессов, которые пересекаются с психологическими, социальными, культурными и другими аспектами жизни.

Рассматривая речевые практики через призму дискурса, можно заметить, что язык здесь выступает в качестве «изменчивого органа мысли» (А.А. Потебня), отражающего как реальность, характерную для данного пространства и времени, так и дискурсы, которые фиксируют общую систему значений, а также и то новое, находящее выражение в творческой функции языка, поскольку, - как справедливо утверждает М.М. Бахтин, - «речь – это язык *in actu*. Недопустимо противопоставление в какой бы то ни было форме языка и речи» [1, с. 212].

Литература:

1. Бахтин М.М. Собр.соч.: В 7 т. Т. 5. Работы 1940-1960 гг. / М.М. Бахтин. – М., 1997. – С. 212.
2. Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т.Е. Владимирова. – М.: КомКнига, 2007. – 304 с.
3. Михалёва О.Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки / О.Л. Михалёва // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 10-13 сентября 2007 г.) – Иркутск, 2007. – С. 360-377.
4. Новейший философский словарь / Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А. – 3-е изд. испр. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
5. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.
6. Пешё М. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса

/ М. Пешё, К. Фукс // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 107.

7. Розеншток-Хюсси О. Коперниковский переворот в грамматике / О. Розеншток-Хюсси. Бог заставляет нас говорить. – М.: Канон+, 1998. – С. 54-118.

8. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций / О.Ф. Русакова // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006. – 177 с.

9. Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н. профессора В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.

10. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2, Frankfurt a.M., 1981. – P. 21.

11. Harris Z. Discourse analysis // Language, 1952. – Vol. 28. – P. 1-30; 474-494.

Дубинина В.А.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Высшее образование — уровень образования, который получают в высшем учебном заведении в результате последовательного и целенаправленного процесса усвоения содержания обучения, оно не является всеобщим и завершается получением определённой квалификации по итогам государственной аттестации. Основным учреждением системы высшего образования считается университет.

Университет - высшее учебное и научное заведение, в котором ведется подготовка специалистов по фундаментальным и многим прикладным наукам, различным отраслям народного хозяйства и культуры.

Целью данной работы является рассмотрение социокультурных факторов и изменений в интеллектуальной жизни общества, определивших формы и содержание образования.

Образование, получаемое в университете, должно помочь человеку не только стать специалистом, готовым к профессиональной деятельности, но и помочь реализовать потенциальные возможности, оно выполняет социокультурные функции, поэтому образование становится необходимым и важным фактором развития как отдельных сфер, так и всего общества.

Наиболее приемлемым способом реформирования украинской высшей школы на сегодняшний день представляется модернизация его по европейскому образцу. Украина присоединилась к Болонской декларации о зоне европейского образования. Наверное каждому украинскому студенту хочется, чтобы полученный им диплом о высшем образовании признавался не только в нашей стране, но и в странах Европы. Международное признание дипломов и является одной из целей Болонского процесса.

Болонской декларацией определены шесть основных целей создания единого европейского пространства высшего образования:

- внедрение понятной и стандартизированной системы образовательных степеней.

- разделение высшего образования на два этапа - достепенного (undergraduate)

и постстепенного (graduate).

- введение единой системы учета трудоемкости учебных программ с использованием зачетных единиц - кредитов. За основу была принята Европейская система перевода и накопления кредитов (European Credit Transfer and Accumulation System, ECTS).

- обеспечение мобильности студентов и преподавателей, то есть создание для них возможностей без какого-либо ущерба продолжать образование (или работу) в другом европейском ВУЗе

- обеспечение высоких стандартов высшего образования в Европе, независимых от национальных правительств. Разработка сопоставимых критериев и методик оценки уровня образования.

- повышение привлекательности европейского высшего образования, в том числе за счет межвузовского сотрудничества, обеспечения мобильности студентов и совместимых программ обучения, проведения научных исследований и практической подготовки.

Таким образом, уже сейчас можно видеть сложности перехода Украины на европейские схемы и критерии.

Ортега и Гассет пишет: «Мысль о том, что где то лучше ошибочна: английская жизнь была когда-то и до сих пор остается прекрасной; следовательно, английские институты среднего образования должны быть образцом, потому что в них зародилась эта жизнь. Немецкая наука – чудо; следовательно, немецкий университет – это институциональная модель, поскольку он создал эту науку. Мы перенимаем английские средние учебные заведения и немецкое высшее образование [3; 26]. Однако невозможно перенести сюда ни английскую жизнь, ни немецкое мышление; самое большое – лишь отдельные педагогические институты, и именно потому очень важно, чтобы они рассматривались сами по себе, независимо от видимых и общих достоинств их стран [3; 27]. Ищите за границей сведения, а не образцы [3; 28]/

Жизнь студентов в западном вузе строится по совершенно противоположным принципам. Студент западного вуза видит в преподавателе партнера, обращается к нему на «ты», оценивает его занятия, общается с ним в неформальной обстановке. Отношения рассматриваются как корпорации преподавателей и студентов. Задача их в том, чтобы вместе достигать результатов.

Студенты наших вузов лишены элементарных либеральных прав, к ним относятся не как к полноправным гражданам, которые сами могут решать: как им организовать свое учебное время и учебный процесс, а как к детям, которые нуждаются в том, чтоб за них принимали решение преподаватели, администрация вуза, министерство, государство. В Украине сложилась ситуация, когда образовательная система оказалась на раздорожье. Основным критерием оценки высшего учебного заведения должны стать не показатели, которые в основном носят количественный и формальный характер (число студентов, количество преподавателей с научными степенями, количество специализированных ученых советов и т.д.), а качество подготовки выпускников того или другого университета, их конкурентоспособность на рынке труда.

Явно недостаточное внимание к прогностическим исследованиям в сфере

образования – одна из главных причин провала перманентно проводимых реформ в сфере образования, которые, как уже отмечалось, носили и поныне носят ситуативный характер без учета последствий принимаемых решений, необходимых условий и средств, способствующих достижению ожидаемых результатов введения тех или иных инноваций в сферу образования. [1; 218]. В то же время за рубежом прогностическими исследованиями в образовании занимается ряд крупных научно-исследовательских организаций и центров

Государственная мудрость должна уделять стратегическое внимание сфере образования, воспитанию нового Человека, способного, жить, трудиться и обучаться в новых условиях демократии и свободы. Без коренных сдвигов в сфере образования, без изменения отношения государства к этой сфере, решить данную задачу не получится.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия Университета/Х.Ортега-и-Гассет; пер.с исп.М.П.Полубевой; ред.перевода А.М.Корбут; под общ.ред. М.А.Гусаковского.- Мп.:БГУ,2005.-104с.

2. Гершунский Б.С. Философия образования для 21века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций)- М: Изд-во «Совершенство», 1998.-608 с.

Кириллова Д. С.

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ ФЕНОМЕНА ИГРЫ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Компьютерные игры - одно из наиболее быстроразвивающихся направлений экранной культуры, объединяющее в себе повествовательные черты литературы, театра и кинематографа с интерактивными возможностями виртуальной реальности. Появление компьютерных игр и обретение ими художественных качеств открыло многообразие новых форм и приемов в творческом процессе расширения границ художественной культуры, образовав новые формы в экранном повествовании – «интерактивное повествование» [1, с. 2]. На современном этапе в сфере компьютерных игр накоплен достаточно большой опыт, требующий осмысления.

Отметим, что компьютерная игра, как сфера виртуальной реальности, унаследовала возможность пользователя, благодаря аудиовизуальной иллюзии (создаваемой техническими средствами), изнутри исследовать художественное пространство виртуальных миров, а так же изменить его. В этом суть новизны средств выразительности компьютерных игр. Отметим так же, что эволюция искусства (если игра всё же искусство) подразумевает появление нового эстетического качества, которое становится сущностью феномена игры в виртуальной реальности.

В компьютерных играх базой для подобного эстетического качества является особым образом организованная интерактивная составляющая - игровая механика. Она включает в себя правила воздействия игрока с заданной средой, которые в свою очередь опираются на технологические особенности (клавиатуру, мышшь, джойстик и т.д.). Игровая механика представляет собой

всю совокупность спектра возможных сюжетных действий, позволяющих пользователю развиваться и продвигаться в последовательности событий. Игровая механика задаёт эстетическую установку восприятия, определяя игровой процесс, поскольку контролирует:

- способ взаимодействия с сюжетом игры,
- динамику интерактивного действия,
- вариативность взаимодействия.

Как отмечает Н.А. Машков в автореферате своей диссертации «Художественно-выразительные средства компьютерных игр: типология и эволюция», принципиально новыми художественно средствами выражения эстетического опыта «стала игровая механика и модель построения сюжетной структуры (узловая (линейная) или модульная (нелинейная))» (С.-Петербург. – 2011.) Как и литература, компьютерные игры имеют свои жанры. К примеру, приключенческий жанр (Приключения, авантюры (англ. Adventure) или квесты (англ. Quest)). Его главное отличие состоит в динамике процесса игры. Действия развиваются стремительно, персонажи резко делятся на героев и злодеев. Сюжет игры переменчив, остр. Однако явным отличием приключенческой игры от приключенческого романа всё же является непосредственная вовлеченность игрока в процесс. Сюжет книги читатель изменить не в состоянии, а вот завершиться игра проигрышем или выигрышем зависит от игрока.

Некоторые исследователи феномена игры в виртуальной реальности считают, что в скором времени игра совершит некий качественный рывок и превратиться в совершенно иную форму человеческой деятельности и творчества. Однако игра здесь уже не будет творчеством создателя, она станет произведением самого игрока. На путь такого становления недавно уже встал кинематограф.

Игра должна стать неким испытанием, пройдя которое человек станет уже другим. Такую игру можно назвать глубокой игрой [2]. Однако все её попытки стать реальностью обречены. Если игрок понимает, что именно он сидит за экраном компьютера и управляет с помощью мышки, клавиатуры, джойстика своим виртуальным двойником - случайность испаряется, очень сильно склоняясь к предсказуемости. Предсказуемый сюжет проще режиссировать. Гораздо сложнее дать возможность человеку раствориться в игре, пережить собственное перерождение, на подобие того, что переживали молодые люди перед тем, как стать полноценными войнами - обряд инициации.

Главное в глубокой игре – это конфликт противоборствующих сил, на основе которого завязывается сюжет игры. На одну из сторон должен встать игрок. Конфликт при этом должен быть жёстким, чтобы победа не осталась в игре, а была вовлечена в жизнь игрока, изменила её. Такая игра должна сконструировать мучительную дисгармонию того, что игрок видит пред собой и тем, чем может разрешиться конфликт. Он должен хотеть что-то изменить, а не просто разрушить. В конце игры её участник должен чувствовать себя создателем, чувствовать, что он восстановил нарушенную гармонию, прошёл обряд инициации – стал воином. Видя результат своих действий, и зная, что это действительно сделал он. И тогда игра станет искусством, а игрок соавтором.

Однако это довольно опасный путь. В глубокой игре изначально

предполагается, что до метаморфозы человек был хуже, чем после неё, но это не аксиома. Если в игре создан конструктивный конфликт – это, скорее всего, изменит человека в лучшую сторону, если же он деструктивный, то вряд ли. При этом практически невозможно создать такой конфликт, который будет конструктивен для всех игроков. Для разных людей, воспитанных в разных средах, имеющих разный жизненный опыт, социальный статус и прочее, конфликт будет видаться с разных, иногда даже с противоположных, ракурсов.

Таким образом, создание глубокой игры несёт за собой много ответственности, кладущейся на плечи разработчиков. Перед нами создается новый вид искусства. Неумолимо набирает обороты способ массового воздействия. И, возможно, в скором времени - новый вид спорта. Разработчикам будет необходимо позаботиться о том, чтобы их детище не переросло в монстра в руках игроков-соавторов. Последствия подобного изобретения столь же мало непредсказуемы, как и изобретение интернета или искусственного интеллекта.

Литература:

1. Машков Н.А. Художественно-выразительные средства компьютерных игр: типология и эволюция: автореф. дис. кандидата искусствоведения / Машков Н.А. – С.-Петербург, 2011. - 220 с.

2. См. об этом подробнее: Дыбовский Н. На пороге костяного дома [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://gamestudies.ru/blog/archives/228> (дата обращения: 12.12.2013).

3. Гутман И.Е. Компьютерные виртуальные игры: культурно-антропологические аспекты анализа: автореф. дис. кандидата филос. наук / Гутман И.Е. - С.-Петербург, 2009. – 193 с.

Ковалец М. С.

КОРРЕЛЯЦИЯ ОБЪЕКТОВ В НОВОЙ МЕТАФИЗИКЕ

Актуальность рассмотрения корреляции объектов в новой метафизике опосредована необходимостью выявления их истинных отношений исходя из отказа от догматической картины мира. Отказ от догматизма опосредован тем, что его механизмы не срабатывают в XXI веке. Новая метафизика всецело поглощена в корреляционное взаимоотношение идеальных (чувственных), реальных объектов и гипер-объектов. Предмет данного исследования: новая метафизика с ориентацией на объектные отношения. Объект: корреляция объектов внутри новой метафизики. Задача: раскрытие конститутивных аспектов новой метафизики как проекта освобождения от классического догматизма.

Еще Кант заложил основы противостояния догматизму. Это подтверждается в основном труде Канта: «... благодаря чему все вновь впадало в обветшалый, изъеденный червями догматизм, поэтому метафизика опять стала предметом презрения, от которого хотели избавить науку. [3, с.8]. В разделе «Философия природы», Гегель описывает метафизику как ту область знания, которая представляет собой весь спектр универсальных определений мысли, так сказать уподобляется чистому алмазу, которые

первоначально несет в себе истинный смысл. Метафизика утверждает то, что мы не можем знать объекты, так как они абсолютно закрыты для нас. Понимание знакомит нас с объектами, но не в их чувственном существовании, содержании, а так сказать, в их форме, практической универсальности. В какой-то мере, данную трансформацию метафизики можно уподобить принципу деструкции, предложенного Хайдеггером. Автор пишет: «Если для самого бытийного вопроса должна быть достигнута прозрачность своей ему истории, то требуется расшатывание оскотеневшей традиции и отслоение наращенных ею сокрытий. Эту задачу понимаем как проводимую по путеводной нити бытийного вопроса деструкцию наследованного состава античной онтологии до исходного опыта, в каком были добыты первые и с тех пор ведущие определения бытия». [4, с.19]. Таким образом, возрождение новой метафизики на почве классического догматизма не нивелирует правомерность последнего, но не является ни позитивным, ни негативным преобразованием.

Различие реальных и идеальных объектов, у Гуссерля, предполагает правильные понятия очевидности и истины. Автор пишет: «Истина переживается, конечно, только в том смысле, в каком вообще идеальное может быть (переживанием) в реальном акте. Другими словами, истина есть идея, единичный случай который есть актуальное переживание в очевидном суждении. Очевидное же суждение есть сознание первичной данности». [2, с.167]. Гуссерль вводит феноменологическое различие самостоятельных и несамостоятельных объектов. Следовательно, идеальные объекты Гуссерля — это конкретные самостоятельные объекты, которые субъект способен интенционально воспроизвести в своем сознании, и при этом выявить в них дополнительные несамостоятельные качества. Для Гуссерля не имеет смысла говорить о реальных объектах, лежащих за пределами феноменального поля, и его чувственные объекты никогда не связаны с качествами, через которые они представлены, так как дом или сообщение можно рассматривать с помощью бесчисленных профилей, при этом не теряя рассматриваемый объект из поля нашего зрения. Инструментальный анализ Хайдеггера утверждает то, что реальные объекты лежат далеко за рамками человеческого сознания. Ключ к достижению надлежащего отношения корреляции объектов лежит в дистанции, которая регулирует возможность сближения объектов. Другими словами, мир существует отдельно от человеческого доступа к нему. Термин «вещь» противопоставляется «объекту». В вещи заложено позитивное значение, в объекте же негативное. С помощью своего инструментального анализа, Хайдеггер и пытается преобразовать объекты в инструменты. В 2010 году Тимоти Мортон, участник движения объектно-ориентированной философии, ввел термин «гиперобъекты», для того, чтобы объяснить расположение объектов во времени и пространстве, которые превышают локальные пределы, к примеру, это климатические изменения или глобальное потепление. С его точки зрения: «Именно мы люди и производим эти гипер-объекты, то есть вещи которые не разрушаются и преодолевают наши личную смерть. К примеру, пенополистирол, плутоний... Так как жизнь и смерть сегодня требует новых форм коллективной и духовной близости. Чтобы жить и

противодействовать нашему медленому самоуничтожению мы должны заботиться о себе и о нашей планете... К сожалению, мы утратили мягкую, иррациональную, авторитарную природу. Мы действительно утратили ее, потому что она никогда не существовала. Мы потеряли даже представление о ней». [6, с. 133]. Разрушая мир и все больше вовлекаясь в этот процесс, Мортон табуирует гипер-объекты.

Таким образом, конститутивные аспекты новой метафизики как проекта освобождения от классического догматизма заключены в корреляционном взаимоотношении объектов, берущих свое начало в классической картине мира, и объектов, эволюционирующих в артефакты новой рациональности или же гипер-объектов. Это чувственные объекты, или же идеальные, классификация которых берет свое начало в интенциональной субъективности начала XX столетия, и исследуется в философии интерсубъективности Гуссерля, и более обширно развита в концепции чувственных объектов Хармана. В противовес данному направлению выстроено учение Хайдеггера о реальных объектах, а точнее, восстановление этих объектов в настоящей реальности присутствия. Реальные и идеальные (или же чувственные) объекты не противостоят друг другу, и ни сколько не принижают собственные достоинства, а наоборот дополняют друг друга, то есть находятся в определенном взаимодействии. Данное переплетение объектов приводит к новой парадигме отношений, которые представлены в объектно-ориентированной философии Хармана. Глобализация современной философии такова, что мы не можем вести опосредованное размышление об объектах, не обращая внимания на возникновение нового феномена на арене новой метафизики, а точнее, феномена гипер-объектов.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Философия природы // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.2. — М.: Мысль, 1975. — С. 695
2. Гуссерль Э. Исследования по феноменологии и теории познания // Э. Гуссерль Логические исследования Т. II. Ч.1. — М.: Академический Проект, 2011. — С. 565
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в шести томах. — М.: Мысль, 1994. — С. 591
4. Хайдеггер М. Бытие и время // М. Хайдеггер. — Х.: «Фолио», 2003. — С. 503
5. Harman Graham. Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects. — Chicago: Open Court, 2002 — 256 p.
6. Morton Timothy. The Ecological Thought. — Cambridge: Harvard University Press, 2010. — pp. 184 -186

Корупятник И. В.

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Не смотря на то, что проблема свободы является одной из традиционных для философии, начиная с эпохи Античности, в ряде исследований акцентируется внимание на сложности определения этой категории. Обращаясь к причинам заявленной проблематики, следует выделить (хотя

и достаточно условно) теоретический и практический аспекты. Первый связан с тем, что, на первый взгляд, понятие свободы является очень простым и достаточно очевидным; второй – с тем, что свобода, будучи тесно связанной с действием, на практике, как правило, превращается в свою противоположность – несвободу [1; 2].

Учитывая неоднозначность интерпретации свободы и наличие разных подходов в её определении с целью их систематизации в современной философской литературе предложены классификации видов и форм проявления этой категории. К примеру, Т. Грэй рассматривает семь основных концепций свободы (как отсутствие препятствий; как наличия выбора; как действующая сила; как состояние; как самоопределение; как возможность делать то, что хочешь; как самоконтроль). Отмечая недостатки каждой из предложенных концепций, философ отдает предпочтение определению свободы, лишённого оценочных суждений, выраженного в формуле МакКаллума: «Х свободен от У, чтобы сделать Z» [3]. Трактовка подобного рода также является дискуссионной. В этом плане обращают на себя внимание публикации Б. Грушина, Л. Коган, С. Тульчинского, в которых акцентировано на том, что свободу следует рассматривать с точки зрения человеческого бытия [4; 5; 6].

Обращаясь к работам, посвященным рассмотрению свободы через призму человеческого бытия, в качестве примеров, представляющих противоположные точки зрения, следует отметить З. Баумана и Х. Арндт.

В частности, З. Бауман рассматривает свободу как социальное отношение. Он настаивает на том, что индивидуальная свобода не раз и навсегда данное субъекту состояние, она произвольна от социальной свободы. Необходимым условием возникновения «свободного индивида» выступает выработанный в процессе развития и постоянно поддерживаемый обществом комплекс взаимодействующих между собой специфических условий. Поэтому, проявляясь в определенный момент в конкретном обществе, свободный индивид, по мнению З. Баумана, является продуктом истории [1]. Однако, с точки зрения К. Поппера, история не может выступать диктатором действий субъектов, именно люди привносят цель и смысл в историю, а не наоборот [7].

Противоположную З. Бауману точку зрения отстаивает Х. Арндт, которая высказывает мнение о том, что свобода – это, скорее, внутреннее состояние. Ни акт освобождения, ни политические и правовые нормы не определяют в действительности статус свободы до того как индивид не осознал себя сполна свободным [8].

Безусловно, оба подхода имеют право на существование, могут быть предметом дальнейших исследований. Более приемлемой в этом плане, на наш взгляд, является точка зрения, высказанная О. Андриенко, который отметит, что осознание индивидом своей свободы всегда соотносится с социумом и проявляется процессе коммуникации с другими субъектами. Сама коммуникация основана на взаимоуважении, которое достигается посредством действующих в обществе норм морали, религии, права. Изначально, последние являются внешними для индивида, но в процессе социализации становятся его внутренними убеждениями, способными

в дальнейшем формировать поведенческую мотивацию [9]. Как видим, указанные выше измерения свободы органически взаимно дополняют друг друга и в чистом виде фактически не существуют.

Обобщая, следует отметить, что проблема свободы является достаточно дискуссионной. В дальнейших исследованиях проблемы определения свободы, на наш взгляд, следует учитывать не только характерные для той или иной исторической эпохи отношение к этой проблеме, но и конкретизировать их с помощью нахождения коррелятов свободы с другими категориями общественного бытия.

Литература:

1. Бауман З. Свобода / Зигмунд Бауман / Пер. с англ. Г. М. Дамашевского. – М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
2. Рідель М. Свобода і відповідальність / М. Рідель // Ситниченко Л. Першоджерела комунікативної філософії. – К.: Либідь, 1996. – С. 68 – 83.
3. Gray T. Freedom. Issues in political theory / Gray, Tim. – 1991. – 192 p.
4. Грушин Б. А. Возможность и перспективы свободы / Б. А. Грушин // Вопросы философии. – 1988. – №5. – С. 3 – 18.
5. Коган Л. А. Триединство свободы / Л. А. Коган // Вопросы философии. – 1997. – №5. – С. 31 – 44.
6. Тульчинский Г. Л. О природе свободы / Г. Л. Тульчинский // Вопросы философии. – 2006. – №4. – С. 17 – 31.
7. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Карл Раймундт Поппер / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, 1992. – 528 с.
8. Arendt H. What is freedom? / H. Arendt // Arendt H. Between past freedom. Six exercises in political thought. – New York: The Viking press, 1961. – P. 143 – 173.
9. Андрієнко О. В. Соціальна свобода як характеристика демократичного суспільства / О. В. Андрієнко // Вісник Донецького національного університету. Серія Б: Гуманітарні науки. – 2009. – Випуск 1. – С. 185 – 188.

Левченкова О. Б.

П.Д. ЮРКЕВИЧ О ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМ ЗНАНИИ

В середине XIX в. философия в Украине находилась в весьма затруднительном положении. Оно было обусловлено конфликтом, возникшим между философией и специальным научным знанием. Г. Шпет называл это время «эпохой совершенно отрицательного отношения к философии» [1, с. 579]. П.Д. Юркевич был среди тех, кто защищал ценность философского знания, выступал против абсолютизации частных наук и считал совершенно необоснованными претензии естествознания на решение метафизических задач.

Защищая философию от нападок ее критиков, П.Д. Юркевич структурирует картину действительности и осуществляет анализ западноевропейского механистического рационализма, ответственного за бедственное положение философии, используя категории мировоззренческого характера, которые можно назвать категориями мироощущения. Эти категории

задають ценностные доминанты, предпочтения, придают дополнительную коннотативную окраску собственно философским категориям. [2, с. 137]. К категориям мироощущения следует отнести прежде всего бинарную оппозицию живого и мертвого, широко используемую при разграничении философского и частного научного знания..

Словосочетание «категории мироощущения» может показаться странным и непривычным, так как по верному замечанию М.Н. Эпштейна, мы привыкли отождествлять философию с мышлением. Однако «философскими могут быть не только мысли, но и чувства... которые обращены к миру в целом, к законам бытия, к природе человека, времени и пространству и благодаря своей универсальности поднимаются до ранга философских» [3].

Эмоциональную составляющую украинской и русской философии, отражаемую как в критике западноевропейского рационализма, так и в противопоставлении ей «философии сердца», различении механического рассудка и целостного человеческого духа, следует подчеркнуть особо. «Есть философии более тяготеющие к мысли или к чувству», — пишет М. Эпштейн. Например, гегелевская философия умозрительна, а экзистенциальная (в том числе русская, например, В.В. Розанов) — другой крайний предел. «Опыт чувствующей мысли и мыслящего чувства» [3] представлен некоторыми восточнославянскими религиозными философами, в частности П.Д. Юркевичем, что собственно и находит отражение в категориях мироощущения, дополняющих рациональную мысль эмоциональным отношением к нему. Сказанное может подтвердить высказывание самого Юркевича о том, что философское воззрение в отличие от научного чертежа «дает картину, в которой правильность чертежа оживляется колоритом чувствований и глубочайших душевных состояний» [1, 249]. При этом следует подчеркнуть, что эмоциональное отношение к миру неизбежно носит ценностный характер.

При определении философии П.Д. Юркевич подчеркивает ее мировоззренческий характер, указывает на связь решения метафизических проблем с жизненным миром человека, с религиозными, этическими и эстетическими проблемами. Для науки достаточно участия только мышления, которое П.Д. Юркевич сравнивает с логическим снарядом или законообразным механизмом, что позволяет относить научное мышление к семантическому полю мертвого. Данное значение помогают прочесть указанная оппозиция живого и мертвого: живой разум, живое чувство, живой дух, мертвый рассудок и т.д. Для занятия философией требуется участие всего человеческого духа. Именно в человеческом духе следует искать и критерий истинности. Однако, если Н.А. Бердяев, например, понимал философию как особую сферу духовной культуры, отличную от науки и религии, П.Д. Юркевич определяет философию как науку, хотя и с оговоркой «прежде всего». На философа оказала влияние присущая XIX веку ориентация на идеал научности, которому внутренне он сопротивлялся. Поэтому в определении Юркевича кроется противоречие, неосознанное им самим. Это, кстати, хорошо почувствовал и увидел Г.Г. Шпет, высоко оценивший понимание Юркевичем того, что предмет философии «не

есть только предмет познания, но и предмет жизни, который сам жив». «Философия, – пишет Г. Шпет, – обнаруживает такие черты, которые ставят ее в исключительное положение и придают ей исключительное значение в человеческой жизни, т. к. она не только род знания, но и род поведения. Специальное знание по отношению к ней – то же, что школьный учебник по отношению к жизни». [1, с. 620].

Исключительное положение и значение философии прочитывается у П. Юркевича, благодаря категориям мироощущения, которые акцентирует и Г.Ш пет.. Уместно на наш взгляд, в этой связи, вспомнить М.К. Мамардашвили, выделившего две разновидности философских текстов: аналитические и выразительные. Первые тексты он называл прямыми. Они требуют просто понимания. Вторые – косвенными или выразительными. Они требуют интерпретации. [4, с. 110]. Тексты Юркевича в значительной мере принадлежат ко второму типу текстов.

Абсолютизация научного знания имеет свои корни в западноевропейском типе мышления, который сформировался под влиянием философии и логики Аристотеля. Роль логической дефиниции упрочило христианство, так как вера нуждалась в логике и стала авторитарной в эпоху схоластики. С.С. Аверинцев существо феномена схоластики видит в «парадоксе рационализма как авторитаризма и авторитаризма как рационализма» [5, с. 240]. Интересно, что у П.Д. Юркевича деятельность инквизиции и онтологическое доказательство бытия Божия тоже стоят в одном ряду. Философ увидел в крайностях рационализма посягательство на свободу человека. Принудительность хороша только как характеристика научного знания. Философия же, не обладая достоверностью научного знания, имеет свои достоинства, которые связаны с тем, что она отвечает чаяниям человеческого духа.

Сущностную противоположность западноевропейского и восточнославянского типов миропонимания и мироощущения подчеркивает В. Шубарт. Рациональный характер мышления европейца, диктат рассудка над чувствами, он определяет как целевое, методичное мышление, склонное к механизации духа. В славянской душе В. Шубарт подчеркивает иррациональное начало, «жизнеощущение», сердечность, [6, с.102] которые присущи и философии П.Д. Юркевича. Такое мышление Шубарт, как и Мамардашвили, называет выразительным. При этом нельзя сказать, что П.Д. Юркевич был чужд рациональности. Но рациональность и разум в украинской философии, как верно замечает Н.С. Кораблева, «в отличие от западного гносеологизма, представлены как онтологическая традиция» [7, с. 8], характерной чертой которой является целостность мировосприятия. О целостном человеческом духе, которому открывается целостное философское знание, говорит и П.Д. Юркевич. «Мертвый рассудок» (логическое мышление, которое по сути есть механизм) не может судить «живой дух». Поэтому деятельность разума дополняется у философа деятельностью сердца, которому «откровения истины» даются непосредственно.

Литература:

1. Юркевич П.Д. Философские произведения / Юркевич П.Д. — М.: Правда,

1990.

2. Борухов Б.М. Мышление живое и мертвое: «рассудок» и «разум» в философии П. Флоренского // Логический анализ языка. Ментальные действия. — М.: Наука, 1993.

3. Эпштейн М. Философские чувства / Эпштейн М. [Электронный ресурс]. / ПостНаука — режим доступа: <http://postnauka.ru/longreads/8547>

4. Мамардашвили М.К. Современная европейская философия (XX в.) // ЛОГОС. Философско-литературный журнал. — М., 1991. — № 2.

5. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / Аверинцев С.С. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

6. Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. / Шубарт Вальтер. — М.: Альманах «Русская идея» (вып. 3), 1997.

7. Корабльова Н.С. «Рациональність»: інтерпретація і розуміння у вітчизняній і західній традиціях // Гуманітарний часопис. - 2011, №4.

Мальшев В. С., Геращенко Л. Л.

К ВОПРОСУ О БУДУЩЕМ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА. ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Современное исследование проблем прогнозирования социального и культурного пространства связано с появлением таких футурологических теорий, в которых значительное место уделяется именно изменениям, происходящим в культуре. Последний факт способствует появлению многочисленных теоретических обобщений, которые по характеру аналитических разработок непосредственно проникают в проблемную область культурологии и вносят несомненный вклад в теорию культуры.

Однако последнее утверждение не исключает активное исследование футурологами других областей знаний, что в конечном итоге все равно заставляет исследователей обращать свое внимание именно на процессы, которые происходят в современной культуре. Проанализировав многочисленные новейшие западные футурологические концепции, мы пришли к выводу, что их можно разделить на четыре основные группы:

- либеральный научный мейнстрим, авторы данного направления пропагандируют либерально-прогрессистский взгляд, к их числу можно отнести З. Баумана, З. Бжезинского, Э. Гидденса, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, их мнения различны между собой: концептуальный подход Э. Гидденса, при всей его приверженности идеям либерализма, радикально отличается от прочих: он полагает что «постмодернити» – это некий фантом, очередной симулякр самих постмодернистов, а С. Хантингтон иначе, чем остальные, оценивает гегемонию США, уделяя вопросу ее рассмотрения особое внимание;

- контркультурная футурология, которая является порождением протестного потенциала массовой культуры 1960-х годов, вненаучная по происхождению, но активно присутствующая в научном дискурсе; это течение в футурологии считается довольно молодым, оно представлено авторами модной в настоящее время науки – молодежной психоделики 1960–1970-

х годов, как Т. Лири, К. Беккер, Д. Рашкофф;

- конструктивная критика капитализма, экономического либерализма и консьюмеризма как явлений, уже проживших свою историю с позиций так называемого холистического, то есть планетарного миропонимания и представлений о другом масштабе будущего развития; это направление развивают основатель школы миросистемного анализа И. Валлерстайн и видный футуролог-синергетик Э. Ласло. Несколько особняком от них стоит критик капитализма П. Дракер;

- консервативная позиция, для представителей которой характерны, с одной стороны, охранительные и мемориальные культурные ориентации применительно к западной цивилизации, а с другой – откровенный скепсис касательно ее дальнейших изменений; последним по времени представителем консервативной позиции в футурологии, несомненно, является ультраконсервативный американский политик П. Бьюкенен [1].

Безусловно, что в каждой из вышеперечисленных групп можно выделить как оптимистические, так и «катастрофистские» (реалистические, а попросту говоря, пессимистические) концепции. При этом все авторы новейших западных футурологических концепций (представители так называемого футурологического мейнстрима) исповедуют либерально-прогрессистские ценности. Однако, экстраполируя тенденции социокультурного и технологического развития человечества, они делают разные прогнозы – прежде всего на глобальном геополитическом уровне.

На достаточно поверхностном уровне данные прогнозы можно условно разделить на две концептуальные группы: оптимистические и катастрофистские, первые в значительной степени являются порождением победы либеральной идеологии в холодной войне и наступившего (в терминологии Ф. Фукуямы) «конца истории» как конца противостояния идеологий и поиска человечеством оптимального социального устройства. Все эти прогнозы основываются на концепции постиндустриального общества, введенной в научную практику Д. Беллом, который обосновал существование «доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества»), С. Крук и С. Лэш – «премодернистского, модернистского и постмодернистского состояния», Э. Тоффлер – «первую», «вторую» и «третью» волны цивилизации [1].

Необходимо также отметить, что особую позицию в рядах либералов занимает Энтони Гидденс, который постулирует идею о том, что модернити (под которой он понимает социальную систему, возникшую вместе с национальным государством и промышленным капиталистическим производством, то есть фактически индустриальное общество) не сменяется сегодня какой-то новой стадией, которую многие исследователи определяют как «постмодернити». По мнению Гидденса, так называемое постиндустриальное общество не более чем фикция, ученый полагает, что на самом деле классическая модернити переживает бурное развитие, резко радикализуется. Гидденс видит два источника этой радикализации:

Во-первых, это растущая социологизация жизни, повышение значения рефлексии и саморефлексии, изменение системы ценностей человека, их переориентация с внешних на внутренние, с материальных на нематериальные,

что подрывает устои традиционного капиталистического хозяйства.

Во-вторых, это глобализация, устранение прежних границ национальных государств и становление мировой сети производственных и информационных структур.

Интересно, что оба эти источника не рассматриваются им как чуждые идеям индустриального общества, полагая, что западная цивилизация модернизируется сама по себе глубоко социологична и что в ней заложено противопоставление традиции, стремление к безграничной экспансии, он утверждает, что сегодня правильнее вести речь не о новом обществе, сменяющем модернизи, а о периоде нового, радикализованного индустриального общества. По мнению Гидденса, постмодернити ассоциируется не только с концом фундаментализма, но и с концом истории. История не имеет ни исконной формы, ни общей телеологии; она не должна отождествляться с «историчностью», поскольку последняя четко связана с институтами модернизи [2].

Однако другие представители данного направления, Ф. Фукуяма и Э. Тоффлер, напротив, полагают, что мы уже живем в мире, где борьба вокруг всех крупных вопросов в основном закончена [2]. В частности, по мнению Фукуямы, постисторический мир – это мир, в котором стремление к комфортному самосохранению победило желание рисковать жизнью в битве за престиж и в котором борьбу за господство сменило всеобщее и рациональное признание. Фукуяма подчеркивает, что «число приемлемых форм экономической и политической организации последние сто лет постоянно уменьшается», однако «возможные интерпретации оставшихся форм – капитализма и либеральной демократии – продолжают разнообразиться. Все это наводит на мысль, что даже пусть идеологические различия между государствами уходят на задний план, остаются другие существенные различия, уходящие в культурную и экономическую плоскость» [4, с. 371]. Таким образом получается, что при абсолютной победе мирного сосуществования человечеству не грозит единое государство («мировое правительство») как логический результат глобализации.

Для «оптимистов» от футурологического мейнстрима до самого последнего времени наиболее значимыми технологиями являлись информационные (собственно, и приведшие к «концу истории»). Как отмечает Фукуяма, «многие аспекты технологии конца двадцатого столетия, в том числе так называемая информационная революция, весьма способствовали распространению либеральной демократии» [4].

Большинство этих исследователей солидарны в том, что сегодняшнее постиндустриальное общество уже является информационным обществом: владение информацией стало одним из важнейших рычагов властного могущества, наряду с капиталом и принуждением, а сама информация стала основным товаром и основой современной экономики.

По мнению ученого, в ближайшем будущем эти функции информации будут только усиливаться, а «экономика знания» – развиваться: «Переход к экономике, основанной на знании, резко усиливает потребность в коммуникации и способствует гибели старой системы доставки символов» (4, с. 402). От развития информационных (коммуникационных) технологий в существенной степени зависит как военная мощь правящего режима, так и

его оснащенность современными средствами информационного контроля, то есть уровень эффективности управления обществом [4, с. 11–12].

Интересно, что такую же точку зрения на роль информационных технологий разделяют и контркультурные футурологи: «Власть, которой сегодня обладает тот или иной человек, определяется уже не количеством собственности, находящейся в его распоряжении, а скорее тем, сколько минут «прайм-тайма» на телевидении или страниц новостной печати он может заполучить» [5, с. 8].

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что контркультурные футурологические концепции основываются на критике консьюмеризма и на идеях «новых левых»; можно сказать, что все они произросли из знаменитых работ Г. Маркузе и М. Маклюэна. Существенное влияние на формирование контркультурных футурологических концепций оказали также психоделическое движение 1960-х и массовая культура: широко экранизированная литература киберпанка, родоначальником которого вполне обоснованно считается американский фантаст У. Гибсон.

Понятно, что массовая культура способна генерировать дополнительные потоки информации, транслирующие систему определенных ценностей, в том числе индивидуальных. «Антиидеология» контркультурных футурологов в этом смысле является либерализмом, доведенным до предела, – индивидуальные права и индивидуальное целеполагание ставятся над правами и целеполаганием общества, но свобода личности не кончается «там, где начинается свобода другого человека». При этом инструменты создания новой постиндустриальной и постиерархической – «сетевой» – культуры провозглашаются следующие:

- психоделики (ЛСД, псилоцибин, МДМА);
- Интернет;
- виртуальная реальность;
- медиавирусы.

Подчеркнем, что основное отличие в футурологических концепциях либерально-прогрессистского мейнстрима и контркультурных футурологов проявляется в их отношении к другой наиболее инновационной сфере человеческой деятельности – биотехнологиям (генной инженерии, психофармакологии, биологическим нанотехнологиям). Интересно, если представители контркультуры их приветствуют как инструмент самодификации человека, то у «классических» либералов биотехнологии по той же самой причине вызывают настороженность. Так, отец-основатель контркультурного психоделического движения 1960-х, человек, которого киберпанки считают своим предшественником, Тимоти Лири утверждал, что «нервная система может быть изменена, интегрирована, перепрограммирована, расширена в своих функциях. Эти возможности, естественно, пугают любую ветвь истеблишмента» [2, р. 131].

По мнению Лири пугать истеблишмент, должно было то, что расширение сознания – путь к свободе от иерархического общества, от старых социокультурных мифов, символов и поведенческих паттернов. Однако данная позиция по мнению исследователей других направлений является небезопасной, так, представитель футурологического истеблишмента Фукуяма в наши дни как раз и опасается, что биотехнологии (в том числе

психофармакология), равно как и более глубокое понимание наукой принципов функционирования человеческого мозга, «будут иметь существенные политические последствия – они заново открывают возможности социальной инженерии, от которой отказались общества, обладавшие технологиями двадцатого века» [4, с. 30].

Фукуяма называет информационные технологии «технологиями свободы» [4, с. 29], а австрийский культуролог К. Беккер, председатель института новых культурных технологий, полагает что «рост средств коммуникации, драматически нарастающий поток манипулятивных коммуникаций, оперирующий символами и спекулирующий на базисных человеческих эмоциях, – это система, предназначенная отнюдь не только развлекать и информировать, но заражать индивидуумов ценностями, верованиями и поведенческими кодами...» [4, с. 28].

Необходимо подчеркнуть, что в контркультурном стане нет единства в отношении к коммуникативным технологиям. Беккер предостерегает от опасности информационного тоталитаризма (за счет использования этих технологий государственным аппаратом), а Д. Рашкофф оптимистически полагает, что коммуникативные технологии (прежде всего так называемые «мемы», или медиавирусы) – это технологии, позволяющие индивиду изменять массовое сознание, а соответственно – влиять на «систему» [5, с. 302].

Интересным с научной точки зрения представляется и факт различия между отношением внутри собственно либерального футурологического мейнстрима, развитием информационных технологий и развитием технологий биологических. Прогресс в области биологии порождает в сознании представителей Римского клуба больше этических дилемм, нежели прогресс в области передачи информации и манипулирования ею и сознанием потребителя. Последнее противоречивое отношение к современным технологиям означает прежде всего, что каждая технология имеет две стороны: можно использовать ее как во благо, так и во вред, однако в этом противоречии скрыта, на наш взгляд, и основная проблема всех актуальных футурологических концепций – проблема постиндустриального этоса.

Безусловно, любая технология (как система производства материальных благ) всегда в той или иной степени коррелирует с общественным устройством, а соответственно – с общественной моралью и этикой об этом, в частности, пишет Элвин Тоффлер [5, с. 291]. По мнению Фукуямы, «одной из основных движущих сил исторического процесса было и остается развитие науки и технологии, и оно определяет горизонты производительных возможностей экономики, а потому и весьма во многом – структурные характеристики общества» (4, с. 109). Согласно его мнению, любая футурологическая концепция предполагает прогнозирование в следующих сферах:

- геополитической (политической),
- технологической,
- экономической,
- социальной (в том числе коммуникативной, этнологической и демографической),
- экологической,
- аксиологической (ценностно-нормативной).

Література:

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
2. Коллин М., Годфри Дж. Измененное состояние: история экстази и рейв-культуры. М., 2004.
3. Рашкофф Д. Медиавирус: Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.
4. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.
5. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 2001.

Николаева-Чинарова А.П., Геращенко Л.Л.

ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАК КУЛЬТУРА

Управление как явление объективного мира очень многообразно и может быть исследовано в контексте самых различных областей знаний. Характеризуя окружающий мир, исследователи выделяют три основные его компонента: неживую природу, живую природу и человеческое общество, что позволяет дать классификацию процессов управления по его основным классам:

Процессы управления в неживой природе (в технических системах): управление производственно-техническими процессами и физическими телами, системами машин, т.е. техническими системами, называют управлением вещами. Данная область исследования управления изучается преимущественно техническими науками.

Процессы управления в живых организмах (в биологических системах): управление процессами, протекающими в живой природе, и процессами, связанными с жизнедеятельностью организмов, относится к управлению биологическими системами. Данная область управления является предметом изучения естественных наук, биологии, медицины, психологии.

Процессы управления в обществе и культуре (в социальных и культурных системах): управление как воздействие на социальную или культурную деятельность людей, объединенных в социальные группы с их различными интересами, т.е. управление социальными системами, называют управлением людьми или социальным управлением.

Подоытоживая огромный, имеющийся по данному вопросу исследовательский объем материала, подчеркнем, что классификация видов управления соответствует классификации основных сфер организации того или иного общества:

Экономическая – область материального производства, распределения и потребления материальных благ.

Политическая – область классовых, национальных и межгосударственных отношений, отношений власти и господства.

Культурная – область духовного производства, распределения и потребления духовных благ.

Одним из первых авторов социокультурной теории управления можно считать Конфуция (551-478 гг. до н. э.), который разработал концепцию

благородного человека, не по происхождению, а по воспитанию. Закон идеальных отношений выражался принципом «чего не пожелаешь себе, того не делай другим», а гуманное управление социумом и культурой подразумевало правление без компромиссов, заботу о людях и их благе, защиту идей строгой социальной дифференциации иерархического разделения обязанностей между членами общества. Причем государство, по мнению ученого, должно было непременно опираться на мудрость и добродетель правителя и его помощников.

Позднее древнегреческий философ Платон (427-343 гг. до н. э.) трактовал государство как максимально возможное воплощение идей мира в социальном обществе, по его мнению, в государстве каждый должен заниматься своим делом, не вмешиваясь в дела других, что соответствовало иерархической подчиненности во имя целого. В идеальном государстве Платона не было места частной собственности, женщины были уравнены в правах с мужчинами, детей должно было воспитывать государство, справедливо управляли лучшие и благородные. Платон видел близкую гибель того государства, в котором закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью.

Знаменитая «Политика» Аристотеля (384-322 гг. до н. э.) начинается со слов о том, что всякое государство представляет собой некую форму общежития. Полная власть закона была превыше всего: закону страсть не присуща. Именно Аристотель ввел классификацию форм власти, в числе которых им были отмечены три правильные (монархия, аристократия, полития) и три неправильные (тирания, олигархия, демократия):

Монархия — власть, данная Богом, допустима для человека, превосходящего всех других. Аристократия — власть находится в руках немногих, но благородных и обладающих высокими личными достоинствами. Управление возможно там, где личные достоинства ценятся народом.

Полития (республика) — власть большинства, хотя каждый член большинства хуже отдельного члена меньшинства, но, в общем, большинство лучше меньшинства.

Тирания — власть, которая «не согласна с природой человека».

Олигархия — власть отдельных членов, основанная на богатстве.

Демократия — власть большинства, основанная на «желании толпы».

В эпоху возрождения наиболее известны работы итальянца Николло Макиавелли. Его суждения опирались на принципы теории управления Аристотеля, но основной мотив управления государством – отказ от всего во имя страны, по его мнению, людей нужно всегда брать лаской или вовсе от них избавиться.

Все указанные выше ученые, так или иначе, касались в своих исследованиях социального управления — категории чрезвычайно сложной и емкой, привлекающей к себе лучшие умы человечества на протяжении всей его истории. Проблемам социального управления, оптимального общественного устройства посвящены труды выдающихся мыслителей Востока и Запада, значение и выводы которых не устарели до настоящего времени, некоторые из них будут рассмотрены подробнее в следующем параграфе главы.

Рассматривая историю науки в ракурсе культуры как управления социальными потребностями, выделим имеющие самое непосредственное

отношение к рассматриваемому нами вопросу системы Платона и Аристотеля. Рассмотрим их подробнее. Выдающийся мыслитель античности древнегреческий философ Платон (427-347 гг. до н.э.), различал четыре основные добродетели, выступающие в качестве главных ценностей: мудрость (Истина, Вера), мужество (Красота, Сила), благоразумие (Добро, Разум), справедливость.

Согласно Платону, государство – это человек, только в гораздо более крупном масштабе, высшая задача которого – самосохранение посредством формирования граждан в духе добродетели, а определенная этикой главная политическая цель – совершенный человек совершенного государства. В предлагаемом ученым идеальном государстве вследствие естественного неравенства людей имеет место ряд сословий, соответствующих иерархии ценностей, которые вполне могут быть переведены на язык потребностей, поскольку каждое целеполагание основано на той или иной потребности:

в сословие низшей добродетели – которой соответствует благоразумие – входят крестьяне и ремесленники, которые своим трудом обеспечивают материальную основу общества,

добродетель мужества соответствует сословию воинов и чиновников, которые должны беспрекословно выполнять свой долг, охраняя устои государства, извне отражая нападения врагов, а внутри охранять законы,

сословие правителей-философов, добродетелью которых является мудрость, определяет законодательство, управляет государством, организует духовное развитие общества.

Как известно, именно Аристотель (384/383 — 322/321 гг. до н.э.), величайший философ Древней Греции, в своих политических взглядах исходил из понимания человека как некоего общественного животного, в сферу жизни которого входят семья, общество, государство. Государство Аристотель рассматривал, в отличие от Платона, реалистически: государственный деятель не может ждать, пока наступят идеальные политические условия, он должен, исходя из возможностей, наилучшим образом управлять людьми, такими, каковы они есть, заботиться о физическом, моральном и культурном воспитании молодежи. Интересно, что наилучшие государственные формы, согласно Аристотелю, следующие: монархия, аристократия, умеренная демократия.

К числу наихудших им были отнесены: тирания, олигархия, охлократия (господство черни). Современная теория управления не может быть рассмотрена без теории круговорота государственных форм Полибия (ок.201 — ок.120 гг. до н.э.), древнегреческого историка и государственного деятеля, который написал «Историю» в 40 томах, охватывающую исторические события в Греции, Македонии, Малой Азии, Риме и в других странах с 220 по 146 гг. до н.э., впервые выразив в ней идею всемирной истории.

В своем исследовании всеобщей истории Полибий проанализировал смену трех основных форм государственной власти, названных им царством, аристократией и демократией. Различает их ученый, прежде всего, по количественному признаку:

Если власть находится в руках одного – это царство. Однако, по мнению Полибия, не всякое единовластие может быть без оговорок названо царством,

но только такое, в котором управляемые уступают власть по доброй воле.

Если власть находится в руках у нескольких – аристократия (власть немногих). Не каждое правление меньшинства также называется аристократией, но только такое, при котором управляющими становятся наиболее мудрые и справедливые по выбору.

Если у многих, принципиально у всех – демократия (народовластие). Подобно этому, нельзя назвать демократией государство, в котором вся народная масса имеет власть делать все по собственному произволу. Демократия представляет собой власть народа как организованного целого, жизни и интересам которого подчинены жизнь и интересы каждого члена этого целого.

Иными словами, характеристику трех форм государственной власти Полибий строит как на количественном, так и на качественном признаке. Царство, аристократию и демократию он считает категориями безусловно положительными в области социального и культурного устройства. Однако у Полибия существуют и другие определения власти с позиций негативного их воздействия на социум и культуру: монархия, олигархия и охлократия: монархия — власть, осуществляемая одним, но действующим не по доброй воле народа, а по собственному произволу, т.е. власть узурпатора; олигархия — власть немногих, но не лучших, избранных народом, а кучки захватчиков, преследующих корыстные цели; охлократия — власть народа, но не как организованного целого, а как стихийно действующей массы, толпы.

Размышляя о культуре как управлении, необходимо коснуться еще одной теории, с позиций которой может быть пролит свет на современные процессы, которые происходят в обществе и культуре. Учение М.Вебера о типах легитимного господства, то есть власти, которая признана управляющими индивидами, сводится к следующему: любое господство означает шанс встретить повиновение определенному приказу и предполагает взаимное ожидание: того, кто приказывает, что его приказу будут повиноваться; тех, кто повинется, что приказ будет иметь тот характер, какой ими признается законным и справедливым.

В своих работах М.Вебер анализирует легитимные типы господства, исходя из типичных мотивов повиновения. Таких мотивов Вебер находит три и в соответствии с ними различает три чистых типа господства, которые могут быть положены в основу классификации культуры как управления.

Первый тип господства — легальный — в качестве мотива уступчивости имеет соображения интереса, в его основе лежит целенаправленное действие индивидов. К такому типу принадлежат современные европейские государства, в которых подчиняются не личности, а законам. Данный аппарат управления состоит из специально обученных чиновников, к которым предъявляется требование действовать по строго формальным и рациональным правилам. Именно этот принцип оказался, согласно Веберу, необходимой предпосылкой развития современного капитализма как системы формальной рациональности. По мнению Вебера, бюрократия технически является самым чистым типом легального господства, но при этом замечает, что господство не может быть только бюрократическим, поскольку на вершине лестницы стоят либо наследственные монархи, либо избранные народом президенты,

либо либералы, однако повседневная работа ведется силами специалистов-чиновников, то есть машиной управления.

Другой тип легитимного господства, обусловленный нравами, привычкой к определенному поведению, Вебер называет традиционным. Традиционное господство основано на вере не только в законность, но даже в священность издревле существующих порядков и властей. Чистейшим типом такого господства является, по Веберу, патриархальное господство. Союз господствующих представляет собой общность: начальник-господин, штаб управления – слуги, подчиненные – подданные, которые послушны господину. Патриархальный тип господства по структуре сходен со структурой семьи, что делает особенного прочным и устойчивым. Не служебная дисциплина или деловая компетентность, а личная преданность служит основанием для назначения на должность и для продвижения по иерархической лестнице, при этом следует отметить, что ничто не ограничивает произвол господина, поэтому иерархическое членение часто нарушается теми или иными привилегиями.

Третьим чистым типом является так называемое харизматическое господство (от греч. – «божественный дар»). Харизмас – есть некая экстраординарная способность, выделяющая индивида среди остальных, но не столько приобретенная им, сколько дарованная ему природой. Богом, судьбой. К харизматическим качествам Вебер относит определенные магические способности, пророческий дар, выдающуюся силу духа и слова. Харизмой, по Веберу, обладают великие полководцы, маги, пророки, гениальные художники и писатели, выдающиеся политики, основатели государств и мировых религий: Будда, Христос, Магомет, Александр Македонский, Цезарь, Наполеон и др.. Харизматический тип противоположен традиционному: последний держится привычкой, а харизматический опирается на нечто необычайное, ранее не признававшееся. Если перенести это на область культуры, необходимо отметить, что аффективный тип социального управления является основной базой харизматического господства.

Интересно, что при всем различии и противоположности традиционного и харизматического типов господства между ними есть общее: и тот, и другой опираются на личные отношения между господином и подчиненным, противореча тем самым формально-рациональному как безличному. Источником личной преданности харизматическому государю является не традиция и не признание его формального права, а эмоционально окрашенная преданность и вера в его харизму, что дает широкий простор для манипуляций обыденным сознанием.

Вместе с Вебером отметим неустойчивость и слабость легитимности в современном правовом формально-рациональном типе культуры, поэтому можно считать полезным сохранение наследственного монарха в качестве главы государства, как это существует в некоторых европейских государствах.

Современная совершенствующаяся система управления формами жизни предназначена для повышения эффективности их деятельности и создания условий для решения поставленных задач, что становится возможным посредством внедрения инновационных технологий управления, новых образовательных программ, раскрывающих способности и инициативу

личности в поиске нестандартных решений в системе коллективного, общественного и международного сотворчества людей. Данная система управления позволяет прогнозировать структуру управления формой жизни и этапы её формирования, устойчивость, гибкость, адаптивность к новым условиям социально-экономического развития. Безусловно, все это имеет отношение к ситуации, когда мы имеем дело исключительно с позитивными сторонами культуры как управления.

Следовательно, на современном этапе развития в управленческой деятельности необходимы глубокие знания законов, управляющих эволюцией окружающего мира, целей, мотивов развития человечества, и, что особенно важно, механизма реализации этих целей. История развития человечества показывает, что высокий уровень культуры в целом, так же, как и уровень сознания, в том числе, культуры управления развитием, определяет способность человека к сотрудничеству, содружеству, интеграции и более эффективному развитию социума и культуры в целом.

Павленко И. В.

КОНЦЕПТ ИСТИНЫ В ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Греческие классики: досократики, Платон, Аристотель, Эсхил, Софокл, Еврипид и другие, используя возможности греческого языка, отразили практически все последующие интерпретации истины и истинности в европейской философии, связав её с основными компонентами человеческого бытия и его перспектив. Можно сказать, что философский и логический гений греков предвосхитил все сколько-нибудь антропологически значимые представления об истине и выразил их с помощью своего замечательного языка.

Можно выделить не менее 80 слов, участвующих в формировании контекстов истинности в древнегреческом языке. Общей целью, или собственно философской сверхзадачей подобной работы является поиск аргументов в пользу умеренно релятивистской концепции истины, основанной на представлении о том, что истина есть обыденное дело человека, связанное с его образом жизни, традицией, его ментальностью, наконец, с многочисленными случайными и привходящими фактами, обстоятельствами и событиями. Истина есть именно дело человека, процесс, осуществляемый в течении жизни и отражающий его отношение к миру. В свое время и пожалуй впервые эта позиция была высказана Протагором в его знаменитом «Человек есть мера всех вещей...»; ἀνθρώπων φησὶ μέτρον εἶναι μέτρον [1, с. 1053а]. Аристотель совершенно однозначно понимает это как выражение релятивистской позиции, и посвящает ее критике немало места в своем труде.

Говоря о существовании самой истинной истины – истине эйдосов, Платон пользуется теми разнообразными семантическими и логическими возможностями, которые предоставляет наше мышление и повседневный язык. Речь идет не просто об использовании различных обозначений

истины в разных контекстах, что могло бы привести к мысли о различном выражении одной и той же истины. Различие выражений здесь прямо и непосредственно указывает на несходство самих истин и совершенно ноуменальный характер пресловутой абсолютной истины. Эта ситуация сродни многим в нашей языковой и ментальной практике, например, не одно и то же – вера в Бога и вера в искренность говорящего, или знание того, что за окном идет дождь и знание теоремы Пифагора. Можно сказать в духе Б. Рассела и его школы, что истина в абсолютном смысле – это класс всех возможных истин, который не является членом самого себя. Так же как класс всех кошек не является кошкой, класс всех истин не есть истина и к нему самому не применимы какие бы то ни было критерии истинности.

Платон и его последователи в отношении истины являются универсалистами, т.е. заняты поисками единой, универсальной, абсолютной истины, или самой истинной истины, которая, если не отменяет, то сводит воедино и придает смысл всем нашим частным, относительным, релятивным истинам. В итоге возникает противопоставление истины сказуемой, сообщаемой, относительной и соотносительной (*relatio – relative*) истине вечной и невыразимой (*veras aeternitatis*).

Однако сам язык демонстрирует нам эту относительность, встраивая наше представление об истине в бесчисленные контексты и находя для этого соответствующие формы.

В этой связи прежде всего рассматривают греческое слово «алетейя» (*ἀλήθεια*), которое вместе со своими производными формирует большинство контекстов истины в древнегреческом языке. Хайдеггер рассматривает понятие истины у Платона («миф о пещере»), говорит о слове «алетейя» как о несокрытости, отмечая при этом, что любые попытки дать точный или «буквальный» перевод подобных понятий (истина, бытие, видимость и пр.) не сводится только к филологической работе. [2, с. 35]. В конечном счете любой, притязавший на точность перевод философского термина, вольно или невольно превратится в перифразу, в окольную речь, буквально – блуждание «вокруг да около» (*περί-*). Да и сама истина не восходит ли к *ἀλόομαι* – блуждать, странствовать – превосходный намек на текучую, подвижную природу истины, ее неуловимость и даже меоничность.

Переводя не просто слово *ἀλήθεια*, но и саму истину, какой она была для древнего грека, мы вынуждены двигаться окольными путями, говорить обиняками, создавая порой туманные, неясные семантические ступки, уплотнения, надеясь все же, что мы скажем нечто об истине, коль скоро все мы принадлежим к роду человеческому.

Интуитивно мы чувствуем и понимаем, что истина у греков (или у кого бы то ни было) не может означать нечто принципиально иное, чем у нас, или, скажем, нечто противоположное (например, ложь или иллюзию). Эта наша интуиция имеет не языковую природу, поэтому и рассматривать ее лучше не на уровне языка, а в качестве общепсихологического и антропологического феномена. Но делать это предстоит не вместо языка, а вместе с языком, который поможет зафиксировать наше представление об истине.

Так или иначе, все известные нам контексты истины могут быть распределены по нескольким основным тематическим рубрикам.

Например, истина как неложность, истина как достоверность, истина как самотождественность и т.д. Разумеется, различные значения тех или иных слов наслаиваются друг на друга, перекликаются в различных контекстах. Поэтому распределение слов по указанным рубрикам верно лишь до известной степени. В этой связи можно привести пример соотношения понятий ἀλήθεια и σάφές (истина-правда-несокрытость и истина как ясность, очевидность), которые находятся в различных рубриках, однако имеют общее смысловое поле и часто используются как синонимы.

Далеко не праздным является вопрос о совпадении тематических рубрик в различных языках. Например, есть ли в русском языке контексты истины, которые отсутствуют в греческом? Как представляется, это вопрос не только и не столько перевода, сколько отражения нашей антропологической и экзистенциальной позиции в отношении мира. Очевидно, что в основном эти позиции совпадают, так же как и то, что имеются существенные различия.

Так, в русском языке представление об истинности сказанного не зависит сколько-нибудь существенно от поиска этимологического значения используемых слов (ἔτυμον). Мы понимаем, что «истинное» значение и истинное понимание слова, которое я произношу в данный момент, почти всегда индифферентно к его этимологии, его действительной истории. Значения слов меняются со временем и в прагматическом смысле принципиально лишь мое текущее понимание. Представление о том, что исторически первое значение слова является его наиболее истинным значением более уместно в архаическом мирозерцании, что, вероятно, и находит свое отражение в языке древних греков.

То же можно сказать и о многих других выражениях истины. Например, простота – ἀπλόος – в наше время более не означает подлинности или истинности. Можно уловить лишь слабые отголоски подобного мировоззрения. Математик сочтет приемлемым более простое решение или доказательство, ученый предпочтет наименее громоздкую объяснительную теорию, известное правило Оккама непосредственно это предписывает. Так же и в обыденной жизни при прочих равных условиях люди выбирают наиболее короткий, простой, наиболее экономичный путь или способ действия, если конечно сам путь не является самоцелью. Многих восхищает простота фундаментальных положений науки (напр. E=mc²), однако это не означает, что истина всегда так проста и уж тем более не утверждает истинности любой простоты. Нам конечно известны примеры истинных сложных решений, равно как и примеры неистинной простоты. Вообще говоря, наш мир достаточно сложен и наши описания мира, в том числе и научные теории, следуют за этой сложностью, стоит ли удивляться, что истинность в нашем понимании более не связывается с простотой.

В целом, истина как антропологическая данность обеспечивает единство нашего вида, хотя мы и вынуждены бесконечно обращать внимание и делать поправки на многочисленные этнические, исторические да и просто субъективные аспекты данного понятия. Ведь если истина, помимо всего прочего, – факт нашей ментальной жизни, то мы вольно или невольно оказываемся в плену бесчисленных индивидуальных коннотаций,

делающих невозможным какое бы то ни было единство.

И все же мы говорим об истине, надеясь на определенное понимание окружающих, также, как говорим о боли, чувстве голода или красном цвете, хотя каждому ясно, насколько нюансированы и неоднозначны все эти переживания.

Рассмотрение истины в философии и языке должно так или иначе учитывать эти разнонаправленные тенденции, приспособляясь к задачам конкретного исследования. Мы можем искать и находить соответствия своим представлениям об истине у древних греков и такие соответствия действительно имеют место.

Литература:

1. Aristoteles. Opera. Graece. Ex recensione Immanuelis Bekkeri, edidit Academia Regia Borussica. Vol. II. Berolini, Apud Georgium Reimerum, 1831, 790-1462 p.

2. Хайдеггер М. Парменид / Пер. с нем. А.П. Шурбелева / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 384 с.

Мальшев В. С., Геращенко Л. Л.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Поскольку современное исследование проблем прогнозирования социального и культурного пространства нуждается в разработке новых футурологических теорий, в которых значительное место уделяется именно изменениям, происходящим в культуре, необходимо рассмотреть также некоторые особенности и составляющие социокультурного прогнозирования на современном этапе. На наш взгляд, типичной для современности важнейшей составляющей актуальных футурологических концепций становятся именно этические проблемы (проблемы поиска новых ценностей, норм и целей индивида и общества).

Отметим, что к числу разработчиков именно этого направления следует отнести труды в области философии и культурологии немецкого социолога Юргена Хабермаса. Притом, что его позиция носит несколько оптимистический характер, ученого традиционно относят к некоей оппозиции современного футурологического мейнстрима. Согласно мнению ученого, биотехнологии существенным образом изменяют этику человечества, об этом он писал в работе «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?».

Согласно концепции этого ученого: «Прогресс биологических наук и развитие биотехнологий не только расширяют известные возможности действовать, но и позволяют осуществлять новый тип вмешательства в человеческую жизнь. То, что прежде было «дано» как органическая природа и, в крайнем случае, можно было «вырастить», сегодня превратилось в сферу целенаправленного вмешательства».

По мнению ученого, принципиальное различие между «быть телом» и «иметь телесную оболочку» суть некая граница между природой, которой мы «являемся», и органической оболочкой, которой мы «наделяем» себя,

расплывается. Таким образом, данная логика размышлений приводит к тому, что искусственно созданные субъекты вследствие этого наделяются новым видом отношения к самим себе, глубоко затрагивающий их органический субстрат.

Характеризуя особенности этого нового вида отношений, трудно не заметить, что эти субъекты захотят использовать богатые возможности новых игровых пространств принятия решения. Таким образом, со временем, происходит их вписывание в социальный и культурный контекст, причем происходит это двумя основными путями:

- автономным, соразмерно нормативным соображениям, принимающим участие в демократическом формировании воли,
- произвольным, опираясь на субъективные предпочтения, умиротворяемые посредством рынка, – зависит теперь именно от самосознания и самопонимания данных субъектов».

Отметим, что в данной связи становится актуальным вопрос о том, что такое сознание человека на онтологическом уровне. Классическим является определение сознания, принадлежащее Д. Деннету, которое цитирует Фукуяма в книге «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции», а также активно использует в своих трудах Бартелми: «Человеческое сознание само есть огромный комплекс мемов (точнее, действий мемов в мозгу), что лучше всего можно представить себе как работу некоей «фон-неймановской» виртуальной машины, реализованной в параллельной архитектуре мозга, который не был спроектирован в расчете на такую работу».

Для того чтобы определить, какое из понятий более емко и глубоко, необходимо провести последовательный анализ в целом содержания концепций ученых, специализирующихся в данной области научного знания. Исследование всех, наиболее значимых, модных концептуальных подходов может стать основой для многих томов, поэтому, компилируя их и обобщая, мы, безусловно, вносим свое авторское интерпретирование этих концепций.

В данной связи мы считаем необходимым подчеркнуть, что одним из основателей как таковой науки философского прогнозирования стоял автор концепции культуры информационного общества М. Кастельс. В своем исследовании «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996) Кастельс предлагает концепцию информационной культуры, философии и искусства, основанную на обобщении происходящих в обществе и культуре процессов, а также научном анализе экономических, социальных, культурных, эстетических, моральных и иных аспектов и перспектив развития современной философии и культуры. Его концепция исследуется Лиотаром, высоко ценящим исследования Кастельса.

Подытоживая и значительно обобщая основные из имеющихся концепций в данной области научного знания, отметим следующие их основные особенности:

- большинство из них опирается своими первоначальными предположениями на исследования американской экономики первой половины XX века, основателями данной ветви теорий являются Солоу и Кендрик,

- большинство ученых, исследующих социальное прогнозирование, подчеркивают, что качественного различия между обществами индустриальным и постиндустриальным нет, что рост производительности на базе знаний был чертой индустриальной экономики, но присущ не только ей,

- характеризуя существенные особенности постиндустриальных обществ, в частности, приоритет сферы услуг и сокращение производственной сферы, в том числе предприятий, отмечается, что уровень массовизации – то есть концентрации рабочей силы – достаточно велик, что всегда позитивно влияет на ее качество,

- многими учеными подчеркивается, что современные услуги, как в экономике, так и в культурной жизни зависят от прямых связей с промышленным производством и что промышленная деятельность (отличная от промышленной занятости) является критически важной для производительности и конкурентоспособности экономики,

- исследователи также выделяют две наиболее распространенные модели современного экономического, социального и культурного развития: модель экономики услуг, которую представляют Соединенные Штаты, Соединенное Королевство и Канада, и модель индустриального производства, распространенная в Японии и Германии,

- исследователи также отмечают, что в странах, которые делают ставку на экономические прибыли в сфере услуг, от добавленной стоимости промышленных фирм поступает 24 % ВВП, а другие 25 % ВВП – от услуг, непосредственно связанных с промышленностью, что превращает постиндустриальную экономику в новый миф,

- ученые также подчеркивают, что современной экономике, обществу и культуре свойственны демассификация производства, которую шаг за шагом констатируют в своих трудах теоретики постиндустриализма,

- социальная структура общества трансформируется за счет количественного роста управленческих, профессиональных и технических страт, представляющих собой ядро некоей новой структуры,

- последние процессы сопровождаются ростом неквалифицированных занятий в сфере услуг на нижних ступенях социальной лестницы, причем по абсолютной численности эти рабочие места могут составлять существенную долю постиндустриального социального организма,

- все это приводит к тому, что постепенно и неизбежно расширяется интеллектуальная и управленческая элита, что поляризует социальную структуру.

Подчеркнем, что описанные выше процессы порождают рост потенциальных потребителей продукции массовой культуры со свойственным им невысокими этическими и эстетическими запросами: в традиционных формах она востребована преимущественно низшими слоями неквалифицированных работников, а в новых формах, связанных, в частности, с новыми информационными технологиями, – средним классом и элитой.

Особого исследования требует проблема возможности и социально-экономической обусловленности существования и развития массовой культуры в рамках информационного общества, где трансформировалась,

атомизировавшись, и сама масса, и культура, ее обслуживавшая. Анализируя своеобразие бытования и функционирования культурной индустрии, следует подчеркнуть свойственные ей особенности:

- культурная индустрия основывается не на удовлетворение креативных потребностей личности, а ориентируется на «экономику здравого смысла»;
- при этом новые экономические формы традиционно стандартизированы, что становится основой для некоей унификации культурного продукта;
- так называемая метакультурная индивидуальность, свойственная современности, основывает собой новый тип культуры и характеризуется способностью дифференцировать поступающую информацию;
- быстрые темпы развития метакультурной индивидуальности приводят к тому, что последняя существенным образом нуждается в рекреации, сублимации и психологической разгрузке.

Отметим также, что доминирующая стратегия в обогащении культуры, связанная с потенциалом новых коммуникационных технологий, направлена не на области здравоохранения, образования, а на разработку гигантской системы электронных развлечений следующего типа:

- «видео по заказу», на которое покупатели западных стран тратят свыше 350 млрд. долл. в год,
- тематические парки виртуальной реальности, привлекающие сегодня наибольшие инвестиции,
- сфера электронных развлечений в сети Интернет продолжает выступать в качестве одной из наиболее прибыльных отраслей экономики, поскольку ему свойственны такие черты, как интерактивность и индивидуализация, в отличие от средств массовой коммуникации в «галактике Маклюэна», встроены в новейшие коммуникационные системы технологически и культурно.

Трудно не согласиться с тем, что все растущий потенциал потребности в подобного рода развлечениях не всегда обеспечивает новые структуры социальной коммуникации. Так, в новой информационной культуре, со свойственной ей массовой культурой, выделяются собственные страты, становящиеся потенциальными производителями и потребителями либо массовой, либо элитарной продукции.

В данной связи необходимо отметить, что в виртуальных сообществах намечается формирование двух основных популяций:

- малого меньшинства жителей электронной деревни, со специфичным языком компьютерной коммуникации как нового средства, предполагающего неформальность, спонтанность и анонимность;
- некоего бродячего сообщества, для которого случайные выходы в различные сети равносильны исследованию нескольких, хотя и эфемерных, существований.

В наше время было бы ошибкой считать компьютерную коммуникацию как таковую принадлежностью исключительно образованной и экономически обеспеченной части населения наиболее развитых стран. Отметим, что чаще всего она используется в больших, наиболее высокоразвитых метрополисах, в глобальном масштабе выступающей в качестве элиты. Эта та часть общества проявляет способность выбирать свои мультинаправленные цепи

коммуникации и интерес к использованию мультимедиа для доступа к информации, политической деятельности и образованию.

Впоследствии подобные элиты образуют некое собственное сообщество, формируя символически замкнутые общины, и определяют себя как пространственно ограниченную межличностную сетевую субкультуру. Так со временем образуется персональная микросеть элиты, откуда посредством глобального множества взаимодействий ее интересы передаются в функциональные макросети.

Однако было бы неверно считать, что элита информационного общества отнюдь виртуальна, существует и иное ее пространство, где сконцентрированы доминирующие функции и откуда возможны мобильные перемещения к иным культурным комплексам искусства и развлечений. Подобная сеть организована для того, чтобы «низы» имели возможность прикоснуться к потребностям элиты, и были бы, таким образом, более легко управляемы.

Впоследствии всеобщим пространством пребывания элиты, имеющей открытый доступ к информации, становится глобальное цифровое пространство, что и определяет культурную универсальность этой субкультуры, нацеленной на «унификацию символического окружения», гомогенизацию стиля жизни, нивелирование культурных границ.

Безусловно, процесс развития общества и культуры идет таким образом, что узкий круг корпоративной элиты добивается гомогенности, в частности, посредством пребывания в универсальных, изолированных пространствах неких международных отелей, убранство которых, от дизайна комнат до цвета полотенец, должно создавать ощущение принадлежности к внутреннему кругу. Отметим, сто символы этой специфической глобальной, интернациональной культуры, игнорирующей культурное разнообразие, создают определенную идентичность, связанную с принадлежностью к структурам управления информационной экономикой.

Для другого круга потребителей предлагается, кроме общения по электронной почте и политики (в том числе электронного голосования), «традиционные развлечения» – от садистских видеоигр до бесконечных спортивных матчей, погружающий в виртуальную реальность.

Трудно не согласиться с тем, что эти социальные слои, остающиеся основными носителями национальных культур, через мир массовых коммуникаций и массовую культуру аналогичным образом унифицируются. Однако в отличие от мировой информационной элиты, осознанно стремящейся к самоизоляции и гомогенности, вторая часть общества вынуждена принимать эти унифицирующие стратегии через потребление универсальной продукции, в том числе культурной, а также посредством приобщения к новым коммуникационным технологиям.

Поскольку социальной основой массовой культуры в информационной социальной системе остается та часть общества, которая отчуждена от структур управления экономикой нового типа и вынуждена соответствовать стратегиям подчинения и «включения во взаимодействие», а также часть «технической элиты», имеющая возможность выбора между разными формами и типами культуры, перспективы развития культуры отнюдь не всегда позитивны.

Мыслогласны стем, что в качестве социальных предпосылок распространения массовой культуры в информационном обществе выступают напряженный ритм деятельности, экзистенциальные проблемы, проблемы адаптации, проблема свободного времени, а также отсутствие у части общества навыка и определенного типа сознания, соответствующего восприятию сложных проблем и феноменов высокой культуры. Сами же информационные технологии развиваются в большой степени как технологии развлечений, в определенном смысле снимающие напряжения человека современной культуры, с одной стороны, но с другой, порождающие и развивающие тенденцию глобализации современной культуры.

Рубежанский С. И.

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСА НА МАССОВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Конструкционистские возможности дискурса имеют особое значение для реальности, создаваемой современными СМИ. Претендуя на объективность, медийная репрезентация действительности зачастую становится единственной версией реальности. Однако анализ возможностей дискурса позволяет опровергнуть утверждение об отражении в масс-медиа «объективной» реальности. В этой связи актуальным представляется рассмотрение феномена дискурса как одной из практик социального конструирования реальности и выявление роли дискурса в конструировании медиа-реальности.

При определении понятия «дискурс» обращает на себя внимание многообразие толкований данного термина. По-видимому, это связано с тем, что в современных гуманитарных исследованиях феномен дискурса анализируется с различных теоретических позиций и оснований.

С одной стороны, данное понятие неразрывно связано с языковыми представлениями о мире. Например, Патрик Серио показывает, что «во французской лингвистике термин дискурс может обозначать и речевую деятельность, и текст, и контекст, и высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией» [1, с. 26].

Однако, несмотря на то, что дискурс реализуется с помощью различных текстов, он не сводится только к речевым образованиям, а имеет гораздо более сложную социальную природу. Так, голландский исследователь дискурса Т. А. Ван Дейк подчеркивал, что «дискурс включает и социальный контекст коммуникации. С его точки зрения, дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия» [2, с. 46].

Очевидно, что существующее многообразие представлений о дискурсе свидетельствует о сложной природе рассматриваемого феномена. При этом в соответствии с тем, в какой мере трактовки дискурса выходят за границы узколингвистического подхода, приближаясь его к предельно широкому постструктуралистскому пониманию как способу конструирования мира, выделяют три традиции дискурс-анализа.

Теории дискурса первого поколения трактуют дискурс в узколингвистическом смысле, определяя его как текстовую единицу

разговорного и письменного языка. Второе поколение теорий дискурса трактует дискурс гораздо шире – предметное поле дискурс-анализа раздвигается до изучения социальных практик. Третье поколение теорий дискурса носит постструктуралистский характер. В духе постструктурализма понятие дискурса здесь расширяется до всеобъемлющей социальной категории.

Для достижения поставленной выше цели мы будем отталкиваться от сущности дискурса как не только речевого, но и социального явления и примем определение дискурса как взаимосвязанного набора текстов, а также практик их производства, распределения и рецепции, в совокупности формирующих объекты. Следует отметить, что для определения роли дискурса в конструировании социального мира и формировании медиа-реальности представляется необходимой опора на выводы, сделанные в рамках парадигмы социального конструкционизма.

На то, что человеческая реальность – это реальность социально сконструированная, и представления о «естественном» образе реальности – тоже социальный конструкт, в свое время обратили внимание А. Шюцц,

П. Бергер и Т. Лукман. В понимании конструкционистов социальные феномены не существуют «объективно», а представляют собой конструкции, созданные человеком в ходе исторического развития: «Объективность институционального мира – сколь бы тяжелой ни казалась она индивиду – созданная человеком, сконструированная объективность» [3, с. 101]. Это означает, что «реальность» социального мира формируется за счет множества социальных процессов. При этом объективация мира с помощью дискурсивных практик – один из них.

П. Бергер и Т. Лукман указали, что, «хотя реальность является социально определяемой, определения всегда воплощены, то есть конкретные индивиды и группы индивидов оказываются теми, кто определяет реальность» [4, с. 189]. В результате бок о бок сосуществует множество «соперничающих» интерпретаций реальности. Особое место среди них занимает социальная реальность, «созданная» СМИ.

Согласно Н. Луману, о реальности, создаваемой массмедиа, можно говорить в двояком смысле: «Реальность массмедиа... их реальная реальность, состоит в их собственных операциях... О втором смысле реальности массмедиа, а именно, о смысле того, что для нее или благодаря ей для других выглядит как реальность» [5, с. 11]. Опираясь на последнее утверждение, под медиа-реальностью мы будем понимать отражение и репрезентацию «объективной» социальной реальности в информационном пространстве СМИ.

Поскольку медиа-реальность возникает как продукт функционирования средств массовой информации, она имеет противоречивый характер. В этом смысле образ социального мира, созданный СМИ, в большинстве случаев претендует на «реальность». Однако, рассматривая сегодня печать, радио, телевидение и Интернет как поставщиков разнообразной информации, не стоит забывать о том, что знание о мире, которое мы получаем из СМИ, весьма специфично. Фильтры, через которые оно проходит, прежде чем быть озвученным – формат СМИ, воздействие групп давления, экономические факторы, информационная политика государства – оказывают серьезное

влияние как на «объективность» медиа-сообщений, так и на их содержание. Более того, исследования, в которых проводилось сопоставление медиа-«повестки дня» с реальным положением дел путем преобразования реальности в систему индикаторов, показывают, что «СМИ не отражают объективную реальность, а конструируют собственную» [6, с. 113]. Таким образом, масс-медиа, имея претензии на объективность и достоверность создаваемого информационного пространства, отличаются фрагментарностью и субъективизмом при выстраивании образа социальной реальности.

Отметим, что конструирование медиа-реальности может проходить по нескольким направлениям – это и создаваемые СМИ образы, обсуждаемые темы, способ подачи информации. Представляется, говорить также можно о выстраивании средствами массовой информации «текстуального» образа мира. По замечанию Блакара, «результат использования языка на радио, на телевидении, в печати гораздо значительнее, чем в повседневном взаимодействии» [7, с. 91].

Очевидно, что продуцируемый масс-медиа дискурс также играет активную роль в формировании представлений об окружающем мире. Поэтому, обозначив дискурс в качестве важнейшего механизма конструирования социальной реальности, определим его роль в конструировании медиа-реальности. При этом необходимо обратить внимание на то, что каждый из методов анализа дискурса выделяет разные аспекты конструкционистских возможностей дискурса. Так, в теории дискурса Лакло и Муфф нет различий между дискурсивными и недискурсивными измерениями социального – в ней практики исключительно дискурсивны. В критическом дискурс-анализе объективная социальная реальность рассматривается как структура, влияющая на практику дискурса.

Семиотический подход акцентирует внимание на дискурсе как способе конструирования реальности с помощью значений. Знаменитый семиотик Ролан Барт рассматривает общество как организм, производящий культурные знаки и с их помощью структурирующий действительность. Дискурсы трактуются Бартом как социальные знаки, наполненные общественно значимыми смыслами и мифическим содержанием. Социальными знаками являются не только слова, но также образы и вещи, которые сообщают нам нечто значимое: «мы будем называть речевым произведением, дискурсом, высказыванием и тому подобное всякое значимое единство независимо от того, является ли оно словесным или визуальным» [8, с. 74].

Итак, мы выяснили, что дискурс – это форма как речевого, так и социального поведения, которая участвует в формировании социального мира. В рамках социально-конструкционистского подхода дискурс рассматривается в качестве неотъемлемой части социальных отношений, поскольку, с одной стороны, он формирует эти отношения, а с другой – формируется ими. Соответственно, социальную реальность необходимо рассматривать как конструкт, создаваемый в результате его дискурсивного обозначения и проговаривания. Конструирование медиа-реальности, так же как и реальности в целом, обеспечивается за счет практик использования языка и приписывания значений социальным объектам, а также социальным взаимодействиям, в ходе которых создаются представления об объективной реальности.

Литература:

1. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 12-53.
2. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание, Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Там же.
5. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
6. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация: от эффекта к процессу // Полис. 2003. №3. С. 109-119.
7. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88-125.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. М.: Прогресс, Универс, 1994. 624 с.

Рязанцев А. А.

**РЕКЛАМНАЯ КУЛЬТУРА КАК АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Многолетний опыт практической деятельности в области отечественного кинопро-ката привел нас к осознанию того, что без научно аргументированной, философски обоснованной теории не может быть полноценной результативной практики. Кроме собственного понимания необходимости научной, базовой системы координат непосредственной в нашей практике, отметим, что актуальность данного исследования обуславливается еще широким спектром социокультурных потребностей общества в области теоретической и практической рекламной деятельности.

Не только современный прокат, но и современная философия и культурология нуждаются в знаниях о рекламной культуре как одном из путей виртуализации вещей и отношений, в осознании рекламы как одного из способов возрождения системы современных культурных ценностей. Рекламная культура – суть неотъемлемая часть общей культуры народа, базируется на ее началах, является отражением уровня ее развития, менталитета народа. Формирование рекламной культуры и ее роль в возрождении культурных ценностей и стабилизации нашего общества не есть обособленный процесс от развития других видов культуры – политической, моральной, эстетической, это комплексная проблема. Их объединяет общность задачи – возрождение позитивного морального климата в обществе, высоких идеалов российской культуры.

Исследователи современной культуры отмечают сложность и глобальность кризиса культурных ценностей, переживаемого всем человечеством в целом. Акцент ставится на то, что кризисные явления происходят в различных областях духовной и материальной культуры: экономике, морали, искусстве, политике, ни одна сфера деятельности человека не лишена проблем и затруднений. На наш взгляд, массовая пропаганда исключительно негативных сторон оказывает разрушительное влияние на развитие и функционирование всех общественных систем, в том числе, на процесс кинопроизводства и на

прокат.

Однако, с философской точки зрения, кризис это не крушение, суть не что иное, как глубокое и интенсивное изменение; оно может быть изменением к худшему, но также и к лучшему. Пути выхода из кризиса во многом зависят от отношения к нему человека массовой культуры и от осознания собственного культурного достоинства. Нет более верного признака зрелости науки, чем кризис принципов. Он означает, что наука настолько уверена в себе, что может позволить себе роскошь решительно пересмотреть свои принципы, т. е. потребовать от них большей убедительности и твердости. Интеллектуальная сила как человека, так и науки измеряется той долей скептицизма, сомнения, с которой он относится к самому себе. Однако без уважения к своей культуре и культурным ценностям, в ситуации обесценивания ценностей и массовых упаднических настроений возродить отечественную культуру кино крайне трудно.

На наш взгляд, на моральнопсихологический климат современной общества оказывают существенное влияние тенденции негативно оценивать современную отечественную рекламную культуру. Впоследствии неоднократно приводимые в дальнейшем нашем исследовании и буквально заполонившие средства массовой информации одни лишь недостатки отечественной рекламной культуры и культуры нашего общества отнюдь не способствуют ни стремлению к повышению культуры, ни образования каждого гражданина страны, ни преодолению непосредственно самих указанных в исследовании негативных тенденций. В данной связи вспоминаются слова о «чисто-русском отношении к миру» из статьи «Алексей Рязанцев: кинотеатры хотят прокатывать одни блокбастеры»: «Срочно надо мечтать, что мы сейчас всех победим» [1].

Данное отношение может быть весьма полезным, особенно на стадии преодоления негативной мифологии об отечественной отсталой культуре и затянувшемся в нашей стране кризисе культурных ценностей. Настоящее всегда воспринималось в России как находящееся в состоянии кризиса, что находило отражение в лучших произведениях отечественной культуры, в том числе, и в культуре кино. Будь ли это период княжеских распрей или тирании московских государей, Петровская эпоха и период послепетровского царствования, Екатерининская, царствование Николая I, все эти эпохи не воспринимались их современниками как стабильные и благополучные. Русская история прошла под знаком тревог, вызванных неудовлетворенностью настоящим княжеских распрей, бунтов, земских соборов, восстаний, религиозных волнений, что, безусловно, накладывало отпечаток на русскую культуру и науку.

Неудовлетворенность настоящим составляет одну из основных черт произведений лучших представителей русской культуры, которая как бы сжимает настоящее между прошлым и будущим. На типичный для западной культурологии вопрос: «Можно ли считать тысячелетнюю культуру России отсталой?» мы отвечаем отрицательно. Хотя, с позиций западных культурологов, вопрос не вызывает сомнений: сотни препятствий стояли на пути развития русской культуры. Однако данная постановка вопроса является отнюдь не научной, поскольку русская культура иная по типу, чем культуры

Запада, и отнюдь не менее развитая.

Однако то, в чем Россия отставала от западных стран - это наука культурология и философия, причем, непосредственно в западном смысле этого слова. На наш взгляд, причина, во-первых, в специфике русской ментальности со свойственным ей недоверием и враждебностью к интеллигенции, во-вторых, в отсутствии как таковой классической собственной школы культурологии и философии. Попытки же ее калькирования по западному принципу неизбежно порождают ощущения кризиса отечественной науки. Мы надеемся, что наше исследование в этом ряду откроет «окно в российскую культурологию и философию», система координат которых будет построена с учетом свойственной для русской традиции ментальности, типичной для отечественной современности картины мира и возрождения культурных ценностей.

Современная ситуация преобразования и возрождения культурных ценностей в России находится на одном из сложных этапов политического и экономического развития. Одним из определяющих факторов успешности и благополучности данного развития является исследование рекламной культуры непосредственно как фактора формирования современных культурных ценностей. Процессы социокультурного реформирования страны, которые идут по пути построения сильного и свободного демократического государства, должны быть основаны на философии гуманистического права, на Культурном рек-ламном производстве, на интеграции России с международным сообществом. Перефразируя анонс статьи, опубликованной в газете «Деловые новости», хотелось бы подчеркнуть, что иностранной культуре пора привыкать к особенностям русской картины мира и культурных ценностей [2].

Современные исследования научно доказывают, что мировая кризисная ситуация в сфере рекламной культуры обладает тенденцией к глобализации, что в последствии может привести к резкому «снижению» планки культурных ценностей, реализуемых, в том числе, в рекламе. Одним из способов сглаживания описанных выше кризисных ситуаций на-ми видится полноценные исследования в области происходящих в рекламной культуре процессов, с целью их дальнейшей грамотной, творческой и научной корректировки. Однако непосредственно научных исследований, на наш взгляд, недостаточно.

Следя логике основателей и последователей психоанализа, путь гармоничного развития культуры – снятие напряжения между ее запретами и желаниями масс. Одним из таких древнейших способов является возрождение системы культурных ценностей. От-правной точкой оценки современной, «культурной» рекламы должен стать не уровень успешных продаж рекламируемого товара, а внутреннее удовлетворение, испытываемое практически каждым ее потребителем. Подчеркнем, речь идет не о тайном удовлетворении подавляемых бессознательных влечений, и не о манипуляции ими, а о приобретении крайне важного для любой культуры психологического достояния – духовного удовлетво-рения потребителя [3].

Таким образом, одной из целей проведенного нами исследования является рассмотрение того, как реклама воздействует на психику современного

человека, создавая нормативы системы ценностей. С их помощью реклама управляет потребностями в интересах поставщиков товаров и услуг. Современные западные ученые неоднократно подчеркивали, что реклама не только способна разрушительно действовать на психику человека, но и гармонизировать ее, давая возможность реального социокультурного самоутверждения, возрождая общечеловеческие ценности и формируя новые позитивные социокультурные смыслы [4].

Современная рекламная культура формирует мировоззрение «*homo reclamatus*», его ценности и потребности. Картина мира человека рекламы выглядит следующим образом: в мире рекламы различные явления, предметы и образы существуют вне их взаимосвязи-симостей, в виде случайно соединившейся мозаики, между событиями, вещами и людьми отсутствуют причинно-следственные связи. Кроме того, в рекламной субкультуре размыты границы между миром людей и миром вещей, между человеком и предметным миром, его окружающим, участие человека, воспринимающего эту рекламу, в рекламном сообщении присутствует в виртуальной форме в качестве потенциального, возможного соучастника того, что происходит в условно созданной рекламной реальности.

Рекламная культура может быть охарактеризована как мир виртуального, одним словом, мир чистой коннотации: реклама не участвует в производстве и непосредственном применении вещей, становится сама предметом потребления. Современная реклама обладает двойственным статусом: с одной стороны, она есть дискурс о вещи, с другой са-ма является непосредственной вещью, причем именно в качестве ненужного дискурса она превращается в предмет культуры. На психологический климат современного общества оказывают существенное влияние тенденции негативно оценивать современную отечественную рекламную культуру. Многократно упоминаемые в исследовании подтверждающие примеры типичны для современных исследований в данной области. Однако констатация одних лишь недостатков отечественной рекламной культуры отнюдь не способствуют преодолению непосредственно самих указанных в исследовании негативных тенденций.

Действительно, в современной российской действительности уровень рекламной культуры общества находится на невысоком уровне, на наш взгляд, причина – исключение рекламы из общего контекста явлений культуры. Последнее явление является препятствием для дальнейшего позитивного развития отечественной культуры, что порождает необходимость подробного исследования истоков и путей функционирования данного процесса, поскольку его преодоление будет способствовать возрождению культуры современного российского общества.

Российская рекламная культура – это сегодня и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и источник возрождения культурных ценностей. Стоит особо отметить значение тех огромных ценностей, которыми русский народ владеет, именно в этом, на наш взгляд, один из путей возрождения культурных ценностей, в котором именно рекламная культура играет одну из главных ролей.

Приобщение потребителей массовой культуры к культурным ценностям также играет важную роль в формировании современной рекламной культуры

общества. Несмотря на невысокий уровень рекламный культуры в нашей стране, существует несколько способов решения данной проблемы и лежат они в областях культуры и культурных ценностей: прежде всего, приобщение к культурным ценностям и участие в их создании, культурное просвещение, преодоление тенденций массовой информации делать акцент на негативном оценивании происходящих в области культуры процессов, возможно, даже путем некоей государственной цензуры.

Одним из способов возрождения системы культурных ценностей может стать поднятие престижа всех социокультурных норм, воздействующих на широкие слои населения. Государство и общественные объединения должны создать четкую систему рационального воздействия на волю и сознание человека, на его эмоции и чувства, чтобы способствовать воплощению зрелого и позитивного отношения к ценностным нормам культуры, выработке социально активного и позитивного поведения.

Рекламная культура находится в системе координат общей культуры и культурных ценностей и, в свою очередь, сама становится системой координат для культуры современного общества. Для человека и общества обладание культурой, культурными ценностями, в конечном итоге означает возрастания степени свободы. Культура в виде знаний и техники освобождает человека от необходимости работать только ради удовлетворения первичных потребностей. Культура в виде социальных институтов и ценностей увеличивает свободу человека в общении. Культура как творческая деятельность и культурные ценности освобождают человека от монотонного следования биологическим инстинктам, обогащая духовный мир человека, что, в свою очередь, становится залогом возрождения современной культуры в целом.

Центральное место в процессе возрождения культуры играют культурные ценности, которые представляют собой, кроме выдающихся произведений интеллектуального, художественного и религиозного творчества, квинтэссенцию социального опыта общества, в рамках которой собраны наиболее оправдавшие себя и показавшие наибольшую социальную эффективность принципы осуществления жизнедеятельности. Рекламной культуре как фактору формирования современных культурных ценностей принадлежит в современных условиях приоритетная роль, поскольку именно от нее зависит не только сохранение и передача культурных ценностей, но и общая перспектива социокультурного развития современной отечественной культуры.

Реклама, как многостороннее явление, не может не взаимодействовать с современными социокультурными явлениями, что предполагает необходимость ее теоретического анализа, а также всеобщей коммуникативной системы и создания единой картины мира, соответствующей сегодняшнему уровню развития науки, культуры и исторического опыта. Современными учеными, философами и культурологами большое внимание уделялось и уделяется рекламе, однако непосредственно рекламная культура как фактор возрождения современных культурных ценностей в философском и культурологическом аспектах исследована не была [5].

Мы подчеркиваем, что именно в контексте современной философии и культурологии может быть проведен анализ рекламы как некоей универсальной

целостности современной культуры. Это связано с тем, что социальные и экономические проблемы современной России непосредственно связаны с вопросом сохранения культурных ценностей. Проблема исследования и формирования рекламной культуры становится одной из актуальных для всего комплекса социально-гуманитарных наук, представляя существенное значение не только для науки, общественной практики, социально-правовой жизни государства, но и для культуры всего общества.

Кроме того, исследование рекламной культуры как фактора возрождения современных культурных ценностей государства и общества является одним из условий успешного построения культурного государства, высоко организованного гражданского общества. Последний факт, с учетом сложности изучения рекламы обуславливает необходимость её комплексного исследования, что служит предпосылкой не только для культурологического, но и для социально-философского анализа данной проблемы.

Одну из определяющих ролей в возрождении современной культуры играют именно те культурные ценности, под которыми понимается квинтэссенция социального опыта общества. В рамках последней собраны оправдавшие себя и реализовавшие на практике позитивность и социальную эффективность различные принципы осуществления жизнедеятельности. К последним мы относим нравы, обычаи, традиции, стереотипы поведения и сознания, образцы, оценки, образы, мнения, интерпретации, одним словом, нормы поведения и суждения, которые ведут к повышению социальной интеграции сообщества.

Без возрождения рекламной культуры в высоком смысле этого слова невозможно сохранение национальных традиций, религиозных и нравственных норм, формирование ценностных ориентаций современного общества, плодотворное развитие современной культуры. Опуская типичный для большинства исследований современной рекламы негативный контекст, мы планируем в дальнейшей работе приведение некоторых из деструктивных примеров культуры рекламы и кино исключительно в целях понимания той системы координат, которой становится сегодня рекламная культура для формирования современных культурных ценностей. Одной из особенностей современных исследований, посвященных анализу рекламной культуры, является стабильный негативный характер, что сужает поле зрения исследователя, не позволяя проанализировать широкий социо-культурный контекст и объективно оценить происходящие в культуре процессы. Избегание тех или иных негативных категоричных оценочных суждений о современной рекламной культуре ставит нашу работу в ранг уникальных, позитивная актуальность которых даст нашей отечественной культуре и обществу силы для преодоления актуальных социо-культурных проблем.

Литература:

1. Кинопроцесс, «Алексей Рязанцев: кинотеатры хотят прокатывать одни блокбастеры», № 3 (41), 2006 г., с 114.
2. Деловые новости 15 апреля 2004 г., № 68, с. 20
3. Freud S. Selbstdarstellung. – Wien, 1934
4. Mc Luhan M. Culture is Our Busines. – Toronto, 1970
5. Mc Luhan M. Counterblast. – L., 1970

ОПЫТ РИТМИЧЕСКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ ОСНОВ ФИЛОСОФИИ:
ВВЕДЕНИЕ, ЛОГИКА, ДИАЛЕКТИКА

I. ВВЕДЕНИЕ

Цель философии – самое общее знание И углублённое сути вещей понимание. Функции две у неё основных: разработка методологии, То есть познания научного ищет пути она строгие; И соучастие во всяком мировоззрении, То есть, на мир и людей обобщённом и слитном воззрении. Есть соответственно две основные проблемы, И в философии с ними столкнёмся везде мы. Первая: может ли быть абсолют – нечто очень на свете особое; Ну а вто-рую зовут «основной вопрос философии».

Чтоб осознали их корни яснее и проще мы, Нам и понятия нужны наиболее в знании общие. Главные здесь – бытие и его отрицание, И становление меж ними – обоих обмен и мерцание (правильный смысл «бытия» это просто существование). Нет вокруг нас ничего беспредельного вроде, К небытию всё причастно, согласно природе. Правда, и разница в этом бывает ог-ромная: Есть океан, есть и малая капелька скромная. Ближе стоит океан к бы-тия полноте, Ближе ещё – олимпийские боги, в античной мечте; Только ведь каждый из них всё равно ограниченный, частный. Но, может, есть и предмет, вовсе к небытию не причастный?.. Должен он всё обнимать, должен он гос-подином быть людям! Принято этот предмет называть абсолютот.

Кто признаёт абсолют, не смущаясь пределами физики, Тех называют философов метафизики. Кто в мире видит одни лишь мерцанья игристые, Тех называют философов релятивистами. В свете науки, узки эти взгляды до скуки; Но философия масс не созрела ещё до науки.

В мире действительном нет самого абсолюта, Но не случайно и кажется – есть он как будто. Ведь постоянство и сходное всюду встречается, В этом всеобщая связь всех вещей проявляется. Вещи своими чертами друг друга снабжают, И, размножаясь, подобных себе порождают, И выделяются часто из одного, Вместе наследуя общее от него. Общее тоже не вечно, ход времени всё размывает. – Этот научный подход диалектикой называют.

Стили мышления тем же решеньям подобны. По метафизике, вещи для нас неизменны и дробны, Ибо их связь и судьбу задаёт абсолют, Коего наши науки не познают. Релятивист видит вещи неуловимо текучими, Дескать, они лишь в уме обобщаются сорными кучами. Для диалектики мир есть единство в борьбе и открытие, Тел и явлений природная связь и развитие.

Два из трёх стилей способны дать метод познания, А релятивный все-гда отражает страдания. Но и его не отправишь навеки в забвение, Ибо страдание значимо в жизни не менее. Тут выступает на сцену мировоззрение, И основной в нём вопрос, что волнует любого от века: Место на свете меня самого, человека. Если ж учесть, в чём особенность видим свою, Это вопрос «Как относится дух к бытию?»

Идеалисты считают, что дух есть источник природы, Но среди них есть мыслители разной породы: Или тот дух словно бог – объективен, от нас не зависит, Или же он субъективен и есть наши общие мысли. Крайнее тут –

солипсизм: мол, реален лише свій індивидуй, Прочее сон, так что спи и бо-гам не завидууй!

Наоборот утврждають любые материалисты: Мы из природы, и мысли от праха не чисты. Только одни говорят, что всё в мире материальное, А вот другие считают, что в психике есть идеальное. Значит, для первых материя по существу абсолют, То есть они метафизику преподают. А диалектика учит, что из самой же материи Дух порождается – сложно, но без мистерии.

Есть дуалисты ещё: для них двойственность изначальна, Дух и природа живут себе врозь беспечально, А в человеке друг друга зачем-то находят; Только к блужданиям эти воззренья приводят. Есть плюралисты: у них что ни вещь, то монада, Ей про другие де вещи и знать-то не надо. Есть и эклектики, что собирают коллекцию Мыслей, пригодную только украсить им лек-цию.

Раз уж настолько по-разному мир мы себе представляем, То и по-разному судим, насколько он познаваем. Агностицизм говорит: только чувствуй телесно да числи, Сущность, вещей глубина, недоступна для мысли. Так рассуждают обычно релятивисты, Ну а за ними всегда словно тень – солипсисты. Прочие мыслят о знании более строго, Но и свободных от ереси этой не много: Материализм лишь диалектический Её отвергает систематически.

II. ЛОГИКА И ДИАЛЕКТИКА

Есть у людей и у многих животных мышление образами, Но среди всех лишь одни «изъясняемся прозой» мы, То есть владем понятием, словом и мыслим логически. Лишь потому изменяем мы мир исторически.

В этом мышленьи две силы являются разом: Твердый рассудок и гуттаперчивый разум. Каждый из них – то последует, то ведёт, И всё добытое дру-гу передаёт. Знает рассудок понятия все, применять он умеет приёмы, Разум – другие куёт, расширяя познания объёмы. Строит рассудок железные силло-гизмы И совершенствовать может он всякие «измы». Формой всегда он си-лён, его выводы строгие, ясные; Но где важна новизна, там они зачастую на-прасные. Сам доказал он, что этим путём невозможно Вывести всё, что быва-ет на деле не ложно.

Разум тогда выступает носителем правды космической, С логикой творческой, сложной, диалектической. Первый в ней принцип – единство противоположного, Недопустимое вроде с позиций в рассудке возможного. Всё же тут нет против логики общей вины: Стороны эти в реальности разведены. Есть у любого предмета и левый, и правый бока – Цел же предмет, середина бытует пока. Атома нет без протонов и электронов, Но лишь пока их пространство разъединяет. Если ж сольются они, в нарушение обычных зако-нов, Каждый из них обязательно погибает.

Это сторон разведение – развития всякого суть. Верен сей принцип для всех, кто и что ты ни будь. Но разведение всегда происходит на общей основе; Стало быть – нет ничего, что совсем уже было бы внове. И никогда окончательно связь меж частями не рвётся, Но обязательно в чём-то она остаётся. Части всегда друг на друга подспудно влияют, Даже когда ни волной и ни телом не ударяют. Связь «безударную» эту зовут нелокальной, И по значенью бывает она радикальной. Это особенно явственно в квантовом мире,

Но проявляется в жизни намного важнее и шире.

Что ж не признали тех связей учёные-физики? Им помешали философы-метафизики. Ведь метафизик уверен, что связи везде лишь такие, Как у шаров на столе бильярдном под действием кия. Ньютон великий открыл – тяготение действует сразу, Но под влиянием Локка изрёк он лукавую фразу: Мол, объяснять не берусь, не поскольку не понимаю, Просто я гордый такой, что «гипотез не измышляю».

Релятивисты влияют на квантовых физиков чаще, Но их разлапистый хрен той же доковой редьки не слаще. Связи те физики знают опять лишь локальные, И не решают проблемы свои кардинальные, Вроде единства по-лей или квантовой гравитации. Зато с апломбом читают «профанам» нота-ции, Что объективной де связи нет в квантовом мире И вообще, «если смот-рим смелее и шире», И де для здравого смысла нет в физике места. Это ола-дьи из солипсистского теста.

Все же надежду на правду даёт нам сейчас синергетика, То есть ученье Пригожина о самоорганизации. Мыслит она нелинейно, как диалектика, И в современной науке весьма высоки её акции. Как диалектика, видит она нелокальные Связи в творении, общие и глобальные, Видит стремление в мире к разнообразию, Знает процессы рождения скачкообразные, Невозвращенье открыла к тому, что когда-либо пройдено: Признак развития, времени сущность и родина.

Чтобы раскрыть хоть немного законы развития, Надо понятия знать, одного маловато наития. Слово «количество» значит делимость на части, «Качество» – место в системе и в жизни участие, «Мера» – количество-расстояние Меж разными качественными состояниями. Если достигнет в развитии мера предела, Быстрым скачком изменяется качество тела: Прежде – в породу свою же, хоть внешне – в другое, Ну а потом и в «иное», уже совершенно чужое. Лёд, и снежинки, и пар суть всё та же вода, Лишь изменения формы тут видим всегда. Но если пар свыше меры своей нагревается, Он неизбежно на атомы распадается; Если ж до степени плазмы нагрев доберёт-ся, То от воды уже признаков не остаётся. Так же и сущность природы мате-риальная Может, скачок за скачком, порождать идеальное.

Но есть возврат в каждом следующем отрицании Снова к тому, что цвело в бытии ещё ранее. Этот возврат, очевидно, не полон: ведь новое тоже В очередной тот продукт отрицания вхоже. В синтезе, тезис и «минус» его – антитезис Соединяются, даже друг другу не грезясь. Всюду в развитии действует эта триада, Больше ступеней прогресса и нет, и не надо.

Вот и в пространстве находим лишь три измерения, Три состояния знаем мы только во времени. Кто ищет больше – иль болен рассудком печально, Или же связи любые решил толковать он локально, И усложняет в научном своём огороде То, что решается просто в реальной природе.

Тут уж пути самой логики неполюгие Прямо приводят нас к онтологии [1].

Литература:

1. Самченко В.Н. Философия: учеб.-метод. комплекс. – Красноярск: КрасГАУ, 2010. – 346 с.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ХАРИЗМЫ

Большинству людей, употребляющих слово «харизма», было бы очень трудно объяснить его значение, поскольку ныне, когда оно стало модным, харизматичными стали объявлять всех, кто хоть как-то выделяется из общей массы людей. О харизме сегодня говорят как о полезном качестве личности, которое очень помогает в построении карьеры и, соответственно, способствует материальному благополучию. Наличие такого редкого качества очень тешит личное самолюбие, поскольку оказывать влияние и управлять хочет каждый, но не каждый может. О истинном предназначении этого явления, феномена мало кто задумывается. А ведь харизма весьма обременяющий «подарок». И дается она не для обогащения и славы, а для более возвышенных целей.

Человечество вот уже на протяжении нескольких тысяч лет существует на планете Земля. Однако человек никогда не был до конца приспособлен к полноценной жизни, всегда был «чужим». Стихия убивает его, и он не может бороться с ней в одиночку. Если другим обитателям планеты – представителям флоры и фауны вовсе не требуется каких-то особых средств для поддержания жизни (кроме пищи, воды и укрытия, разумеется), то человеку необходимо множество, выдуманных им самим же вещей. Поэтому забота о материальной составляющей личности вызывает у человека бесконечную тревогу.

Также печально обстоят дела и с духовной и социальной составляющими – в обществе богатых и бедных, сильных и слабых, здоровых и больных человеку тяжело существовать, не нарушая внешней и внутренней гармонии. Несправедливость, лишения, страх, боль, смерть... Таким образом, на протяжении всей истории, личность постоянно сталкивается с проблемой отчуждения.

С позиции христианской философии, харизма является Божьим даром, который получает личность для реализации своей земной миссии. Слово «харизма» пришло к нам из церковной сферы, в Библии им обозначается то, что получили апостолы в помощь от Иисуса Христа. Христос поставил перед ними задачу – идти по миру и проповедовать идеи новой религии. Для этого Он посодествовал, чтобы апостолы получили харизму – особую благодать, способность влиять на других людей, увлекать их, вести за собой. Харизма дает им уникальное право давать веру, надежду и любовь.

Согласно христианским канонам союз Веры, Надежды и Любви для человека является «залогом» спасения. В западной и отечественной философской традиции вера, надежда и любовь, как известно, являются «положительными» экзистенциалами человеческого бытия. Если рассматривать их связь с харизмой каждый по отдельности и в совокупности, то получаются весьма интересные выводы.

Любовь к ближнему покоится на любви к Богу, ведь Бог, наделив апостолов харизмой, делился с ними своей любовью к людям – своим детям. То есть харизма несла также божью любовь, которая должна была способствовать

обращению людей в истинную веру и привести их души к спасению. Кроме того, любовь как и девять даров святого Духа является высшим из даров и есть условие объединения всех других в одной личности (1-е Коринфянам. 12—15). [1]

Харизматическая личность для религиозного человека – и символ веры в Бога, его благодать, но и реальный пример для подражания и наглядности божественного. С верой связана диалогичность религиозного сознания. Вера в объективное существование существ включает веру в общение с ними, а такое общение предполагает диалог. Диалог реализуется в богослужении, молитве, медитации, с помощью звучащей или внутренней речи. Диалог с харизматической личностью (через текст, молитву, визуализацию) возбуждает у верующего эмоциональный подъем, «озарение». [2]

Надежда – это акт веры человеческого существа в возможность Божьей помощи и акт доверия и верности индивида Абсолютному и Совершенному Началу, содержащемуся в его душе. Существовая в неразрывной взаимосвязи с любовью и верой (верностью), надежда являются мировоззренческой опорой человека, центром духовного освоения индивидом окружающего мира, ориентиром смыслоопределения личности. Отношение человека к Богу, говорит Марсель, имеет эмоциональный, интимный характер любви, основывается на вере (верности) и надежде, на благоговении и преклонении перед Высшим Существом.[3, с. 243]

Таким образом, пророки, мессии и святые имеют такой огромный авторитет перед своими почитателями, потому что являются в их глазах идеалами человека. Идеал – образец для подражания и таковой есть во всех религиях. Идеал является наиболее действенной мировоззренческой, ценностной ориентацией личности. На основе идеала формируются психологические и социальные установки личности как определенная настроенность, готовность к действию, способность выбора поведения и ценностей. Идеалы и социальные установки составляют неотъемлемые компоненты убеждений. Крайне экзальтированной, личностной формой идеала в обыденном сознании практически является харизма [4, с. 151]

Выводы. Основываясь на вышеописанном, можно сделать вывод, что харизма должна даваться исключительно наиболее достойным представителям человечества. Это личности, обладающие исключительно положительными качествами, такими как нравственность, скромность, мудрость, благородство, милосердие, духовность, святость. В них не может быть злобы, коварства, корысти, зависти, гордыни. Именно поэтому они могут стать образцом для окружающих и оказывать влияние на их мысли и поступки. Если харизму объяснять исключительно с позиции теологии, то вполне ясно вырисовывается ее миссия. Любовь и добро – вот, в принципе и все, что должны нести харизматики. Увы, такое суждение является ошибочным.

Бог наделил ею не только святых, но и полных им антиподов. Как и везде, здесь человеку снова нужно выбирать с кем он – с Богом или с дьяволом. Харизматики порой, подобно Змею-искусителю, сбивают человека с истинного пути и увлекают его так, что он уже не в состоянии вернуться к первоначальному состоянию своей души. Однако, они же делают человека счастливым.

Литература:

1. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.
2. Швецова Н. А. Феномен харизмы в общественном сознании : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Швецова Наталья Анатольевна. – Пермь, 2007. – 162 с.
3. Бурханов А.Р. Экзистенциал надежды в теистической философии Габриэля Марселя// Молодой учёный: ежемесячный научный журнал. –
4. Швецова Н.А. Феномен харизмы в современном религиозном сознании// Вестник ОГУ. – 2007. - №7. – с. 151

Стовпець О. В.

**ФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ «КУЛЬТУРА»
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Международные отношения, так или иначе, всегда имеют культурный контекст, а мировая история (в основе которой и лежат международные отношения) приобретает те или иные формы во многом под влиянием такой категории, как культура. При этом очень важным и достаточно неоднозначным фактором является интерпретация в разные эпохи самой категории «культура» и переосмысление её роли в сфере международных отношений.

Представляется, что объективная оценка современных событий была бы затруднительной без философского анализа поворотных моментов предшествующего исторического периода, озаменованного, по мнению разных исследователей, т.н. парадигмальными сдвигами – лингвистическим, когнитивным, историческим. Культурологи даже ведут речь о парадигмальной революции в социальных науках, которая имела место на рубеже 1970-80-х и получила название «культурного поворота». В нем воплотилось завершение более чем векового господства позитивизма в разных редакциях и интерпретациях. Само понятие «поворот» в философии науки означает качественные изменения в системах производства и репрезентации знания, сдвиг в теории и практике познания. Это «момент» если не смены, то появления иного ракурса социально-философского исследования.

«Культурный поворот» позволил переосмыслить методологические инструменты теоретического анализа, и обогатил концептуальный и понятийный аппарат социальных наук. Он способствовал зарождению новых теоретических направлений, например, в исследовании международной безопасности (разработка концепции «стратегической культуры»), и охватил практически все сферы гуманитарного познания, оказав влияние на теорию международных отношений.

Исследования, так или иначе оперирующие категорией культуры (постмодернизм, критическая теория, конструктивизм и др.), начали активно развиваться с наступлением 1980-х гг. Каждое из них на своем языке и с разной степенью успеха бросало «вызов» политическому реализму. Огромное разнообразие точек зрения, опора на разные

интеллектуальные традиции, попытки выработать свою или использовать чужую методологию исследования, стали присущи «нормальному» состоянию когнитивного процесса. Свидетельством признания ценности культурного подхода к исследованиям международных отношений стало выступление профессора Университета Калифорнии в Беркли, президента Американской ассоциации политической науки (American Political Science Association) А. Вильдавского в 1987 году [1]. Его обращение к проблемам политической культуры и культурным аспектам принятия решений в международных отношениях, стало знаковым событием для американской академической среды. Сторонники нового направления поставили под сомнение фундаментальные основы, на которые опирались исследователи-международники в предшествующую эпоху. Как подчёркивал американский специалист Дж. Дериан, «...это не значит, что международные отношения переживают еще один «кризис», но это означает необходимость признать, что международные отношения подвергаются эпистемологической критике, которая ставит под вопрос сам язык, концепции, методы и господствующий дискурс в целом» [2].

Распространение представлений о многообразии концепций культуры способствовало созданию «конкурентной среды» в научной деятельности: отныне никакая интерпретация имеющихся данных о мире, полученных политологами, социологами, экономистами, военными, естественниками и др. не могла считаться единственно возможной. Исследователь лишь избирает одну из интерпретаций, исходя из её способности обеспечивать приемлемые объяснения изучаемых явлений, а в особых случаях, при резких изменениях в культурном контексте и смене универсалий, – следуя «духу времени».

В теории международных отношений «культурный поворот» является сложным, многосоставным и многовекторным явлением. На первом этапе он был связан с обращением к культурной антропологии. О связи культуры и политики писали авторы разных эпох. Считается, что впервые термин «культура» употребил еще древнеримский мыслитель Марк Туллий Цицерон (43-16 гг. до н.э.). Он использовал сельскохозяйственную метафору – «cultura animi», ранее употребленную в работе о земледелии Катона Старшего, применив её к философии в телеологическом смысле (в качестве высшего естественного идеала для развития человека). Цицерон противопоставил понятие культуры понятию природы, подчеркнув тем самым, что она является продуктом деятельности самих людей. Позднее, во многом повторяя эту идею, Г. Гегель скажет, что культура – это созданная человеком «вторая природа» (altera natura). Однако в целом смысл концепции изначально был весьма неопределённым. В XVII ст. немецкий мыслитель С. Пуфендорф отождествлял культуру со всеми способами, которыми человек может преодолеть своё природное варварство и превратиться в полноценного индивида.

Постепенно категория «культура» начала, помимо описательной, выполнять и эпистемологическую функцию, позволяя выявить наиболее важные черты в познании коллективности. Однако такое её применение ещё долгое время оставалось крайне непоследовательным и было уделом

узкого круга мыслителей. Примечательно, что интерес к феномену культуры обнаруживал и один из «отцов-основателей» консерватизма – английский политик и мыслитель Э. Бёрк. Он увлекся изучением индийской цивилизации, которую в конце XVIII столетия рассматривали в Британии как возможную компенсацию за утрату американских колоний, и даже снискал репутацию наиболее компетентного политика в «индийском вопросе» [3]. Э. Бёрк настаивал на необходимости уважения культуры и традиций местного населения. Такой интерес к другой стране побудил его обратиться к осмыслению значения и сущности культуры как таковой.

В ту же эпоху во Франции понятие культуры использовалось как синоним всего, что может быть обретоно с помощью образования. Особое значение этот феномен приобрел в размышлениях французских консервативных мыслителей Л. Бональда, Ж. де Местра, А. де Токвиля. Они обратили внимание на «опасность возрастания роли масс» по мере развития промышленного производства, вульгаризацию общества и утрату «высокой культуры», носителем которой, по их мнению, является элита. Немецкие же представления о культуре формировались в контексте политической фрагментации, затянувшейся до объединения Германии в 1870 году. В этих условиях неизбежно возник тезис о том, что культура должна стать инструментом обеспечения национального единства в ситуации, когда политический союз отсутствовал. Причем, если И. Кант подходил к этому понятию с философско-антропологической позиции, то уже Й. фон Гердер и другие романтики демонстрировали интерес к «духу времени» и «национальному духу», то есть рассматривали культуру в социально-историческом ключе.

Германские философы предложили использовать понятие «культуры» в двух смыслах: 1) как «дух народа», определяющий его уникальную идентичность; 2) как культивирование, вос-питание внутренне свободной индивидуальности. Позднее историк Л. фон Ранке особое внимание уделил антирационалистическому национальному историцизму: право, язык, традиции и обычаи, и все остальные культурные явления предстают у него как манифестация национального духа, пронизывающего все формы жизни. Л. фон Ранке интересовали формирующие гипотезы, без познания которых история, как он считал, становится лишь хаосом фактов.

С XVIII века в оборот постепенно входит также понятие «цивилизация». С этого времени начинается перманентный процесс содержательного уточнения многогранной категории «культура», которая становится центральной концепцией антропологии. Последняя пытается найти ответы на вопросы о том, каким образом культура транслируется во времени от поколения к поколению, и в пространстве – от этноса к этносу, от одной нации к другой, а также каково содержательное наполнение взаимодействия культур, – иными словами, каковы механизмы и векторы их развития.

Идею о том, что культура может оказаться весьма действенным инструментом решения политических задач, также сформулировал в XIX в. русский экономист П. Струве. По его мнению, культура представляет собой сознательное создание среды, в которой осуществляется поиск идентичности как индивидом, так и обществом в целом. Однако в контексте

теории международных отношений, пожалуй, наибольшее значение имеют исследования американского антрополога Э. Тайлора. В 1865 г. он определил культуру как «комплексное целое, включающее знания, верования, мораль, право, обычаи и многие другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества, которые можно оценить и измерить» [4].

Э. Тайлор стремился выявить, прежде всего, социальные измерения культуры, например, традиции. В своих работах он также активно использовал понятие «цивилизации» для обозначения «большой культуры». Как основатель «эволюционной теории» развития культуры, Э. Тайлор рассматривал культуру как сознательно созданный рациональный механизм совершенствования жизни людей в том или ином обществе. В этом смысле можно говорить о некоем взаимном наложении понятий «культура» и «цивилизация». В американской антропологии категория культуры употребляется в двух смыслах: 1) как развитая человеческая способность классифицировать и представлять свой опыт в виде символов, и творчески действовать на основе воображения; 2) как различные образы жизни, практикуемые в разных частях света.

В целом же представляется, что в теории международных отношений преобладает англо-американская интерпретация понятий, подразумевающая, что культура без цивилизации невозможна, поскольку культура как локально переживаемый опыт всегда опосредуется цивилизацией. Цивилизация же – чисто абстрактная универсалия, обретающая свою конкретность только через культуру (а точнее – через национальные культуры).

Литература:

1. Wildavsky A. Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation // American Political Science Review. – Vol. 81. – 1987. – P. 3-21.
2. Derian J. Introducing Philosophical Traditions in International Relations // Millennium. – Vol. 17. – № 2. – 1988. – P. 189.
3. Kramnik I. The Rage of Edmund Burke. – N.-Y., 1979. – P. 196.
4. Kelley D. The Old Cultural History // History of the Human Sciences. – 1996. – P. 109.

Сухина И. Г.

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ: ЦЕННОСТНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

На современном этапе культурно-исторического развития в условиях полномасштабной научно-технической модернизации культурогенной деятельности человека, глобализации ее преобразующего влияния на среду, становления глобального культурного миро-пространства, и вместе с тем обострения глобальных проблем мирового развития, ставящих под вопрос возможность продолжения человеческой истории, обращение к проблемам культуры, ее ценностно-антропологическим основаниям, закономерно.

Культура является исторически развивающейся системой ценностей,

выступающей в качестве системы всеобщих принципов смыслообразования и производных от него артефактов, в совокупности своей удостоверяющих сверхприродный – культурогенный характер человеческого бытия в мире, раскрывающий свою ценностно-смысловую содержательность как историю.

Понимание культуры как развивающейся во времени системы ценностей/принципов смыслообразования, предполагает понимание времени сообразно с культурогенной жизнедеятельностью человека, как важнейшего элемента организации и осуществления объективирующего ценности и удостоверяющего оптимальное состояние человеческого бытия в мире культуротворческого процесса. Тем самым человеческое бытие как культура и процесс культуротворчества раскрывается в качестве историчности.

Историчность человеческого бытия надо понимать, прежде всего, как такую его временную организацию, которая связана с конституирующим культуру культуротворческим процессом. Историчность надо рассматривать формой и способом существования культуры; поэтому российские философы Ю.Жданов и В.Давидович подчеркивают: «культура во всех своих проявлениях глубоко исторична» [2, с. 387]. Это предполагает определение человеком ценности времени как своей истории, его культуротворческого значения. То, что человек имеет историю, не случайное обстоятельство, но представляет собой способ человеческого бытия, которым является культура.

Русский философ М.Туровский предлагает рассматривать историю как «развитие человеческой деятельности или применение способностей человека для реализации им своего человеческого существования» [5, с. 334]. В той мере, в какой человек раскрывает качества субъекта универсальной, динамичной и продуктивной, т.е. культурогенной, по сути, деятельности, он стремится к власти над временем, т.е. организации времени как процесса, с присущими ему ритмичностью, последовательностью, актуальным смысловым содержанием, которые определяются самой его жизнью.

Человек стремится не только жить во времени, но и переживать его как творение и утверждение нового, что характеризует культуротворческую субъектность человека как его специфически видовую особенность. Человеческая история имеет субъектный характер и должна пониматься, прежде всего, как история культуры, культуротворчества, выступающего движущей ее силой, т.е. в качестве культурно-исторического процесса.

Так, например, М.Туровский отмечает, что «... история предстает в аспекте человеческих свершений и формирования в их ходе не только общественных установлений, но прежде всего самого человека в качестве субъекта исторического процесса, каковым он предстает лишь в меру личностного освоения исторического опыта человечества или своей родовой сущности. Этот субъектный аспект истории и выступает как культура» [5, с. 336]. «Такое понимание культуры, утверждает Туровский, дает основание считать, что она является базисным аспектом исторического процесса, и что, соответственно, содержание истории существования людей формируется в силу и меру их самореализации и самосознания» [5, с. 336].

Посредством культуры как развертывающегося в пространстве и времени

(объективирующего ценности) универсального культуротворческого процесса человек творит себя и свою историю. Поскольку история есть взятый во времени процесс культурогенной человеческой деятельности, постольку именно человеком-субъектом осуществляется закономерность ее развития. Украинский философ С.Крымский указывает на то, что «история есть процессуально-временное раскрытие человеческого присутствия в мире» [4, с. 211]. Крымский акцентирует ценностный характер человеческой истории: «история отличается от обыденности высокими ценностными смыслами и целями, которые ставит перед собой человек» [4, с. 211].

Ценностное понимание истории в том, что она представляется знанием о человеке как самоопределяющемся культурогенном субъекте. Согласно с этим, история – не просто факт, а именно культурный артефакт, в котором объективируется характер эволюции и смены состояний ценностного – культуротворческого отношения человека к доступной действительности.

История обусловлена развитием ценностей, определяющих жизненные стремления и цели человека, его деятельность, сублимирующих смысловые интенции его бытия; ценности – наиболее полное и аутентичное стремление человека осмыслить и внести значимость в бытие, соответствующим образом его пресуществить. «Ценность, как пишет российский философ И.Докучаев, есть интеграл всех явлений (модификаций) человеческого бытия» [1, с. 15].

История представляет собой реализацию ценностей во времени, т.е. культурно-исторический процесс как осуществляемый на всем протяжении человеческой истории процесс культуротворчества. Ценности, которые объективируются в культуре и при помощи ее (если трактовать культуру синонимом творчества), осуществляют определяющее влияние на историю.

Если говорить о фундаментальных – ценностно-антропологических основаниях и началах культуры, человек как субъект ценностного отношения к действительности, выступающий как исторический субъект культуры, есть существо творческое, динамичное, постоянно действующее в направлении самореализации; это характеризует человеческую личность как таковую, являющуюся действующим началом процесса освоения мира человечеством.

Понимание соотношения культуры и истории должно исходить из того, что человеческая история всегда связана с объективирующей ценности сознательно-мотивированной субъектностью человека, которая в своем адекватном – творчески-конструктивном воплощении творит культуру как мир подлинно человеческого бытия. Культура как мир и система предметных ценностей, созданных и постоянно создаваемых человеком-субъектом, является определяющим началом человеческой истории, которая имеет субъектный характер и должна пониматься как история культуры. Именно в культуре сублимируются все подлинные достижения человеческой истории.

Постановка проблемы о соотношении культуры и истории и такое ее решение – с позиции ценностно-антропологических оснований культуры как аутентичности человеческого бытия в мире, имеющего историческое измерение, особенно актуальна в силу того, что «в современную эпоху

локальные культурно-исторические процессы сливаются в целостный мировой культурно-исторический процесс... Антропологическое единство человечества как биологического рода дополняется ныне его культурным единством» [3, с. 416]. Такая постановка проблемы показывает, что судьбы мира в конечном итоге зависят от связанных с культурогенной человеческой жизнедеятельностью вопросов ценностного или аксиологического порядка.

Литература:

1. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И.И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.
2. Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович // Сущность культуры / Жданов Ю.А., Давидович В.Е. – Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005. – 432 с.
3. Кармин А.С. Культурология / Кармин А.С., Новикова Е.С. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
4. Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов / С.Б. Крымский. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.
5. Туровский М.Б. Философские основания культурологии / М.Б. Туровский. – М.: РОССПЭН, 1997. – 440 с.

Секція «Сучасна освіта: методологія, теорія і практика»

Секция «Современное образование: методология, теория и практика»

Аблаев Э. А.

УЧИТЕЛЬ В ДОСТИЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ШКОЛЫ

Что же представляет собой японская школа сегодня? Каковы ее успехи, так привлекающие педагогов и учителей разных стран мира? Вопросы эти не праздные. И не случайно сегодня японскую школу пристально изучают ученые разных стран мира. Неоспоримые факторы свидетельствуют об огромной роли образования в современном экономическом развитии страны. Япония становится очевидным конкурентом многих стран, превосходя эти страны по многим параметрам экономической и научной сферы. Изучая корни конкурентоспособности Японии, многие ученые считают народное образование одним из факторов, способствующих ее процветанию.

Итак, переходя к оценкам современной теории и практики воспитания и образования в Японии, хотим напомнить, из каких звеньев складывается сегодня система образования подрастающего поколения и представить в цифрах наполняемость ее отдельных звеньев от детских садов и до университетов.

Структура 6+3+3+4 действует и в наши дни. Ее предваряет дошкольное воспитание детей (в возрасте от 3 до 6 лет). В 15076 детских садах (из них частных 8785) содержится 2007964 детей (все цифры даны на май 2010 года). Новый учебный год в Японии начинается в апреле, в соответствии с началом финансового года. Более 60% детей посещают детские сады. Помимо этого в Японии существует широко разветвленная сеть ясель, которая находится

в ведении Министерства образования. Эти ясли охватывают детей с самого раннего возраста до 6 лет по желанию родителей.

Начальная школа (их около 25 тысяч: государственных - 73, муниципальных - более 24 тысяч, около 170 частных школ) насчитывает 9373295 учащихся. В каждой школе примерно 400 детей, в каждом классе - 30 человек, с равным количеством девочек и мальчиков. В начальных классах работает 444218 учителей, из них учительниц 57,7%.

Начальная школа бесплатная.

В учебный план начальной школы входят учебные предметы, указанные в Таблице 1, здесь указано количество часов на каждый предмет (занятия по 45 минут).

Таблица № 1

Предметы	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	6 класс
Японский язык	272	280	280	280	210	210
Обществоведение	68	70	105	105	105	105
Арифметика	136	175	175	175	175	175
Естественные науки	68	70	105	105	105	105
Изучение окружающей среды	102	105	—	—	—	—
Музыка	68	70	70	70	70	70
Черчение и труд	68	70	70	70	70	70
Домоводство	—	—	—	—	70	70
Физическое воспитание	102	105	105	105	105	105
Нравственное воспитание	34	35	35	35	35	35
Специальные занятия: 1) работа в классе дискуссии детей 2) деятельность детских обществ 3) клубная работа	34	35	35	70	70	70
Всего	850	910	980	1015	1015	1015

Следующий этап - неполная бесплатная школа принимает учащихся без экзаменов, возраст 12 лет.

В 11275 таких школах (из них государственных - 78, муниципальных - 10588, частных - 609) обучается 5369162 человека. На каждую школу приходится в среднем 500 учащихся и около 40 учеников на каждый класс. В этих школах работает 286065 преподавателей, из которых учительниц - только 35%.

Таблица 2 показывает, какие предметы изучаются в неполной средней школе и сколько часов отводится на каждый предмет (каждый урок - 50 минут).

Таблиця № 2

Предметы	7 класс	8 класс	9 класс
Обязательные предметы			
Японский язык	175	140	140
Обществоведение	140	140	105
Математика	105	140	140
Естественные науки	105	105	140
Музыка	70	70	35
Искусства	70	70	35
Здоровье и физическое воспитание	105	105	105
Промышленные искусства и домо-водство	70	70	105
Нравственное воспитание	35	35	35
Специальные занятия	70	70	70
Предметы по выбору			
Всего	1050	1050	1050

И, наконец, старшая или полная средняя школа.

В нее поступают в 15-летнем возрасте после успешной сдачи вступительных экзаменов.

Срок обучения три года - до 18 лет. В 5506 таких школах (государственных - 17, муниципальных - 4177, частных 1312) обучаются 5623336 учащихся (из них в вечерних школах более 152 тыс. человек. В этих школах работают 286006 учителей, из них до 80% мужчины.

Учебный план старшей средней школы состоит из указанных в Таблице 3 предметов.

Таблиця 3

Японский язык	17 кредитов
Обществоведение	20 кредитов
Математика	19 кредитов
Естественные науки	22 кредита
Физическое воспитание и здоровье	11 кредитов
Искусство	24 кредита
Иностранные языки	18 кредитов
Домоводство и экономика	4 кредита

Число часов, отводимых на каждый предмет обозначено в так называемых кредитах. Система учета в кредитах заимствована из практики американской школы. Один кредит засчитывается за 35 классных уроков по 50 мин.

Все высшие учебные заведения, за исключением университетов (из 507, из них частных - 372, делятся в зависимости от сроков обучения на полные и краткосрочные, т. е. (колледжи), причем последние составляют более

половины всех вузов.

В вузах полный срок обучения 4 года (на медицинском, стоматологическом и ветеринарном факультетах - 6 лет, а в краткосрочных в основном 2 года).

Необходимо сказать хотя бы вкратце о так называемом «общественном образовании», рассчитанном на взрослых и работающую молодежь. Существующая ныне система образования призывает людей учиться на протяжении всей своей жизни.

Общественное образование находится в ведении префектур и местных органов власти.

Такова в самых общих чертах система образования Японии.

Японские ученые - педагоги, историки, экономисты и представители иных профессий единодушно отмечают, что неуклонный рост и развитие образования способствовали экономическому процветанию страны.

В Японии отсутствие социальных, политических и экономических барьеров делает образования доступным для самых различных слоев молодого поколения.

С одной стороны это соответствует требованиям развивающегося общества, с другой - помогает избежать безработицы в среде молодежи. Процент окончивших полную среднюю школу весьма высок, хотя учеба в ней не является обязательной, а школа платная.

Но, не взирая на социальное положение, здесь обучаются почти все. Иными словами, общество осознано, что успех экономики определяет не происхождение, а усердие каждой личности. И этот курс оправдал себя. Достаточно сказать о несомненном успехе японских школьников на международных олимпиадах. Результаты этих олимпиад позволяют скорректировать уровень образования в разных странах мира.

Вот как были распределены страны:

Таблица 4

Математика	Естествознание	Обществоведение
Япония - 8.55 СНГ-7.21 Германия - 6.90 Франция - 6.75 США - 5.63 Англия - 5.58	Япония - 8.05 СНГ-7.14 Франция - 6.83 Германия - 6.81 США - 6.36 Англия-6.16	Германия - 6.81 США- 6.77 Англия - 6.67 СНГ-6.14 Япония - 7.09 Франция - 5.66
Родной язык		Иностранный язык
Франция-8.17 СНГ - 7.42 Германия - 7.41 Япония-7.32 Англия - 6.92 США-6.31		Германия - 7.13 СНГ - 6.71 Франция - 5.50 США-4.68 Япония - 4.59 Англия — 4.50

Данные этой схемы показывают превосходство японских школьников в знаниях по математике и естественным предметам.

Вот некоторые интересные, на наш взгляд, цифровые факты: японские дети отдыхают летом не три месяца, а всего 40 дней.

Американцы посещают школу в течение 180 дней в году, японцы - 240, за

счет более продолжительного учебного дня, включая субботу.

Для сравнения: дети Германии учатся 210-220 дней в году, в России -205, Украине - 221, в Англии - 192, во Франции - 185, в США - 180.

По мнению зарубежных исследователей высокому уровню образования в Японии способствуют и родители, особенно матери. В прессе их так и характеризуют: «помешанные на образовании своих детей».

Уровень образования родителей достаточно высок и они убеждены в том, что их роль — обеспечить такой же высокий уровень образования и своим детям и в школе и в высшем учебном заведении. И действительно, не учитель, а мать первая учит читать и писать своего ребенка. Если малых заболел, она садится за парту вместо него и, усвоив урок, передает его с точностью ребенку.

В Японии существует 50(!) журналов для родителей только дошкольного возраста. Каждая семья имеет рабочий уголок для ребенка, где предусмотрено все, вплоть до кнопки, которая позволяет ребенку вызвать мать из кухни, если в этом возникает необходимость. Пока ребенок маленький - матери, как правило,

не работают. Их не случайно считают верными и надежными агентами системы образования.

Профессионализм японских учителей, их крайне ответственное отношение к своему делу, любовь и вера в каждого ребенка — также важнейший фактор японского образования. Собственно учитель живет жизнью своего подопечного и каждый успех такового на конкурсных экзаменах при поступлении в полную среднюю школу, а затем, и в высшие учебные заведения украшает учителя ни с чем не сравнимой моральной наградой. Для японского учителя все дети равны, нет слабых или сильных, а есть — ленивые или прилежные. Этот подход резко отличается от мнения учителей многих западных стран, где превалирует биоло-гизаторская педагогическая концепция о неизменности якобы врожденных умственных способностей. Даже слабые дети занимаются по одной и той же программе, лишь в замедленном темпе. Их отставание от более сильных навёрстывается эффективным обучением и вот результат - математические знания и навыки у японцев сформированы лучше, чем у детей в других странах. Этим объясняются их успехи на международных олимпиадах.

Уроки в японских начальных школах проходят шумно.

Учитель не только не обращает внимания на невообразимый гвалт, а на-против, доволен, что смог вызвать бурную реакцию детей в ответ на свои во-просы или задания. Японский учитель не чуждается детей. Он отдает им свое время. Учат их играть на инструментах, красиво писать иероглифы, заниматься спортом. Учителя считают, что творчество приходит к ребенку вместе с мастерством, а обязанность учителя и школы — учить этому мастерству.

В Японии нет особых программ для одаренных детей. Японцы считают -все дети от рождения равны по своим способностям и поэтому ко всем следует относиться с равной меркой. Они уверены, что успех ребенка в учебе зависит от его усилий и от учителя, который эти усилия направит в нужное русло.

В японских школах не принята практика второгодничества. Даже у самых слабых учащихся не возникает устойчивой мотивации против школьного обучения. Поэтому слабые дети, привлекая к себе большое внимание педагогов, вместе с остальными из года в год переводятся в следующий класс.

Система оценки знаний в японской школе совсем не похожа на привычную для них. Детей не принято публично оповещать об их успехах или неудачах. Учитель делает пометки об успеваемости в своем журнале, но претензии или похвалы высказывает каждому ученику индивидуально.

Хотя объективно учащиеся и осознают, кто из них на что способен, соревнование между ними не поощряется. Ни лучшие, ни слабые не выделяются как учителями, так и учениками.

Хорошо и доброкачественно учить детей, наполнять их душу чистотой и светом, тело здоровьем, развивать любознательность и умение исследовать, создать для ребенка душевный комфорт в среде одноклассников - вот задачи, которые японский учитель ставит перед собой.

А «ларчик», хранивший в себе секрет японского опыта, открывается просто - доброта и гуманность по отношению к подрастающему поколению впоследствии становится экономическими категориями. Централизованное образование и воспитание способствует порядку и организованности в системе этого образования. Во всяком случае японский опыт заставляет о многом задуматься, в том числе и о позиции учителя спокойного, уверенного в правильности и нужности того, что и как он делает.

Такова общая характеристика школьного образования в Японии.

Литература:

1. The Brain Battle. U. S. News and World Report, 1987.
2. Cummings W. K. Education in Japan, 1995.
3. Duke B. The Japanese School. N. J., 1996.
4. Hasegawa Nyozeikan. Education and Culture in Japan, 1995.
5. Kobayashi Tetsuya. Society, School and Progress, 1986.
6. Nakano Akira. Moral Education. Tokyo, 1999.
7. Statistical abstract of Education. Tokyo, 1995.

Абрамова Н.Н.

КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ УЧИТЕЛЯ

Провозглашение новых идей и ценностей образования повлекло за собой ориентацию инновационного образовательного процесса на личностный рост учащихся, который немислим без аналогичного роста, изменения педагогов, постоянного профессионально-личностного самоопределения в постоянно изменяющихся условиях жизни и профессиональной деятельности. Современная социокультурная и экономическая ситуация в стране, приведшая к снижению социальной престижности педагогического образования и педагогической профессии, системный кризис, оказывающий негативное влияние на мироощущение

и менталитет современного учителя, превращают проблему непрерывного профессионально-личностного самоопределения педагога в одну из актуальнейших проблем педагогического образования, к исследованию которой педагогическая наука только приступила.

Комплексное исследование проблем формирования личности учителя осуществляется с конца 50-х - начала 60-х годов XX века и касается прежде всего развития его педагогических способностей, педагогического мастерства, фор-мирования профессионально значимых качеств личности, умений и навыков. (Ф.Н.Гоноболин, Н.В.Кузьмина, А.И.Щербаков и др.) Вместе с тем, личностные аспекты профессионального самоопределения учителя и развитие тех личностных структур, которые обеспечивают данный процесс, практически не являлись объектом психолого-педагогических исследований. Впервые о приоритетности изучения и формирования мотивационно-ценностных структур личности учителя, обеспечивающих его самоопределение в профессиональной деятельности заявлено в работе В.А.Сластенина «Формирование личности учителя в процессе его профессиональной подготовки». Ученый обращает внимание на необходимость рассматривать личность учителя не как набор качеств, а как целостное образование, как синтез многообразных способностей, «качеств ума, чувств и воли, системообразующим свойством которой выступает профессионально-педагогическая направленность, образующая каркас, вокруг которого komponуются основные свойства личности [1, с.65]. -263

Среди целого ряда подходов к исследованию проблем педагогического образования, особое место принадлежит культурологическому, что связано со спецификой объекта и предмета данных исследований, их направленностью на личностное развитие будущего учителя как важнейшее условие его профессио-нального становления. Данный процесс невозможен вне процесса превращения индивида в человека культуры. Изоморфность культуры истинной сущности человека очевидна: ибо, как вне культуры человек не способен стать человеком, так и культура не существует вне человека, она вбирает и несёт в себе творческую суть и целесообразную произвольность всегда только субъективной и всегда настолько же объективной человеческой деятельности. Взаимодействие человека и культуры существует и проявляется как диалектическое единство источника и результата их существования, в котором и тем и другим являются оба феномена, взаимопорождающих друг друга и не существующих друг без друга.

Анализ сущности культуры позволяет выделить те концепции, которые выступают в качестве методологических основ исследования проблемы культуры профессионально-личностного самоопределения учителя. Среди них особое значение принадлежит аксиологическому, рассматривающему культуру как систему ценностей, ценностных оценок и предпочтений каждого отдельного человека, определенных социальных общностей и общества в целом (С.Ф.Анисимов, О.Г.Дробницкий, А.Г.Здравомыслов, М.С.Коган, И.С.Кон, В.Л.оссовский, Д.Рикерт, Н.С.Розов, М.Рокич, Л.Н.Столович, В.П.Тугаринов, М.Шелер, В.А.Ядов и др.) Аксиология педагогического образования включает

в себя два направления: одно из них связано с разработкой аксиологических стратегий, которые могли бы стать основой функционирования и развития высшей педагогической школы (А.М.Бульнин, Б.С.Гершунский, Н.С.Розов, В.А.Сластёнин), другое – с исследованием процесса развития ценностного сознания и формирования профессионально-ценностных ориентаций учителя (Н.А.Астахова, Л.В.Блинов, И.Ф.Исаев, И.Л.Федотенко, Е.И.Шиянов и др.)

Не менее значим деятельностный подход к исследованию педагогических явлений, так как он отражает одну из модальностей целостного бытия культуры – процессуально-созидательную – и имеет особый смысл для изучения процес-са профессионально-личностного становления учителя, обладающего не только ценностными, но и деятельностными характеристиками. В современных кон-цепциях деятельности внимание с внешней, предметной деятельности, ориентированной на изменение человеком окружающего мира, перемещается на внутреннюю, направленную на изменение им самого себя и своего отношения к миру. (А.К.Абульханова-Славская, Б.Г.Ананьев, О.С.Анисимов, Г.С.Батищев, А.В.Брушлинский, Ю.В.Громько, В.П.Зинченко, Н.С.Злобин, Э.В.Ильенков, М.С.Каган, В.М.Розин, В.И.Слободчиков и др.) В центре педагогического образования становится самодеятельность учителя как процесс его самоизменения, принятия решений, определяющих выбор ценностей, целей и способов своей профессиональной жизнедеятельности.

В рамках антропологического подхода можно выделить несколько концепций, определяющих сущность культуры и характер взаимодействия человека с ней. Личностно-атрибутивная концепция культуры рассматривает культуру как раскрытие и проявление сущностных сил человека, его неповторимой личности, и выступает как характеристика самого человека, мера его развития. Данная концепция имеет, наряду с аксиологической, наиболее длительную историю своего существования, и развивается как в русле философской антропологии, так и психологических концепций (Б.Г.Ананьев, А.Г.Асмолов, А.Белый, М.М.Бахтин, В.В.Библер, К.Роджерс, А.Маслоу, М.Мамардашвили, В.А.Петровский, А.В.Петровский, И.И.Резвицкий, Э.Фромм и др.) Провозглашая центром и нервом культуры творческую индивидуальность личности, проявляющуюся в её способности к самодвижению и личностному росту в пространстве культуры, к культуротворчеству как обретению новых ценностей, смыслов, обогащению её своим личностным вкладом, современная гуманистическая в то же время видит уникальность отдельного человека как средоточие и идеальную представленность уникальности всего человеческого универсума.

Диалектика взаимосвязи и взаимообусловленности существования человека с человеком в культуре раскрыта в концепции «отражённой субъектности», или «концепции вкладов» В.А.Петровского, в концепции полифонии и «многомерного диалога» (М.М.Бахтин, М.С.Каган), в идее «диалога культур», который происходит не только в объективированной форме её существования, но и в создании отдельного человека 20 века (В.В.Библер), в герменевтике, открывшей существование множественности смыслов постижения одного и того же явления, понимание человеком

самого себя через понимание другого (В.Дильтей, П.Рикер, Х.Г.Гадамер, М.Хайдеггер), в концепции «школы анналов» (М.Блох, Л.Ферв, Ле Гофф), которая предлагает подход к изучению исторических процессов и социальной жизни на основе воссоздания и воспроизведения субъективных представлений современников о мире и самом себе.

Особую тональность понимания сущности культуры, специфичную для русской ментальности, отражает концепция этической духовности, согласно которой человек реализует себя как личность, лишь развивая в себе душевную духовность: способность к состраданию и сопереживанию, чуткость и отзывчивость, совестливость, ответственность за всё, что совершается вокруг него (Ф.М.Достоевский, Н.Я.Грот, И.А.Ильин, В.Соловьёв, Г.Федотов и др.) На этих гуманных идеях взращена педагогическая мысль, у истоков которой стояли Л.Н.Толстой, В.В.Розанов, С.И.Гессен и другие. Образование, по их мнению, призвано прежде всего изменять душу человека, утончать её требования, возвышать её стремления, делать её более отзывчивой и чуткой, должно быть направлено на духовное развитие человека, который был бы сосредоточен не на себе, а на других, человека совестливого, открытого и верного, умеющего соотносить свои интересы с интересами других людей. На основе развития данных идей развёртывается и обосновывается педагогика эмоционально-нравственного развития личности В.А.Сухомлинского, гуманистическая педагогика Ш.А.Амонашвили, теория воспитательных отношений И.П.Иванова, философия и педагогика «сопричастности», «безусловно ценностной посвящённости другим» Г.С.Батищова.

Вместе с тем существующие подходы к определению структуры профессионально-педагогической культуры недостаточно отражают динамические характеристики процесса профессионального становления как развёрнутого во времени, непрерывного процесса профессионального самоопределения и саморазвития учителя, осуществляемого в единстве с его личностным самоопределением и саморазвитием, а также не в полной мере объясняют те механизмы, которые обеспечивают перевод педагогической культуры общества в педагогическую культуру отдельной личности, самоопределение учителя в культуре и в профессиональной деятельности. Поиск такого системного, стержневого компонента, который позволил бы объединить статические и динамические характеристики профессионально-педагогической культуры и рассмотреть её как самоорганизующуюся систему, привели нас к феномену культуры самоопределения. Культуру профессионально-личностного самоопределения учителя мы рассматриваем как комплексную, интегративную характеристику личности, стержневой динамический компонент профессиональной культуры педагога, обеспечивающий его готовность к непрерывному процессу самоопределения и саморазвития. Педагогическое образование прежде всего призвано научить педагога воспринимать себя как человека, обладающего пока ещё не полностью раскрытым и реализованным потенциалом и берущего на себя ответственность постоянно делать выбор, касающийся целей жизни и профессиональной деятельности; обеспечить его становление как саморазвивающейся и самоадаптирующейся личности,

способной определять свой жизненный и профессиональный путь и готовой к решению сложных жизненных и профессиональных проблем.

Література:

1. СЛАСТЕНИН / В.А.Сластенин. - М.: Издательский дом МАГИСТР ПРЕСС, 2000. – 488 с.

Бахтіярова Х. Ш.

РІВНІ МЕТОДОЛОГІЧНОГО ЗНАННЯ В ПЕДАГОГІЦІ ВИЩОЇ ШКОЛИ

Рубіж ХХ-ХХІ століть увійде в історію освіти як період інтенсивного розвитку якісних перетворень у сфері вищої освіти, само ідентифікації національних систем вищої школи в умовах формування єдиного освітнього простору і найважливіших парадигмальних змін.

Парадигма – [з гр.paradigma – «зразок»] еталонні панівна теорія, покладена в основу вирішення теоретичних і практичних проблем .

Сьогодні в розвитку світової освіти переважають три основні парадигми;

- авторитарна;
- технологічна;
- гуманістична.

Основною ознакою авторитарної парадигми є домінуюча роль педагога, при цьому завданням освіти вважається наділенням студентів широким колом інформації про світ та його закони, викладання розуміється як «озброєння» учнів знаннями, а учіння – як складний процес засвоєння великої кількості інформації.

Технологічна парадигма характеризується приматом техніки й технологій над науковими та культурними цінностями, вузько прагматичною спрямованістю освіти.

У гуманістичній парадигмі основною цінністю виступає особистість людини з її здібностями та інтересами.

Отже, перед освітою постає завдання формування вільної особистості, що здатна самостійно мислити і приймати рішення, вдосконалювати себе і своє оточення.

Під впливом парадигм формувалися різні моделі освіти ;

- модель освіти як державно-відомчої установи ;
- традиційна модель освіти;
- модель розвиваючої освіти;
- раціоналістична модель освіти;
- феноменологічна модель освіти;
- не інституціональна модель освіти та інш.

Не важко визначити, яка освітня парадигма покладена в основу в тієї чи іншої моделі. Головним є, філософське та наукове осмислення феномену на підґрунті філософських концепцій та ідей, відповідають не тільки і не стільки на питання « що є змістом освіти», скільки на питання, як, яким чином та у який спосіб досягти ефективного результату навчання, при всезростаючому об'ємі наукових знань.

Як відомо, наука не стоїть на місці, вона весь час розвивається,

повповнюється новими знаннями.

Об'єктивність отриманого знання залежить перш за все від вибору методологій дослідження.

У науці визнано існування ієрархії методологій. У структурі методологічного знання виокремлюють чотири рівні: філософський, загальнонауковий, конкретно науковий, і технологічний. Усі зазначені рівні методології знаходяться в певній підпорядкованості і створюють складну систему.

Філософський рівень методології виступає як змістовна основа будь-якого методологічного знання, визначаючи світоглядні підходи, бачення процесу пізнання і перетворення дійсності. Сьогодні одночасно співіснують різні філософські вчення і ідеалізм, екзистенціалізм, неотомізм, неопозитивізм, холізм, прагматизм, діалектичний матеріалізм та інші, що виступають методологією людинознавчих наук, зокрема педагогіки.

Сучасні загально та конкретно науковий рівні методології педагогіки базуються на різноманітних наукових концепціях та підходах. Загальнонауковий рівень методології представлений історичним, логічним, синергетичним, системним та іншими підходами.

Конкретно-науковий рівень методології кожної науки і відповідно практики, що обслуговується нею, розкривається за допомогою специфічних підходів чи принципів. У сучасній педагогіці такими підходами є: особистісний, діяльнісний, діалогічний, культурологічний, емпіричний, технократичний, педоцентричний, аксіологічний, акмеологічний тощо.

Технологічний рівень методології становить методика і техніка дослідження, тобто набір процедур, що забезпечують отримання достовірною електричного матеріалу і його первинну обробку, після якої він може потрапити до масиву наукового знання. На цьому рівні методологічне знання, носить чітко виражений нормативний характер, основні положення якого віддзеркалюються у змісті освіти за різними напрямками підготовки.

Кожен з цих рівнів має відносну автономію. Методи кожного рівня мають специфіку, не виводяться прямо з методів інших рівнів, а лише можуть бути проявом, виявленням їх. Тут діє загальний принцип ієрархії і найбільш загальний рівень-філософська методологія – становить передумову дії інших рівнів, втілюється в них як загальне в особливому та одиничному.

Разом з тим, протиріччя між швидким темпом приросту знань у сучасному світі та обмеженими можливостями їх засвоєння примушує педагогічну теорію і практику рухатися від абсолютного освітнього ідеалу (всєбічно розвиненої особистості) до нового ідеалу максимального розвитку здібностей людини до самоосвіти. Якщо декілька десятиріч тому характерною для освіти була формула і знати все про дещо та дещо про все, то останнім часом народилася нова формула – знати про сутність усього, щоб пізнати нову сутність.

Отже, поширена формула нашого часу «Знати, вмiти, прагнути, встигати» є регулятором та певним чином стимулятором освіченості людини, що включає системність її мислення фахових знань, широкий словниковий запас, логічність, інтуїцію, здібності до самовдосконалення, та пошуку необхідної інформації. Таку якість добре відображає давній афоризм : «Освіта – це те, що залишається, коли забуваєш все, що вивчив».

РОЗКРИТТЯ КОНЦЕПТУАЛЬНИХ ПІДХОДІВ СУТНОСТІ ОСВІТИ

Одним з основних засобів розвитку особистості та формування її базової культури виступає саме сутність освіти. В залежності від існуючих концептуальних підходів до освіти сутність «змісту освіти» може розглядатись по різному. Згідно педагогічного словника «зміст освіти» розглядається «як система наукових знань, умінь і навичок, відносин і досвіду творчої діяльності, оволодіння якими забезпечує різнобічний розвиток розумових і фізичних здібностей людини, формування її світогляду, моралі, поведінки, підготовку до суспільного життя і праці» [1, с. 137]. В даному традиційному підході поняття «змісту освіти» розуміється як оволодіння певними знаннями, навичками та вмінням критично мислити, досліджувати та аналізувати різні суспільні явища. Освічена людина повинна володіти загальними принципами та методами, що визначають загальний підхід до розгляду різноманітних фактів і явищ, вміти та знати як використовувати придбанні знання.

Як зазначає Каленюк І.С. у своїй праці: «сутність змісту освіти як суспільного феномену розкривається в таких аспектах: по-перше, освіта як результат, як сума суспільно-значимих знань; по-друге освіта як процес передачі знань та інформації, втілення навичок та умінь, тобто навчальний процес; по-третє освіта як організаційно-економічна система, тобто як галузь соціально-економічної діяльності» [2, с. 6-7]. Така думка дозволяє визначити що сутність змісту освіти полягає у знаннях, що накопичені в процесі історичного розвитку та є соціальними цінностями.

Сутність освіти, як процесу засвоєння інформації повинна бути гнучкою, динамічною та оптимальною при цьому враховуючи потреби людини, суспільства та держави. Якщо дивитись крізь призму освітньої парадигми ми бачимо, що освіта характеризується засвоєним досвідом, вихованням якостей поведінки, фізичним та розумовим розвитком. Протягом всієї історії людина залежно від рівня розвитку, природних умов, релігійних уподобань вибудовувала відповідні концепції освіти. Ці концепції виступали методологічними засадами освітньої діяльності.

Розглядаючи освітній простір у філософському аспекті розглянемо деякі основні концептуальні підходи. По-перше, з минулих часів прослідковуємо концепцію «народності в освіті та вихованні», що базується на багаторічному досвіді виховної роботи та освіти людини, поєднуючи в собі загальнолюдські цінності. Згадаємо притчу Г. Сковороди «Благодарний Еродій», в якій він яскраво відстоював принципи народності у вихованні, тим самим підкреслював потребу батьків зберігати та передавати моральні, духовні цінності [3]. Висунув і обґрунтував ідею народності виховання К.Ушинський, який в своїй праці «Про народність у громадському вихованні» розкрив головну закономірність розвитку системи виховання.

Концепція народного виховання та освіти, на думку автора, має бути в державі фундаментальною для побудови освітньо-виховної системи за принципом національної ідентичності. Можемо сказати що соціальним

замовленням суспільства, яке спрямовано на очікування результатів, виступає освіченість людини. Освіта виступає базою для формування здібностей людини, народу, нації, які визначають історію держави. Цінність освіти у людській свідомості не піддавалася сумніву, доказом цього є визнання пріоритетності освіти як цінності соціально-політичної та як умова розвитку суспільства.

По-друге, доцільно наголосити на такій концепції як «зміна основної парадигми освіти», яка полягає у кризі класичної системи освіти, розробці нових фундаментальних ідей у філософії освіти. Трансформація освітньої системи зумовлена зростанням потреби освіти в забезпеченні економічного, політичного, соціального, культурного життя суспільства. Нові вимоги які стоять перед освітою вимагають певних змін, а саме змін суспільного бачення освіти, освітніх технологій та фінансування освітньої діяльності.

По-третє, процес інтеграції освітнього простору в напрямку Європейського простору, а саме впровадження Болонського процесу, має на увазі «інтегративну концепцію», яка полягає в створенні системи безперервної освіти, комп'ютеризації, інформатизації освітнього простору та інше. Освіта є складовою частиною сучасного суспільства, завдання якої є розвиток людини як найвищої цінності. Освіта постає важливим чинником інноваційного розвитку держави.

Сучасна освіта це постійний та динамічний процес. Швидке оновлення інформації зумовлює необхідність частого звертання до освіти. Постійне вдосконалення та розвиток науки, технологій практично в усіх сферах життєдіяльності потребує від людини прагнення та готовність продовжувати навчання протягом усього життя. В результаті освіта набуває безперервного характеру [2, с. 29].

Завлучним висловом видатного вітчизняного мислителя В.І. Вернадського ідея безперервної освіти висловлена таким чином: «Розвиток науки та техніки відбувається зараз так швидко, наука та техніка змінюються так рішуче, що сьогодні вже неможливо у вищій школі отримати всі знання, необхідні на все подальше життя. Необхідно час від часу їх освіжати, поповнювати. Це одна з характерних рис нашого часу ... Лікарі, техніки, інженери, офіцери, вчителі, агрономи і т.д. через кілька років після закінчення вищої школи знову повинні повторити її курс, так як у своїй повсякденній роботі вони не в змозі встежити за швидким розвитком науки . Це повторення повинне здійснюватися в нових формах і в нових умовах» [4].

Динамічні соціально-економічні зміни які відбуваються в суспільстві обумовлюють людину до постійних освітянських надбань. Пріоритетна освіта не забезпечує людині на все життя ефективної роботи та виконання своїх професійних обов'язків. В таких умовах концепція безперервної освіти є однією з обов'язкових умов соціально-економічного розвитку суспільства та професійного розвитку людини. Автору імпонує вислів одного з провідних теоретиків у галузі освіти П.Джарвіса, який вважає: «Освіта завдовжки в життя – єдиний засіб адаптації людини до змінного середовища і єдиний спосіб збереження ідентичності людини».

Підсумовуючи, хотілося б відзначити, що сучасна освіта не просто сукупність знань, умінь, навичок, а це ще уміння самостійно знаходити,

аналізувати, ефективно використовувати інформацію та працювати у суспільстві яке швидко змінюється. Освіта є одним з найважливіших напрямків суспільства, що створює умови для розвитку людини. Інститут освіти впливає на всі сфери суспільства при цьому основний акцент робиться на інноваційні технології.

Потенціал розвитку будь-якого сучасного суспільства полягає в вирішенні членами цього суспільства правильних, належних дій відносно зовнішніх факторів та здатності знаходити нестандартні шляхи вирішення проблем. Все це притаманно людям, якість освіти яких знаходяться на високому рівні та їх знання відповідають потребам та запитам сучасності. Належний рівень освіченості людини являє собою запоруку її успішності в житті.

Література:

1. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. К 57 Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 176 с.
2. Каленок І.С. Освіта в економічному вимірі: потенціал та механізм розвитку. – К.: ТОВ «Кадри», 2001.– 326 с.
3. Сковорода Г. Повне зібрання творів: У 2-х т. – К., 1973. – Т. 2. – С. 99–118.
4. Вернадский В.И. Письма о высшем образовании в России (задачи высшего образования нашего времени) // Вестник воспитания. 1913. –№ 5. – С. 1–17.

Ефимова А. Н., Карчава О. В.

РОЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В МИРОВЫХ ПРОЦЕССАХ

В конце 20-го и начале 21-го века потребности современного общества в постоянном, практически непрерывном, очень скоростном и эффективном международном общении снова обострили проблему нахождения языка (или языков), которые могли бы удовлетворять запросам такого общения. Не секрет, что английский язык в этом плане уже выдвинулся на первую позицию, и является наиболее распространённым по всему миру языком международного общения. Но можно ли называть его универсальным, а тем более – глобальным? Вообще, возможно ли в современном мире появление действительно глобального, всеобщего языка?

Английский, в отличие от других языков, являющихся, или когда-либо являвшихся языками широкого международного общения, прошел своеобразный путь исторического развития. В период раннего средневековья, когда влияние французского и некоторых других языков на структуру англосаксонского языка оказалось даже слишком значительным, язык отошел от германского типа настолько, что практически стал частично германским, а частично – романским. В эпоху Возрождения эти изменения углубились и закрепились, объём заимствованной лексики стал преобладающим, а развитие национальной литературы закрепило языковой статус в уже мало изменяемом виде. Наконец, начиная с 60-х годов прошлого столетия, началось распространение английского как действительно всемирного языка.

Язык становится средством международного общения, когда его особая роль признаётся большинством ведущих стран мира. Но понятие «особая

роль» включает в себя множество аспектов, не все из которых безусловно проявлены в современном статусе английского языка. Число стран (и количество населения в них), для кого английский язык является родным, весьма велико. Но с этой точки зрения безусловное первенство принадлежит китайскому языку, а за ним – испанскому, который является теперь родным для примерно двадцати стран Латинской Америки. Официальным языком, то есть используемым в качестве средства общения в управлении, судопроизводстве и средствах массовой информации, английский является более чем в семидесяти государствах, и это безусловный рекорд. Но в большей части этих стран он играет роль элемента унификации, является «вторым», дополнительным к различным родным языкам, и разные люди владеют им в этих странах на разном уровне, часто совсем далёком от уровня носителя языка. При этом в системе школьного образования кроме родного и выбранного официального часто присутствует ещё один иностранный язык, позволяющий получать дополнительные возможности общения и карьерного роста внутри страны.

Трудно спорить с тем, что важнейшей причиной обретения языком международного статуса является политическое могущество говорящих на нём народов (в свою очередь основанное на передовой экономике). Здесь английскому языку исключительно повезло стать родным для такой величайшей бывшей британской колонии, как Соединённые Штаты. Действительно, эта страна долгое время играла ведущую роль в мире, который сейчас принято называть двухполярным. Но время однозначности политических полюсов проходит, ведущих мировых держав становится всё больше, и роль данного фактора в придании языку статуса международного понемногу сокращается. В странах с большим количеством языков и диалектов какой-то один непременно начинает использоваться в качестве лингва франка, то есть всеобщего, такого, который знают все. В таких государствах, а это в основном страны Африки и Юго-Восточной Азии, английский часто не занимает позиции лингва франка, поскольку есть другие варианты, более естественные для данной территории и требующие от государства меньших усилий по внедрению их в систему образования. Кроме того, даже если на роль лингва франка претендовал именно английский, он подчас превращается в такой вариант (их принято называть пиджин английский), что исходный язык узнаётся в нём с трудом. Что касается международных организаций, использование в них китайского, испанского, французского, арабского и часто русского отнюдь не сокращается, хотя и требует большого количества переводческой и печатной работы. В сфере международной безопасности и управления транспортом наоборот всё больше склоняются к обеспечению двуязычия коммуникаций, поскольку информация, представленная только на английском языке может оказаться неточно переданной или воспринятой и привести к неприятным происшествиям. Получается, что претендовать на роль действительно глобального английскому языку рано. Тем более, что возможность существования всеобщего языка пока не доказана в принципе, по причине отсутствия прецедента.

Но что касается международных СМИ и международного бизнеса, в этих сферах английский язык действительно занимает позицию абсолютного лидера. Однако, в его повсеместной распространённости в Интернете,

международных службах телевидения и радио, деловой переписке, скорее всего играют роль как раз лингвистические особенности английского языка. Простота и логичность грамматических конструкций, практически полное отсутствие грамматического рода, точность суффиксов, наличие вспомогательных глаголов, отсутствие сложных систем склонений и спряжений, огромный пласт адаптированных заимствований из разных европейских языков (особенно удобным иностранцам кажется большое количество латинских и греческих корней слов) – вот то, что делает английский желанным в качестве иностранного языка для изучения на самых разных этапах образования в разных странах. Кроме того, английский является носителем огромного культурного пласта, созданного нациями, успешными во всех областях развития культуры и искусства. Наличие большого запаса высокохудожественного и письменно распространённого дискурса вообще является основой успешности развития современного языка, иначе любой язык разделил бы судьбу искусственных языков, вроде эсперанто, так и не нашедших своего места в общей системе. Именно благодаря лингвистическим и культурологическим своим аспектам, английский язык претендует на ведущую роль в сфере образования. За последние 30 лет преподавание английского языка как иностранного в различных учебных учреждениях стало практически всемирным. При этом процесс внедрения английского языка в сферу образования проходит, как правило, естественно, без нажима со стороны государственных структур или общественных объединений. Удивительно, что это не противоречит повсеместному укреплению национальной идентичности и расширению применения родных языков.

Количество уже существующего англоязычного текстового материала во всех областях знания делает выбор направлений обучения английскому очень широким и удобным. Это же провоцирует ученых и методистов на создание различных учебных пособий, как одно-, так и двуязычных, позволяющих преподавать английский на самых разных уровнях и с разными учебными целями. Соответственно, если государству легче и дешевле найти учебные пособия и преподавателей именно этого языка в числе прочих рассматриваемых вариантов, государство непременно пойдёт по более лёгкому пути.

Современная и продуктивная для иностранных языков методика преподавания и учения основана на интеграции научного аппарата многих наук – логики, психологии, языкознания, дидактики, социологии. Дискурс, протекающий в учебной аудитории – особый тип коммуникации, где большинство коммуникативных переменных практически полностью соответствуют социальным характеристикам общности людей, составляющих данный коллективный субъект общения. Понятно, что используемый в обучении текстовый материал, будучи элементом кросскультурной коммуникации, должен быть ещё и подобран так, чтобы учитывать специфику адресата речи. Текстовые структуры чрезвычайно многообразны, поэтому требуется тщательный анализ (со стороны отбора для целей обучения) композиции речевого материала, анализ отобранных самим автором лексических и грамматических средств языка, стереотипности предложенных языковых структур и степени их повторяемости в этом и других материалах. Ещё более осложняет процесс отбора тот факт, что текст

более или менее значительного размера приходится делить на компоненты, никак непосредственно не подхватывающие функционально-семантическую организацию предшествующих разделов. При этом интегративная модель восприятия текста или звучащей речи не должна нарушаться. Глубина же восприятия у каждого участника процесса обучения будет разной. Ещё в аутентичном тексте как нигде более ярко проявляются межнациональные культурно-социальные несовпадения. Это и особенности начала общения или привлечения внимания собеседника (атакже особенности концовки), и способы изложения, структура и композиция текста, и национально предпочитаемые речевые планы, особенности связи между идеями, и специфические речевые приёмы. В любом тексте, конечно, как говорилось выше, учитывается адресат обращения, но в большинстве случаев предполагаемый адресат – это носитель языка и культуры самого произведения, или хотя бы человек, подробно с ними знакомый. Но в этом плане английский язык сейчас обрёл ещё одно серьёзное преимущество – уже существует богатый объём дискурса, созданного не носителями и не для носителей языка, особенно в областях науки и искусства. В какой-то мере это безусловно обедняет саму языковую систему, даже не позволяя считать такую распространённость фактором развития языка. Зато для сфер преподавания наличие данных текстов – золотая жила, позволяющая осуществлять любые цели и задачи обучения.

На данном этапе трудно судить, как будет проходить дальнейшее развитие английского языка самого по себе, и как языка международного общения. Много, как и всегда, будет зависеть от мировой экономической и политической ситуации. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что английский будет повсеместно продолжаться изучаться в качестве основного иностранного ещё долгое время. Как в своё время латыни, английскому языку уготовано широкое распространение в сфере всё расширяющегося человеческого знания. А поскольку английский для каких-то утилитарных нужд выучить проще, чем было выучить латынь, присутствие английского языка в качестве учебного предмета в среднем и высшем образовании разных стран можно считать гарантированным ещё на долгие годы.

Коваленко И. П.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ: ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ EUROPA- STUDIEN-PROJEKT

Современные социально-политические дискурсы о роли мигрантов в обществе, о политических стратегиях, обеспечивающих межкультурную коммуникацию, о роли образования в интеграционных процессах (и вообще о необходимости этой интеграции) уже практически не связаны с «теориями» или проектами, позволяющими на теоретическом уровне предположить и предложить ход дальнейшего развития этого феномена, но вынуждены скрупулезно работать по большей части на дескриптивном уровне, чтобы описать и систематизировать все многообразие современных социальных феноменов. Независимо от всех «теорий» и «проектов», мигранты являются

неотъемлемой частью нашей повседневности практически в любом уголке мира. В результате сейчас актуализируются постмиграционные дискурсы – о роли, равенстве шансов и перспективах поколения, «унаследовавшего» черты культурного капитала своих родителей-мигрантов, но при этом растущего и воспитываемого в другой культуре, которая может быть определена в равной степени и как своя, и как чужая. В данных условиях такой концепт как «Родина» уже не работает в привычном для нас смысле, т.к. родина представляет собой скорее «воображаемый» образ [Appadurai], конституируемый на основе коммуникации внутри «воображаемого сообщества» [Андерсон], не локализованный географически и не опосредованный пережитым опытом. Проще говоря, «родина» не менее мобильна, чем сам субъект [Egger].

Таким образом, появилось целое поколение детей и молодежи, которое оказалось «между» культур, так называемое поколение «детей третьей культуры / Third-Culture-Kids» [Pollock, Van Reken]. Такие дети аккумулируют разнообразные культурные практики, тем самым формируя специфический культурный капитал [Бурдьё]. Можно сказать, что это поколение обладает транскультурным капиталом, который они как бы «синтезируют» на основе различных культур, с которыми они имеют непосредственный контакт. Образовательная система, которая чаще всего берет на себя задачу «помощника» в интеграционных и ассимиляционных процессах, как правило, не учитывает специфики транскультурной идентичности, и предполагает максимальное «освоение» языка и культуры воспитывающей среды. При этом часто образовательный процесс не принимает во внимание как возможности, потенциал и специфику культурного капитала этих детей, так и развитие компетенций межкультурной коммуникации, которые на сегодняшний день, возможно, являются наиболее актуальными. Интересным и, возможно, самым эффективным методом развития навыков межкультурной коммуникации является форма образовательного туризма.

Europa-Studien-Projekt (Цвиккау, Германия) – это образовательная программа, которая уже на протяжении более 10 лет осуществляет образовательные проекты по страноведению и изучению иностранного языка школьниками и студентами. Первоначально этот проект ничем не отличался от того, что в большинстве случаев интересует преподавателей иностранного языка: группа детей с преподавателем приезжает в страну изучаемого языка, где посещает языковые курсы и осматривает достопримечательности. Со временем расширились аудитория проекта – к российским школам добавились группы из Казахстана, Японии, Турции, ОАЭ – и его предметная область, которая теперь не ограничивается страноведением Германии и изучением немецкого языка. В 2008 году впервые была организована поездка группы детей из ОАЭ, образовательным фокусом которой было изучение европейской классической музыки. Именно с этого момента ESP можно рассматривать как пример образовательной платформы для аккумуляции и развития транскультурного капитала.

Необходимо сказать, что ОАЭ, являются одной из стран с наибольшим числом мигрантов (около 74%). Соответственно дети, которые принимают участие в данном проекте, и являются представителями Third-Culture-Kids:

большинство из них родились в ОАЭ, но не являются гражданами этой страны, при этом их родители, чаще всего, имеют разные гражданства. Таким образом, эти дети являются полиглотами – к языку/языкам, на которых говорят в семье, обязательно добавляется английский, т.к. на нем ведется основная коммуникация в повседневной жизни. В итоге, мы работаем с группой из 20 детей, которые происходят из 20 разных стран. Методически эта задача кажется первоначально очень сложной – дети разного возраста, разного происхождения и разных культур.

Если мы обратимся к понятию культурного капитала [П. Бурдьё], то в его инкорпорированном состоянии мы имеем дело с теми компетенциями и навыками, которыми обладает субъект в силу своего происхождения, воспитания и образования. При этом важно учитывать, что навыки межкультурной коммуникации требуют от субъекта постепенного освоения ряда практик, которые первоначально являются дефинициями другой, «чужой» культуры. Необходимо выучить «иностранный» язык, ознакомиться с особенностями этой культуры (которые чаще всего осознаются как «отличные», «чужие», требующими осознанного усилия для их осуществления), и получить на практике необходимый опыт. В любом случае в основе лежит практика освоения чужого – его определения, узнавания и различения в сопоставлении с собственной персональной идентичностью. Иначе говоря, первоначальной является установка на определение «Чужого» в отличие от цельного и единственного «Своего». При этом важно понимать что «Чужое» само по себе определяется наличием границы и незнанием его [Schütze]. Когда мы говорим о транскультурной идентичности, сосуществование практик различных культур является нормой. Определение «Своего» в контексте транскультурного капитала конституируется не просто через отличие от «Чужого», но помимо этого во внутреннем диалоге культур, каждая из которых является «Своей».

В рамках образовательных проектов, подобных Europa-Studien-Projekt, чаще всего возникает схема общения «Свой – Чужой», т.е., например, русские школьники изучают чужую для них немецкую культуру. Таким образом, развитие компетенций межкультурной коммуникации происходит в несколько «лабораторных» условиях: субъект максимально дистанцирован от изучаемого объекта и рассматривает его со стороны, подобно тому, как препарировуют лягушек. Однако с группой эмиратских школьников все на практике оказалось иначе: находясь постоянно в ситуации транскультурной коммуникации, участники проекта совершенно по-другому воспринимали контакты с изучаемой культурой. Прежде всего, это заметно в отсутствии языкового барьера и дистанции по отношению к другой культуре. Таким образом, для развития коммуникативных навыков наибольшую ценность представляют ситуации, когда группа оказывается не просто самостоятельно один на один с немецкой культурой, но имеет возможность прямого общения с группами из других стран.

В рамках проекта мы часто совмещаем место и время проведения программы проекта для разных групп. Дети и подростки из разных стран вынуждены не только вместе работать на занятиях, но и в том числе делят общее пространство во внеучебное время – в столовой, свободное

время на выезде в городе, игровые зоны в хостеле и т.д. В результате этого существенно расширяется исходная предпосылка освоения «чужих» культурных практик, которая предполагает проведение четкой границы между «Своим» и «Чужим». Расширяется представление о «Чужом», которое представлено не в единственной форме, но в форме нескольких культур, которые «чужды» по-разному. Наличие «третьей» культуры работает как своего рода медиатор. С одной стороны, изучаемая культура (в нашем случае немецкая) является общей точкой соприкосновения, общей средой, в которую помещены представители обеих групп. С другой стороны, наличие группы из другой, «третьей культуры» позволяет сместить акцент с «лабораторного» изучения немецкой культуры и имплицировать новую информацию в живой процесс межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Appadurai, A. *Modernity at large: cultural dimensions of globalization*. – Minneapolis [u.a.]: Univ. of Minnesota Press, 2010
2. Андерсон, Б. *Воображаемые сообщества*. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001
3. Egger, S. *Heimat: Wie wir unseren Sehnsuchtsort immer wieder neu erfinden*. – München: Riemann Verlag, 2014
4. Pollock D. C., Van Reken R. E. *Third Culture Kids: Growing up among worlds*. – Boston–London: Nicholas Brealey Publishing, 2009
5. Бурдые. П. *Формы культурного капитала*. // Экономическая социология электронный журнал. Том 3, No 5, ноябрь 2002. URL: www.ecsoc.msses.ru (дата обращения: 09.03.2014).
6. Schütze J. K. *Von Fremden*. – Wien: Passagen-Verl., 2000.

Савич А. В., Черновол Л. И.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ИНЖЕНЕРА

Через сложные противоречивые процессы в XXI столетии человечество прокладывает свой путь к целостности, развитым формам цивилизации. Это выражается в повороте общества к человеку, раскрытии его индивидуальности, развитии личности, удовлетворении ее нужд, интересов и потребностей. Но не в потребительском аспекте, то есть удовлетворении запросов материального обеспечения и организации услуг, а в смысле создания и развития подлинно человеческих условий существования, общения и деятельности, беспрепятственного совершенствования и применения способностей и талантов, - реализации факторов, обеспечивающих раскрытие личности, ее духовное возвышение.

Такой поворот обуславливается как неотложными внутренними потребностями государств (например, задачами выхода из экономического и социокультурного кризисов), так и обостряющимися глобальными общепланитарными проблемами (угроза термоядерного конфликта, экологические катастрофы, увеличивающееся отставание развивающихся стран от развитых и т.п.), грозящими гибелью самому человеческому роду и

требующими незамедлительного конструктивного взаимодействия стран и наций в масштабах всей планеты.

Поступательное же цивилизованное развитие человечества требует, чтобы новые поколения людей поднимались на новый, более высокий уровень знаний, профессиональной компетентности и социальной активности. Ставится задача обеспечения значительного увеличения общественного богатства и благополучия людей без вовлечения дополнительных производственных ресурсов, за счет «непроизводственной сферы» (науки, образования). Духовно-интеллектуальный потенциал общества становится важнейшим определяющим развитием фактором, тем более, что он является неисчерпаемым по своей природе ресурсом.

Но история знает немало примеров подхода к образованию как целостному социальному феномену – первоочередному каналу целенаправленного формирования личности. В современных условиях одной из центральных задач, стоящих перед высшей технической школой, является выпуск специалистов с уровнем подготовки, позволяющим выдерживать жесткую конкуренцию на рынке труда. Для решения указанной задачи простого повышения качества общетехнической и специальной подготовки недостаточно. Очевидно, что при выборе приоритетов в этом вопросе необходимо концентрировать внимание, прежде всего, на направленном формировании у студентов творческого мышления.

Этимология слова инженер (от лат. *ingenium* – способность, изобретательность) предполагает, что человек, овладевший инженерной специальностью, обладает широким набором различных видов изобретательности, которого нельзя развить без широкой общекультурной подготовки. Подготовка инженерных кадров должна обязательно исходить из двойственности природы техники, то есть из ее объективного и субъективного компонентов.

Объективность техники состоит в том, что она проектируется, производится и эксплуатируется на основе законов естествознания; субъективность – в том, что человек на всех стадиях жизненного цикла техники активно взаимодействует с ней. Лишь он определяет потребность в новой технике, ставит цели, принимает решения, исходя из своих интересов, своего понимания окружающей среды. Примерно с начала 80-х годов XX столетия в развитых странах происходило включение в качестве обязательной компоненты программы подготовки будущих инженеров дисциплины гуманитарного, общечеловеческого цикла.

Поэтому радикальное обновление высшего технического образования возможно при условии реализации трех приоритетных задач: фундаментализации, информатизации, гуманизации и гуманитаризации. Эпоха информационного общества, основой которой являются знания, их производство, передача и усвоение, выдвигает новые условия к системе образования, ее модели, методам и формам, которые позволили на качественно новом уровне подготовить студентов к будущей трудовой деятельности.

Качество проектируемых технических систем, их эффективность во многом определяются личностными характеристиками людей, поскольку

именно люди учитывают меру своей активности, степени напряжения, оценку успешности выполняемой работы, опираясь на субъективное понимание смысла своей деятельности.

Таким образом, инженерное образование на современном этапе наряду с фундаментальными знаниями по избранной специальности должно содержать также знания по так называемым «человеческим» дисциплинам.

Общеизвестно, что инженер – это профессия социотехническая: 50% его работы приходится на технику, 50% - на взаимодействие с другими людьми. Социо-психологическая культура инженера включает в себя понимание и учет закономерностей и особенностей функционирования человека в социо-психологической системе.

Отсюда ясна необходимость формирования социо-психологической культуры инженера, включающей в себя ответственность, бережливость, расчетливость в отношении как к человеку, так и к природе, частью которой является сам.

Рассматривая актуальность гуманитаризации высшего образования, можно говорить и о ее роли в решении глобальных проблем, к которым напрямую относятся проблемы экологические и вытекающий из них экологический кризис, который мыслится многим как нечто внешнее по отношению к человеку. Выход из экологического кризиса по-прежнему видится через решение технократических, порой, частных задач: создание так называемых экологически чистых производств, разносторонний мониторинг – контроль за внедряемыми в промышленности техническими средствами и технологиями и тому подобное. Однако, это однобокий, недалновидный подход, т.к. на производстве технологии применяют люди. А так как производство – это коллективный труд, то экологические отношения приобретают характер социально-экологических.

Важнейшей задачей инженерного образования и его качественной составляющей является понимание роли и места воспитания в студентах социальной ответственности, которая может проявляться как:

- 1) свойство характера личности;
- 2) восприятие картины мира;
- 3) чувства (чувство долга);
- 4) социально-ориентированное мировоззрение;
- 5) формы социального поведения.

Задача высшего учебного заведения – развить эмоциональные черты личности, такие как способность к сопереживанию, чуткость к чужой боли и радости и волевые качества, такие как настойчивость, усердие, стойкость, смелость, выдержка. Данные черты являются системообразующими кирпичиками социальной ответственности. Важнейшей задачей гуманитарной подготовки студентов является развитие мировоззрения специалистов. Благодаря изучению социально-гуманитарных наук, будущие инженеры имеют представления о морали, этике, получают знания, накопленные веками.

Успешность деятельности инженера зависит от уровня профессиональных навыков и знаний, умений, степени сформированности личности. Степень профессиональной компетентности напрямую связана с уровнем социальной ответственности личности ученого, исследователя, инженера. Возможность

реализации себя как личности в наиболее полном масштабе является одной из главных задач для молодого специалиста, и профессионально значимым качеством становится социальная ответственность, ведь инженер должен уметь определить цель деятельности, делать оптимально правильный выбор с минимизацией технических и человеческих потерь. И все это невозможно без четкого осознания своей роли и своей ответственности.

Таким образом, гуманитаризация образования является средством достижения конечных целей образования, программой формирования и развития целостного духовного мира человека, специалиста, инженера в условиях супертехногенной цивилизации XXI века. Гуманитарные дисциплины выполняют роль иммунитета против супертехногенного разделения людей и против ухода их от естественного в виртуальное.

Литература:

1. Долженко О.М. Очерки по философии образования. – М.: Проро-Медея, 1995. – С. 74-86.
2. Иноземцев В.А. Расколотаая цивилизация. – М., 1999. – С.42-54
3. Ковалева В.Т. Студенты и преподаватель глазами друг друга. – М., 1996. – С. 51-54.
4. Кон И.С. Социология личности. – М., 1967. – С. 286-317.
5. Кухтевич Т.Н., Добрынина В.И. – Гуманитаризация высшего технического образования: теоретический и прикладной аспекты. – М., 1999. – С. 15-48.
6. Липевич С.Н., Капнин В.Г., Богасян А.Т. Введение в экологию. – Ростов-на-Дону.
7. Пахомов Н.Н. Кризис образования в контексте глобальных проблем. – М., 1992. – С. 18-31.

Секція «Історія педагогіки та освіти»
Секция «История педагогики и образования»

Баснаева А. С.

**К.Д. УШИНСКИЙ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ НАУЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ
ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ**

*Посвящается 190-летию
со дня рождения К.Д. Ушинского
(1824 – 1870)*

Педагогические взгляды И. Гаспринского формировались под воздействием передовой русской педагогической мысли и, в первую очередь великого русского педагога К.Д.Ушинского.

Благотворное влияние Ушинского сказалось при подготовке и проведении реформы школы, создании первых национальных учебников, разработке проблем родного языка. Идеи К.Д.Ушинского определили общедидактические взгляды Гаспринского. Однако вся эта деятельность ограничивалась рамками либерального просветительства.

К.Д. Ушинский - реформатор русской школы и основоположник научной педагогики в России оказал огромное влияние на развитие всех отраслей педагогических знаний. Он создал классические педагогические труды,

непревзойденные, в русской педагогике учебные книги, был инициатором педагогической журналистики, первым русским педагогом -теоретиком, педагогом - публицистом. Как отмечают историки -педагоги: «К.Д.Ушинский впервые сделал педагогическую деятельность гражданским поприщем, заявил об ответственности общества за дело воспитания».

Значение его творчества вышло далеко за пределы школы и педагогики. Его влияние распространилось глубоко в область национальной культуры и выступило как одна из ведущих сил формирования общественно - педагогического самосознания. Педагогические взгляды Ушинского стали близки его последователям не только в России, но и далеко за ее пределами. Лучшие педагоги всегда помнили его слова: «приступая к святому делу воспитания ..., нам надо изыскать средства сделать наших детей лучше нас»... Будучи национальным русским педагогом, он никогда не был ограничен русскими национальными рамками, его идеи имели и имеют непреходящее значение для мировой педагогики.

Среди последователей Ушинского в первую очередь следует назвать: Н.Ф. Бунакова, В.И. Водовозова, Н.А. Корфа, Л.Н. Модзалевского, А.Н. Острогорского, В.П. Острогорского, Д.Д. Семенова, В.Я. Стоюнина и др.

В историко-педагогических работах исследователей мы найдем имена представителей прогрессивной педагогической мысли народов России — учеников и последователей К.Д. Ушинского: М.П.Драгоманова, Х.Д. Алчевской /Украина/, И. Дончева и И.Крянче (Молдавия), Я.С. Гогебашвили (Грузия), Г.Агояна (Армения), М.Ф.Ахундова и Р.Эфендиева (Азербайджан) и др. Однако имя И. Гаспринского находилось под запретом с 1944 года и, естественно, что проблема К.Д. Ушинский и И. Гаспринский никем и никогда не исследовалась. Изучение и анализ педагогического наследия И.Гаспринского дает возможность открыть новую страницу истории педагогики, показать связи великого русского педагога и просветителями крымскотатарского народа.

В 1895 году Гаспринский, размышляя о судьбе своего народа, писал: «Для прогресса и расцвета любого народа надо, чтобы этим народом овладела трезвая идея - идея просвещения». Гаспринский не только писал об этом, но и принимал активные меры по реализации своей идеи создания школы для народа. И.Гаспринский высоко ценил статью К.Д. Ушинского «О народности в общественном воспитании» (1857) и полностью разделял мысль великого педагога о том, что воспитание, основанное на народных началах, имеет огромную воспитательную силу, которой нет в самых лучших педагогических системах, построенных на абстрактных идеях. Ратуя за всеобщее начальное образование, Гаспринский призывает проснуться от векового сна, темноты, овладевать науками по примеру другого народа.

В статье «Что за диво», он пишет: « На западе, европейские народы, на Дальнем Востоке японцы давно поняли значение всеобщего обучения. Они открыли народные школы, глубоко интересуются медициной, гигиеной. Наш Коран не говорит о знании вообще. А мы без всякого основания поняли это в самом узком смысле и ограничились знанием лишь вероучения на арабском языке. Шариат говорит: «Иди за знанием хоть в Китай», а мы не изучаем собственный язык и язык ближайших наших соседей. Шариат

говорит, что для жизни нужны разные ремесла, а мы мало что понимаем в этом деле».

Гаспринского привлекла мысль Ушинского о науке как синтезе знаний, применяемым не только одним народом, но всеми народами, хотя каждый народ вследствие природных или исторических причин может отдавать предпочтение какой-то одной.

Так, для мусульманских народов, для крымских татар, в частности, характерен интерес к земледелию, к скотоводству, к различным художественным ремеслам, к народному творчеству. Это необходимо учитывать в воспитании подрастающих поколений, т.к. именно в этих отраслях человеческих знаний накоплен богатейший народный опыт.

Поскольку лучшим выражением народности является родной язык, в основу обучения и должен быть положен родной язык. Разделяя это утверждение Ушинского, И Гаспринский считал, что всеобщее начальное обучение должно быть основано на родном языке. Он многократно напоминал слова Ушинского из «Родного слова» о том, что «школа, построенная не на родном языке, не может пустить глубокие корни в народе». В одной из своих программных статей Гаспринский писал: «Я готов сказать громко, на весь мир, что в первую очередь, нужны школы на родном языке, еще раз школа и родной язык - это основа цивилизации».

Для условий Крыма это было особенно важно, т.к. в конфессиональных школах - мектебах и медресе обучение проводилось на непонятном для простого народа арабском или турецком языках.

В ходе исследования мы выявили ряд работ И. Гаспринского, ранее не известных, в которых он очень остро ставит вопрос о повышении культуры простого народа, но без знания родного языка решить эту проблему практически невозможно. В 1881 году он писал по этому поводу: «Мы многократно писали и требовали: необходимо развитие нашего родного языка и литературы. К сожалению, эти вопросы не решаются. Нам надо, чтобы наш язык стал действующим языком, чтобы будущие поколения на основе изучения языка овладевали наукой и культурой».

В процессе подготовки к изданию газеты на крымско-татарском языке И. Гаспринскому пришлось преодолеть огромные трудности, т.к. местное духовенство активно препятствовало этому.

На первом этапе пришлось обратиться с просьбой о материальной помощи. В одном из исследуемых нами фондов, мы нашли ответ местного богача на просьбу Гаспринского: «Если бы ты хотел заниматься табаководством, тогда я мог тебе выделить нужную сумму, но поскольку ты хочешь заниматься изданием и распространением газет, то из этого дела никакой материальной пользы ждать нельзя».

Таково было отношение к культуре, к просвещению, к расширению сферы применения родного языка.

Готовясь к осуществлению реформы школьного образования И. Гаспринский с большой тщательностью изучал возможности перехода от буквослоговательного метода обучения к звуковому методу.

Изучение ряда ранее неизвестных источников позволяет увидеть весь процесс подготовки, который занял у Гаспринского несколько лет. Он

изучал всю историю становления этого метода с древнейших времен до момента введения в Крыму.

Создателем наиболее рациональных вариантов звукового аналитико - синтетического метода в России был К.Д. Ушинский. Исходя из задачи всестороннего развития ребенка, он свой метод «письма-чтения» разработал как анализ живой речи. Его «Родное слово» и руководство к нему (1864) рекомендуют начинать обучение с различения гласных в словах и их обозначение буквами. К чтению всегда переходят на основе звукового анализа слов и их записи, письмо анализ предпосылается чтению синтезу. Это определяет построение урока. Широко применяется сопоставление звуков и их сочетаний в словах.

Последователи К.Д. Ушинского В.И. Водовозов, Н.Ф. Бунаков, Д.И. Тихомиров, В.П. Вахтеров и др. обогащали и преобразовывали этот метод, выводили новые приемы, меняли порядок изучения звуков.

И. Гаспринский неоднократно подчеркивал, что звуковой метод введенный в новометодной татарской школе был им заимствован у К.Д.Ушинского. Все это не снижает авторитет Гаспринского, но возвышает его как прогрессивного педагога, мыслителя, реформатора, жившего заботами и интересами своего сложного времени, знавшего все передовое в русской педагогической мысли, смело внедрявшего все прогрессивное в систему крымско-татарского просвещения.

И. Гаспринский создатель первых книг и учебных пособий для учащихся крымско-татарской национальности. Здесь же отметим, что у Гаспринского, под влиянием учебных книг, созданных Ушинским, возникла идея написания учебников для первоначального обучения, которые бы способствовали гармоническому развитию ребенка. Создавая учебники, Гаспринский опирался на знание возрастных, психологических особенностей учащихся. Они были составлены с соблюдением последовательности изложения от легкого к трудному, текст сопровождался рисунками, что придавало обучению большую наглядность. Учебник требовал после чтения объяснить прочитанное, все это способствовало прочному усвоению знаний. «Методы Гаспринского и его учебники, - писал один из его современников, - преодолевая Кавказские и Тянь-Шаньские горы, дошли и до Китая».

Следуя образцам К.Д. Ушинского, И. Гаспринский включал в свои учебные книги лучшие образцы классической литературы - прозу, стихотворения, шедевры народного творчества - сказки, пословицы, поговорки, загадки. Здесь он помещал собственные сказки и миниатюры. Впервые в мусульманскую учебную литературу Гаспринский ввел дидактические и методические указания. И здесь он руководствовался не только первым изданием «Родного слова» Ушинского, но и теми приложениями, которые автор сделал к последующим изданиям. Своими учебниками Гаспринский утверждал звуковой метод изучения родного языка, как наиболее разумный и результативный.

Изучая, анализируя и сопоставляя педагогические труды И.Гаспринского, его публицистические статьи, тексты лекций по широкому кругу культурно-просветительных проблем, его художественные произведения и эпистолярное наследие, мы пришли к выводу, о том, что он является в

полном смысле последователем великого русского педагога К.Д. Ушинского. Как Ушинский, он считал, что воспитание зависит от исторического развития народа. Сам народ своим трудом, своим талантом, самобытностью прокладывает себе дорогу в будущее, а воспитание, действуя заодно с другими общественными силами, помогает новым поколениям идти по этой дороге. Именно поэтому нельзя выдумать систему воспитания или прямо заимствовать ее у другого народа, необходимо создавать ее на своей народной почве.

В программу повышения культуры народа Гаспринского прежде всего, входит овладение родным языком и литературой. «Без знания родного языка и литературы - утверждает он, - никакое просвещение немислимо». Выдающийся просветитель в этом деле - плане большую надежду возлагает на свою газету «Терджиман». Он писал: «Газета есть продукт просвещения, в котором мы столь нуждаемся», она несет народу знания, а «человек не может шагу шагнуть без знаний», «постоянно искать знания, овладеть этими знаниями - долг каждого от колыбели до могилы». И следующая его мысль созвучна идеям К.Д. Ушинского: «Литература это источник умственного и нравственного воспитания».

Изучая многочисленные труды И. Гаспринского, мы не нашли прямых указаний и ссылок на работу К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания». Однако в ряде его теоретических посылок, утверждениях, позициях, в его практической деятельности можно увидеть, что Гаспринский искренне разделял принципиальные положения Ушинского. Например, утверждение, что теорию педагогики следует строить на основе использования философии, психологии, анатомии и физиологии; требование, чтобы каждый воспитатель знал основные законы человеческой природы и умел применять их на практике (чтобы учить и воспитывать ребенка, надо его хорошо знать); важность понимания того, что общее образование это основа будущей деятельности человека независимо от избранной профессии.

Можно так же выделить и ряд дидактических аспектов, намеченных Гаспринским, которые в той или иной степени были созвучны принципиальным позициям К.Д. Ушинского. Назовем, например, такие как активность и сознательность обучения, наглядность, методика ее применения; новое содержание образования и соответствующие ему методы, формы и средства обучения; не разрывная связь нравственного воспитания с понятием народность воспитания.

Теория образования и теория обучения Ушинского составили первую в русской педагогике стройную дидактическую систему, которая включала в себя проблемы содержания образования, частных методик, проблему организации урока, теорию учебника и т.д. Эта система была принята на вооружение передовыми педагогами, среди которых была такая яркая фигура, как Исмаил Гаспринский.

Литература:

1. Волков Г.Н. К.Д. Ушинский и современные проблемы просвещения. - Чебоксары, 1974. - С.4.
2. Ушинский К.Д. Собрание сочинений, Т.3. - М.-Л., 1948. - С.26-27.

3. Гаспринский И. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. - Бахчисарай, 1881. - С. 428.
4. Гаспринский И. Краед Турки. - Бахчисарай, 1884. - С. 41.
5. Девлет Нодир, Исмаил бей Гаспринский. - Стамбул, 1988. - С. 59.

Москальова О. І.

ДЕЯКІ АСПЕКТИ ТЕХНОЛОГІЇ ЗАСТОСУВАННЯ ОПОРНИХ КОНСПЕКТІВ: ДОСВІД ПЕДАГОГА-НОВАТОРА С. ШЕВЧЕНКА

Загальні прийоми застосування різноманітних типів наочності в поєднанні з великим арсеналом методів усного викладення навчального матеріалу розроблені відомими радянськими дидактами А. Алексюком, Ю. Бабанським, А. Вагіним, М. Даниловим, Б. Єсіповим, Л. Занковим, І. Лернером, В. Лозовою, Л. Нечепоренко, В. Онищук, М. Скаткіним, Л. Фрідманом, Г. Шукіною та ін. Науковці розширили підходи до розуміння та використання наочності, обґрунтували необхідність застосування в ролі наочних образів різноманітних знакових моделей, схем, таблиць, графіків, символів, тощо. Різні аспекти застосування структурно-логічних схем в процесі пізнання, вплив абстрактно-символічної наочності на ступінь пізнавальної активності учнів досліджені В. Болтянським, В. Вакурко, М. Винокур, А. Добишевим, Б. Порусом, Д. Столярчуком, В. Сухомлінським, Н. Силич, Л. Фрідманом, П. Ендрієвим, І. Якиманською та ін. Отже, зростання ролі абстрагованих, символічних зображень спричинило їх виокремлення в окрему групу наочності та суттєво вплинуло на активізацію пошуків прийомів стислого переведення значного обсягу інформації з вербальної системи в графічну. Результатом цієї ґрунтовної праці стала поява сутнісних, принципівих змін в традиційній організації навчального процесу. Зокрема, педагогами-новаторами 70–90 рр. ХХ ст. (М. Винокур, Р. Зубчевською, Д. Меженком, В. Шаталовим, С. Шевченком, В. Шейманом та ін.) було знайдено та практично перевірено декілька форматів поєднання вербальних і графічних методів навчання.

Досліджуючи перспективні педагогічні технології, слід згадати талановитого вчителя історії, послідовника ідей В. Шаталова, педагога-новатора С. Шевченка. Досвідчений учитель виступав проти авторитарного стилю педагогічного спілкування. Його погляди ґрунтувалися на досвіді видатного педагога-новатора В. Шаталова та стали основою для розроблення і використання авторської, оригінальної системи організації навчально-виховного процесу, що значно підвищувала якість навчання. С. Шевченко зазначав, що педагогічний процес у формі вчительсько-учнівської діяльності може здійснюватися у вигляді різних комбінацій, тобто у формі різних технологій, і чітке дотримання структури цього процесу дозволить отримати заплановані результати.

Сутність педагогічної технології С. Шевченка полягає у неперервності і цілісності процесу пізнання, орієнтації навчального процесу на розвиток самостійності, відповідальності, творчої активності учнів, варіативності методів навчання, співробітництві вчителя з учнями, учнів між собою.

Багаторічний досвід педагога-новатора дає підстави стверджувати, що вдале корегування вчителем пізнавальною діяльністю учнів, доречно застосування таких засобів навчання як опорний конспект дають змогу досягти найкращих результатів в навчанні. Відповідно до технології С. Шевченка листи опорних сигналів тільки сприяють успішному здійсненню навчального процесу, а не визначають його. Характерною рисою листів опорних сигналів, які використовував педагог, є простота, відсутність будь-яких асоціацій [1, с. 89]. Листи опорних сигналів педагога-новатора – це знакові опори, всім зрозумілі логічні схеми навчального матеріалу або, як визначав С. Шевченко, логічні модулі теми уроку, в яких наведені основні факти та поняття, чітко зазначені причино-наслідкові зв'язки, тобто задана загальна програма вивчення урочної теми. А обсяг та глибина навчальної інформації залежить тільки від учителя, від того, як він використає методичні прийоми, наскільки переконливо розповість, проілюструє інформацію, організує вивчення тексту підручника тощо.

Удосконалюючи технологію складання листів опорних сигналів, С. Шевченко класифікував знаки, які використовував при побудові логічних схем. Так, за об'ємом інформації, яку вони несуть, педагог розрізняв знаки, які містять: одиничну інформацію, понятійну інформацію, тезисну інформацію.

За зовнішнім зображенням знаки класифікувались таким чином:

- символічні знаки, що не схожі з явищем або дією, яку вони заміщують;
- графічні знаки, які використовують у разі необхідності відобразити розвиток явища або динаміку дії;
- знаки-малюнки, що мають візуальну схожість з явищами або діями, які вони заміщують;
- словесні знаки, що складаються з окремих слів, складів або окремих букв тих термінів, речень або тезисів, про які йдеться в даній змістовній частині урочної теми [2, с. 142].

С. Шевченко експериментально довів, що листи опорних сигналів, які були складені з таких знаків, не потребували спеціальної дешифровки. Розповідь учителя та вивчення відповідного параграфу підручника робили їх зрозумілими. Користуючись логічною схемою, як планом, учні видатного педагога в належному обсязі, грамотно відтворювали навчальну інформацію при усному опитуванні.

Слід зазначити, що відомий педагог в практиці навчальної роботи використовував різні види листів опорних сигналів, кожен з яких мав свої особливості та дидактичне призначення. Так, найбільш поширені – звичайні листи опорних сигналів, які використовувалися при вивченні теми уроку. До речі, до кожної такої конспект-схеми додавалися логічні завдання, що передбачали обов'язкову роботу з відповідним параграфом підручника та стимулювали процес осмислення навчальної інформації. Також були особливі листи опорних сигналів, як правило у вигляді графіків, що ілюстрували протікання будь-якого процесу та взаємозв'язок складових його структури. Запропоновані схеми процесів значно підвищували ефективність повторення та узагальнення декількох тем уроків або всього розділу навчального матеріалу. Доречним дидактичним засобом

перевірки засвоєння знань, сформованості вмінь на другому етапі вивчення навчальної теми був так званий синтетичний лист опорних сигналів, що узагальнював фактичну інформацію всієї теми, синтезував найбільш головне, що було в листах тем уроків – складових загальної навчальної теми. Опори синтетичного листа були найбільш абстрагованими та, на перший погляд, незрозумілими. Проте, вони легко розшифровувалися, якщо учень послідовно вивчав урочні теми, користуючись звичайними поурочними листами опорних сигналів.

Спіраючись на власний багаторічний досвід, С. Шевченко склав загальні рекомендації щодо складання листів опорних сигналів:

- відповідність листа опорних сигналів змістовній структурі певного параграфу підручника (кількість логічних блоків повинна дорівнювати кількості змістовних частин в параграфі);

- бажано включати в листи опорних сигналів обмежену кількість опор, оскільки “зайві” опори викликають труднощі при письмовому відтворенні листів та роботі з ними (письмове відтворення листа опорних сигналів не повинно перевищувати три – чотири хвилини для середнього учня);

- бажано уникати схожості листів опорних сигналів, що досягається зміною шрифтів, розташуванням логічних блоків тощо;

- бажано дотримуватись розумного балансу при виділенні кольором важливих суджень (занадто “червоний” лист опорних сигналів перестает належним чином сприйматися та погано запам’ятовується);

- лист опорних сигналів повинен містити взаємозв’язки та взаємозалежності змістовних частин навчального матеріалу [там само, с. 152-153].

Отже, використання таких засобів навчання як різноманітні за дидактичним призначенням схеми теоретичного матеріалу (листи опорних сигналів), було обов’язковою складовою технології навчання С. Шевченка, уможливило глибоке розуміння, свідоме запам’ятовування великого обсягу навчальної інформації, досягнення цілей навчання найвищого когнітивного рівня. Водночас, це не означає, що всі проблеми навчання можна розв’язати за допомогою правильно складених та доречно використаних символічних записів. Вони лише допомагають подолати певні труднощі вивчення великих блоків матеріалу, прискорюють досягнення запланованих результатів навчання, вирішення низки дидактичних завдань, а саме: надають можливість перевірити готовність учнів до сприйняття інформації урочної теми; сприяють свідомому пов’язуванню кожної змістовної частини нової інформації з певними опорами, що значно підвищує запам’ятовування; підвищують продуктивність домашньої роботи з підручником; розвивають навички самостійної роботи з незнайомим текстом, навички змістовного аналізу, селективності, кодування тексту; виступають певним різновидом наочності, коли безпосереднє спостереження об’єктів і процесів неможливе. Крім того, використання листів опорних схем в навчальному процесі допомагає вчителю, особливо молодому, малодосвідченому, дотримуватися певної послідовності викладу, позбавитися інтелектуального напруження.

Спадщина провідних дидактів минулого містить чимало перспективних ідей, творче трансформування та використання яких корисне для

вдосконалення навчально-виховного процесу в сучасних умовах. Отже, використання у навчально-виховному процесі сучасної школи вербально-графічних методів передбачає тривалу, напружену працю, але й сприяє значному полегшенню у вивченні будь-якого шкільного предмету. Правильна організація навчання, зокрема відсутність обмежень в часі, ясність і прозорість у спільній роботі вчителя та учнів, ефективно вирішення дидактичних задач за допомогою таких засобів навчання, як листи опорних сигналів, уможливило повне засвоєння обов'язкового навчального матеріалу абсолютною більшістю школярів. Цей досвід потребує цілісного дослідження та актуалізації на сучасному етапі модернізації української системи освіти.

Література:

1. Фридман Л. М. Педагогический опыт глазами психолога : книга для учителя / Л. М. Фридман. – М. : Просвещение, 1987. – 224 с.
2. Шевченко С. Д. Школьный урок : как научить каждого / С. Д. Шевченко. – М. : Просвещение, 1991. – 175 с.

Скворцова С. В.

ПОНЯТИЕ «МЕТОД ОБУЧЕНИЯ» В ПЕДАГОГИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понятие «метод обучения» является одним из ключевых в педагогике. Ряд зарубежных ученых упоминают в своих работах проблему метода обучения и подчеркивают особую сложность трактовки данного понятия. Сложность во многом вызвана отсутствием в зарубежной педагогике должного количества работ по теории образования, и их практический характер.

Некоторые современные британские исследователи теории обучения утверждают, что долгое время в Великобритании педагогику не принято было считать наукой с ее терминологией, законами и принципами, а лишь сводом рекомендаций для деятельности учителя в процессе обучения. В начале XX века большинство толковых словарей английского языка трактовали понятие «обучение» как «предоставление инструкций и внедрение знаний», подразумевая под «инструкциями» «процесс по снабжению обучающихся знаниями и информацией, особенно с помощью системного метода» [1, с. 1].

В первой половине XX века в Великобритании обучение проходило в рамках прямого подхода. На уроках широко практиковались упражнения на зазубривание, основным источником информации являлся учебник. Способам приобретения знаний и самостоятельной работе с информацией не уделялось внимание, имело место большое количество прямых инструкций. Как правило, урок представлял собой лекцию и демонстрацию материала, осуществляемую учителем, и последующей работы обучающихся с учебником за партой, по истечении которой учитель собирал тетради и выставял оценки. Лучшим показателем эффективности обучения и выбранных учителем способов передачи знания считалась тишина в классе[1].

До середины XX века многие исследования учебного процесса в Великобритании не затрагивали понятия «метод обучения», так как основной

функцією учителя являлось формування у навчаючихся представлення о цілях і задачах навчання, при тому, цілі зводились к неопосередкованій передачі знання о предметі, а вибір відповідного методу навчання не представляв важливості і вважався очевидним [2, с. 30-31].

К 50-м рокам був розроблений проектний підхід к навчанню, передбачавший включення навчаючихся в спільну групову роботу, направлену на набуття знання о предметі і оволодіння способів самостійного пошуку інформації, однак, багато вчителів виступили протівниками навіть цих змін, заперечуючи необхідність реформування навчального процесу [1].

Продовжителі обговорення позитивних і негативних аспектів реорганізації навчального процесу привели к висновкам о цілесобразності подвійного підходу к навчанню, а саме виділення навчання, орієнтованого на вчителя, і навчання, орієнтованого на ученика. Однак згідно Р. Jarvis, довгі роки останнє практично не використовувалося, хоча, передбачалося в сфері вищої освіти [2, с. 28].

В 60-е роки ХХ століття в школах і коледжах Великої Британії поступово набрав популярність орієнтований на ученика підхід к навчанню, характерний більше для навчання дорослих, в силу існуючого висновку, що діти більш залежні від вчителів, так як схильні приймати все, що говорить вчитель, як непереможну істину, в відміння від дорослих [2, с. 28-29]. В доведення цього висновку вносилися дослідження Н. Bennett і Ф. Galton, підтверджуючі твердження, що більший ефект досягається в формальному навчанні дітей молодшого шкільного віку, в силу їх потреби в чіткому керівництві вчителя, в відміння от більш дорослих навчаючихся, часто критикували вчителів за звернення к ним, як к дітьми [2, с. 29].

В наступні роки поступово почали впроваджуватися інноваційні підходи к навчанню з використанням, так званих, діяльних методів, рекомендованих молодшій школі і використанням нових для того часу технічних засобів, таких, як телебачення і кіно. Вчителі, використовували різноманітні методи навчання і сучасні технічні засоби, відзначали зростаючий інтерес навчаючихся к навчальній діяльності і посилення рівня мотивації к навчанню [1].

Першим педагогом, задумавшимся о сутності поняття «метод навчання» був Е.М. Antony. Його метою стало забезпечення так потрібного в то час розуміння елементів, складаючих процес навчання в їх взаємозв'язку. Е.М. Antony виділив три складові елементи педагогіки: підхід, метод і технологія. Підхід був визначений як «сукупність відповідних переконань, стосуючихся к природі навчального предмета і природі характеру його викладання і вивчення. Підхід, згідно Е.М. Antony, описує, як стоїть вчити навчаючихся тому або іншому навчальному предмету. Підхід к навчанню має визначені установки і філософію» [3, с. 84-85]. Таким чином, відзначає В. Kumaravadivelu, підхід включає теоретичні принципи, лежачі в основі навчання предмету.

Метод визначався як «загальний план детального і послідовного пред'явлення матеріалу, ні один з складових елементів якого не

противоречит другому, и все части которого соответствуют выбранному подходу и базируются на нем. Подход является теоретической основой обучения, в то время как метод – практической» [3, с. 85]. В рамках одного подхода может быть использовано несколько методов. Методы обучения внедряются в процесс обучения посредством определенных приемов. Прием трактуется Е.М. Antony как «определенный трюк, стратегия или задумка, используемая для достижения конкретной задачи обучения» [3, с. 85]. В. Kumaravadivelu отмечает, что в иерархическом смысле подход определяет метод, который состоит из приемов [3, с. 85].

Несмотря на участвовавшие попытки зарубежных педагогов рассмотреть сущность педагогических понятий, пособия по дидактике 70-х годов все еще недостаточно освещали теоретические основы методов обучения, хотя работы по обучению взрослых обучающихся предполагали широкое разнообразие различных методов обучения [2, с. 31].

В 70-е годы имел место так называемый «бум методов», количество методов, появившихся в то время, до сих пор трудно поддается подсчету. Однако, пишет В. Kumaravadivelu, все их можно разделить на предметно-ориентированные, лично ориентированные и ориентированные на процесс обучения методы [3, с. 90]. В связи с появлением большого количества новых методов обучения, сложилось объективное противоречие между широким разнообразием практических рекомендаций к обучению и отсутствием необходимого теоретического освещения проблем учебного процесса [2, с. 29].

В последние 40 лет в Великобритании наблюдается тенденция к изучению эффективности различных подходов к обучению. В настоящее время уместность каждого конкретного метода обучения рассматривается с позиции предполагаемого характера учебной деятельности и индивидуальных особенностей обучающихся [1].

Несмотря на разнообразие методов обучения и их широкое исследование, на данный момент не существует определенного мнения по преимуществам того или иного метода среди остальных. Эффективность метода обучения, согласно Н.G. Unger, зависит от количества обучаемых, способностей обучающихся и мастерства учителя [4, с. 1109].

В настоящее время педагоги-теоретики тесно связывают роль личности учителя с уровнем эффективности применения методов обучения, подчеркивая, что учителю необходимо быть особенно внимательным в выборе методов [5, с. 36-37]. Каждый ученик и каждый учитель уникален, не существует полностью одинаковых учебных ситуаций и отношений учитель-ученик, ни один быстрый и простой метод не гарантирует успеха. Поэтому каждый учитель вырабатывает собственный подход к обучению, базу, на основе которой он сможет выбирать методы и приемы обучения в каждой конкретной ситуации [6, с. 14].

Понятие «метод обучения» трактуется в зарубежной педагогике в настоящее время как совокупность принципов и способов обучения, непосредственно зависящая от вида передаваемой информации или навыков, а также от уровня мотивации обучающихся и их интересов [7], однако, несмотря на большое количество исследований, посвященных проблеме метода обучения, на данный момент не существует единообразной трактовки этого понятия.

Литература:

1. Westwood, P. What Teachers Need to Know about Teaching Methods [Text] / P. Westwood. – Australia: ACER Press, 2008. – 105pp. - ISBN: 9780864319128 (pbk.)
2. Jarvis, P. The Theory and Practice of Teaching [Text] / P.Jarvis. - London and New York: Routledge, 2006. - Second Edition. - 257pp. - ISBN10: 0-415-36524-4, ISBN13: 978-0-415-36524-6
3. Kumaravadivelu, B. Understanding Language Teaching: From Method to Postmethod [Text] / B. Kumaravadivelu. – London: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – 258 pp. - ISBN 0-8058-5176-3, ISBN 0-8058-5676-5
4. Unger, H.G. Encyclopedia of American Education [Text] / H. G. Unger. - Third edition. - Volume 1. - New York, USA: Facts On File, 2007. – 1370 pp. - ISBN-10: 0-8160-6887-9, ISBN-13: 978-0-8160-6887-6
5. Sternberg, R. J. Teaching for Thinking [Text] / R.J. Sternberg, L. Spear-Swerling. - Washington, DC, US: American Psychological Association, 1996. – 163 pp. - ISBN 1-55798-375-5
6. Brown, H.D. Principles of Language Learning and Teaching [Text] / H.Douglas Brown. - Fourth edition. – NY: Addison Wesley Longman, Inc., 2000. – 351pp. – ISBN 0-13017816-0
7. Teaching method [Электронный ресурс]. –2012. - URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Teaching_method(дата обращения: 10.01.2012).

Секція «Теория и методика обучения и воспитания»

Секція «Теорія і методика навчання і виховання»

Горбузова М. С., Соловьева В. В.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С УРОВНЯМИ
СФОРМИРОВАННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УМЕНИЙ
У СТУДЕНТОВ ПЕДВУЗОВ**

Требования к личностным качествам студентов педвузов (самостоятельное пополнение и обновление знаний, самостоятельный поиск необходимого и анализ полученного материала, творческий подход к решению поставленных задач), как отмечает В.В. Сериков [3], являются одними из важнейших в настоящее время в высшей школе. Ориентация учебного процесса на саморазвивающуюся личность делает невозможным процесс обучения без учета индивидуальных особенностей обучаемых. Необходимым является воспитание компетентной личности, ориентированной на будущее, способной решать профессиональные и личные проблемы и задачи, оценивать конкретные ситуации исходя из приобретенного опыта. По нашему мнению, этому процессу может способствовать увеличение доли самостоятельной работы, поиск новых подходов к организации разнообразной самостоятельной деятельности.

Под самостоятельной работой мы понимаем средство вовлечения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность (понимаемую как процесс овладения знаниями, умениями, навыками), средство ее логической и психологической организации, направленное на прочное

усвоение знаний и умений.

Нами выделаны виды самостоятельной работы, используемой в профессиональной подготовке специалистов в вузе: учебная, научная и социальная самостоятельные работы, которые взаимосвязаны и обеспечивают повышение как личностных, так и компетентностных качеств будущего специалиста.

В процессе профессиональной подготовки студентов ведущее место занимает учебная самостоятельная работа, которая может быть представлена следующими формами: приобретение новых знаний, овладение умением самостоятельно приобретать знания; закрепление и уточнение знаний; выработка умения применять знания в решении учебных и практических задач; формирование умений и навыков практического характера; формирование умений творческого характера, умения применять знания в усложненной ситуации.

Самостоятельная работа студента предназначена не только для овладения конкретной дисциплиной, но и для формирования определенных умений и навыков в учебной, научной, профессиональной деятельности, способности принимать на себя ответственность, самостоятельно решать проблему, находить конструктивные решения, выход из кризисной ситуации.

Как отмечают К.Д. Ушинский [4], М.М. Гладышева [1] и др. самостоятельная работа студентов является одним из средств формирования исследовательских умений.

По мнению П.Ю. Романова [2] исследовательские умения представляют собой способность обучающегося эффективно выполнять действия, адекватные содержанию каждого уровня системы образования по решению возникшей перед ним задачи в соответствии с логикой научного исследования, на основе имеющихся знаний и умений, тем самым поддерживает способность обучающегося выполнять учебные действия.

Учитывая специфику деятельности будущего учителя, мы выделяем следующие группы исследовательских умений: операционные (репродуктивные и продуктивные), прогностические, контрольно-оценочные умения.

В нашей работе [5] нами представлен материал по выделению критериев сформированности исследовательских умений у будущих учителей: 1) информационный – показателем его выступает целостность знаний об исследовательских умениях у будущих учителей информатики, знание состава исследовательских умений, осознание студентами роли дисциплины в формировании исследовательских умений; 2) мотивационно-ценностный критерий – сформированность ценностного отношения к исследовательским умениям; заинтересованность в овладении группами исследовательских умений; способность к оценке и прогнозированию своих исследовательских умений в профессиональной деятельности; 3) операционно-деятельностный – владение будущими учителями группами исследовательских умений.

Обозначенные критерии и показатели позволили выделить нам уровни сформированности исследовательских умений у будущих учителей: низкий, средний, высокий.

Низкий уровень. Умения студентов развиты в восприятии и осмыслении готовой информации по предписанию обучаемых (составить план, конспект, решить задачу по образцу), в выполнении упражнений и опытов по готовым алгоритмам в стандартной ситуации. В новых условиях или ситуациях наблюдается появление пассивности. Показывают шаблонность в учебной в учебной исследовательской деятельности, которая характеризуется также наличием избыточных действий, нерациональных приемов при выполнении заданий (выполнение отдельных операций без определенной последовательности). Из совокупности исследовательских умений частично развиты лишь операционные, а именно репродуктивные. Данный уровень характеризуется тем, что у таких студентов преобладает внешняя по отношению к учению мотивация: мотивы избегания неприятностей и узколичностные мотивы (стремление получить хорошие отметки, желание занять достойное место среди одноклассников). Они не проявляют явного интереса ни к одному предмету в вузе. Какая-либо любознательность отсутствует не только в учебной, но и во внеучебной деятельности. Знания формальные, не связанные с жизненным опытом.

Обычно такие студенты имеют неадекватную самооценку: завышенную или заниженную. Также студенты либо очень самоуверенны, либо, наоборот, чересчур робки и застенчивы.

Однако, накопление фактов использования знаний в заинтересовавшей их области, умений решать проблемные задачи, навыков самостоятельной деятельности, например, при подготовке выступлений и докладов на конкретную тему постепенно приводит к качественным изменениям их исследовательских умений. Они могут проявлять ситуативную заинтересованность в результатах своей деятельности, становятся более требовательны к оценке своих знаний.

В качестве средства перехода на следующий уровень сформированности исследовательских умений целесообразно использовать приобретение новых знаний, овладение умением самостоятельно приобретать знания, закрепление и уточнение знаний, как формы самостоятельной работы.

Средний уровень. У студентов выработан алгоритм выполнения действий, входящих в состав исследовательских умений; порядок выполнения всех требуемых операций, из которых они слагаются, хорошо продуман, но сами действия недостаточно осознанны. В связи с этим умения осуществляются под руководством преподавателя (или по его инструкциям) и требуют пошагового самоконтроля.

Студенты способны анализировать результаты опытов и наблюдений, но у них слабо развита способность к предвосхищению и прогнозированию результатов деятельности. Таким образом, из совокупности исследовательских умений хорошо развиты операционные; частично сформированы прогностические умения; плохо прослеживаются контрольно-оценочные.

Глубина знаний по предмету на данном уровне сформированности исследовательских умений зависит от интереса к предмету. В связи с этим уровень сформированности исследовательских умений «разбит» на две части. В большинстве случаев студент способен применять знания и умения

лишь в знакомых ситуациях (обязательно наличие конкретного алгоритма деятельности), самостоятельность применять знания в измененной ситуации, но в нестандартной может растеряться, так студент до конца уверен в своих способностях. Восприимчив к новым способам учебной работы (семинар, конференция), но только по предпочитаемым предметам, темам.

Самооценка таких студентов, в основном, адекватная, хотя в предпочитаемых учебных дисциплинах может быть завышена.

Накопление опыта самостоятельной познавательной деятельности, знаний, умений решать нестандартные задачи под руководством преподавателя приводит студента к переходу на следующий качественно отличный уровень развития исследовательских умений, который характеризуется успешным применением умений в нестандартных ситуациях.

Мы считаем, что такие формы самостоятельной работы как выработка умения применять знания в решении учебных и практических задач, формирование умений и навыков практического характера необходимо использовать для повышения среднего уровня сформированности исследовательских умений у будущих учителей.

Высокий уровень. Развита умения самостоятельного поиска и формулировки проблемы, выдвижения на основе изученного материала путей ее решения и выбор наиболее рационального пути. Прослеживаются умения поисковой познавательной деятельности, протекающей на основе изученного материала и привлечения дополнительных источников: умения доказательно дискутировать, умения разрабатывать и использовать оригинальные способы решения задач в разнообразных ситуациях, результативно используется весь комплекс исследовательских умений.

Знания студента глубокие, осознанные. Он умеет применять их в любой, даже координальной ситуации, видя в любой деятельности возможность для самоутверждения и самореализации.

Учебная деятельность студента этого уровня внутренне мотивирована: собственное развитие в процессе учения, познание нового, неизвестного. Наблюдается устойчивый интерес к учебным действиям. Его занимает сам процесс познания, а не конечный результат. Деятельность характеризуется творческой активностью, которая предполагает стремление к теоретическому осмыслению знания, самостоятельному поиску решения проблем, проявление познавательных интересов.

Студент этого уровня уверен в себе, в своих способностях, в своих решениях. Он способен понять и осознать в развитии свои мысли, действия, поступки, развит прогностический самоконтроль. Самооценка высокая, адекватная.

Успешный перенос усвоенных умений в нестандартных ситуациях и самостоятельная постановка проблемы – главные качественные характеристики студента данного уровня. Так же качественно новым является умение самостоятельно формулировать цель и гипотезу опыта (методом мысленного анализа), умение самостоятельно спланировать ход опыта, подобрать необходимые для него приборы и материалы, произвести

измерения и наблюдения в соответствии с планом опыта, математическую обработку результатов измерения, их анализ и сформировывать выводы из опыта; более высокий уровень обобщения понятия об эксперименте и свернутость мыслительных операций, выполняемых в процессе измерений и наблюдений. Студенты владеют умением самостоятельно осознанно выполнять все операции в их рациональной последовательности.

По нашему мнению, высокий уровень сформированности исследовательских умений предполагает использование в качестве форм самостоятельной работы формирование умений творческого характера и умения применять знания в усложненной ситуации.

Таким образом, в качестве форм самостоятельной работы для повышения низкого уровня сформированности исследовательских умений целесообразно использовать приобретение новых знаний, овладение умением самостоятельно приобретать знания, закрепление и уточнение знаний, для повышения среднего уровня - выработка умений применять знания в решении учебных и практических задач, формирование умений и навыков практического характера, для высокого - формирование умений творческого характера и умения применять знания в усложненной ситуации.

Литература:

1. Гладышева М.М. Формирование исследовательских компетенций студентов в процессе самостоятельной учебной работы в техническом вузе / М.М. Гладышева, В.Д. Тутарова, А.В. Польщиков // Высшее образование сегодня. – 2010. – №3. – С.24-26. – Библиогр.: с.26 (1 назв.).

2. Романов П. Ю. Формирование исследовательских умений обучающихся в системе непрерывного педагогического образования : дис. на соискание научн. степени д-ра пед. наук : 13.00.08 / П. Ю. Романов. – Магнитогорск, 2003. – 385 с.

3. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. – М.Ж Издательская корпорация “Логос”, 1999

4. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. /АПИ СССР. – М. : Педагогика, 1988.

5. Шишкина М.С., Ильин В.В., Смыковская Т.К. Анализ практики формирования исследовательских умений у будущих учителей информатики [Текст] / М.С. Шишкина, В.В. Ильин, Т.К. Смыковская // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования) / под ред. д-ра пед. наук, проф. Г.А. Бокаревой. – Калининград: изд-во «БГАРФ», 2011. - №3(17). – С.51-54.

Відомості про авторів / Сведения об авторах

Аблаев Эдем Аджиевич, доктор педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук РФ, заведующий кафедрой филологии Крымского гуманитарного университета.

Абрамова Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Ульяновский государственный педагогический университет.

Антонов Олег Владимирович, аспирант кафедры философии и социологии, ГУ «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д. Ушинского».

Баснаева А.С., соискатель кафедры педагогики, КГУ, г. Ялта.

Бахтиярова Халидахон Шамшитдинівна, кандидат, педагогічних наук, професор, м. Київ

Бодрухин Володимир Миколайович, доктор історичних наук, професор кафедри історії України, Державний заклад «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Брацун Інна Леонідівна, аспірант кафедри філософії, Черкаський державний технологічний університет.

Вербицкая Варвара Валерьевна, аспирантка кафедры международных отношений, ДНУ им. О.Гончара.

Вознюк Євгенія Василівна, кандидат політичних наук, старший викладач кафедри країнознавства і міжнародних відносин, Східноєвропейський національний університет ім. Лесі Українки.

Гайкалова Наталія Володимирівна, магістрант Інституту історії, міжнародних відносин та соціально-політичних наук, Луганський національний університет імені Тараса Шевченка.

Герашенко Лариса Леонидовна, доктор философских наук, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова.

Гінчук Олександр Валентинович, студент факультету міжнародних відносин, Східноєвропейський національний університет ім. Лесі Українки.

Гнатюк Тетяна Олегівна, кандидат політичних наук, Інститут демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи Національної академії наук України.

Горбузова Марина Сергеевна, кафедра математики и информатики, Волгоградский государственный медицинский университет.

Гримайлова Полина, студентка 2-го курса кафедры политологии, ДНУ им. О.Гончара.

Джилавян Ашот Саркисович, аспирант кафедры международных отношений, ДНУ им. О.Гончара.

Домнич Светлана Павловна, старший преподаватель кафедры языковой подготовки Центра международного образования, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина.

Дубініна Віра Олександрівна, ассистент кафедри філософії, соціально-політичних і правових наук, ГВУЗ «Донбаский государственный педагогический университет».

Ефимова Антонина Николаевна, старший преподаватель, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева

Златина Мария Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Ибрагимова Зарема Хасановна, кандидат исторических наук, ЦИЦАК ИВ РАН

Карчава Ольга Витальевна, преподаватель, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева

Килимник Евгений Витальевич, доктор искусствоведения, доцент, Уральский институт бизнеса.

Кириллова Дарья Сергеевна, аспирант, Дальневосточный Федеральный университет.

Кириллова Елена Александровна, магистр, преподаватель ГБОУ СПО МО «Балашихинский промышленно экономический колледж», соискатель отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Коваленко Иван Павлович, PhD-Student, Humboldt-Universität zu Berlin.

Ковалець Маріанна Сергіївна, аспірантка 1-го року навчання кафедри філософії, ДНУ ім. О.Гончара.

Константинова Віра Андріївна, аспірант Маріупольського державного університету.

Короткова Маргарита, студентка 2-го курса кафедры политологии, ДНУ ім. О.Гончара

Корупятник Ирина Валериевна, аспирант 2-го года обучения кафедры философии, Криворожский педагогический институт ГВУЗ «КНУ».

Кузеванов Виталий Максимович, старший научный сотрудник, Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры.

Левченкова Ольга Борисовна, кандидат философских наук, доцент, ЛГУВД имени Э.А. Дидоренко, г. Луганск.

Ляшко Анастасія Євгенівна, аспірантка кафедри політології, Донецький національний університет.

Мальшев Владимир Сергеевич, доктор искусствоведения, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова.

Манякин Леонид Владимирович, аспирант ЦИЦАК ИВ РАН, исполнительный директор переводческого бюро «ALL RIGHT» (Астана, Казахстан).

Маркова Ольга, студентка 2-го курса кафедры политологии, ДНУ ім. О. Гончара.

Мельниченко Анастасія Миколаївна, магістрант кафедри історії України, Державний заклад «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Москальова Ольга Іванівна, старший викладач кафедри математики, ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет».

Николаева-Чинарова Алевтина Петровна, доктор философских наук, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова.

Новоскольцев Геннадій, кандидат політичних наук, доцент кафедри політології та правознавства, Луганський національний університет імені Тараса Шевченка.

Новоскольцева Людмила Олександрівна, кандидат політичних наук, доцент кафедри політології та правознавства, Луганський національний університет імені Тараса Шевченка.

Павленко Игор Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Государственный ВУЗ «Национальный горный университет», г. Днепропетровск

Писаний Денис Михайлович, кандидат історичних наук, кафедра

всесвітньої історії та міжнародних відносин, Луганський національний університет імені Тараса Шевченка.

Роботягова Ірина Володимирівна, кандидат політичних наук, Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна.

Радченко Наталія Миколаївна, кандидат історичних наук, докторант кафедри політології та правознавства, Державний заклад «Луганський національний університет ім. Тараса Шевченка».

Рубжанский Сергей Иванович, священнослужитель Белгородской Митрополии.

Рязанцев Алексей Анатольевич, кандидат философских наук, преподаватель кафедры продюсерского мастерства и менеджмента, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова.

Савич Анжеліки Вікторівни, старший викладач кафедри історії та українознавства, Національна металургійна академія України, м. Дніпропетровськ.

Самченко Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор Красоярский государственный аграрный университет.

Сирота Наум Михайлович, доктор политических наук, профессор кафедры истории и философии, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург

Скворцова Светлана Валерьевна, ассистент кафедры германистики и лингводидактики, ФГУ ВПО Ульяновский Государственный Педагогический Университет имени И.Н. Ульянова.

Сладнева Ольга Геннадіївна, аспірант кафедри філософії та політології, Національна металургійна академія України, м. Дніпропетровськ.

Соловьев Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет.

Соловьёва Виктория Валерьевна, кафедра физики, Волгоградский государственный медицинский университет.

Сорокина Елена Евгеньевна, кандидат педагогических наук, кафедра истории и философии, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург.

Стовець Олександр Васильович, кандидат філософських наук, старший викладач кафедри цивільного і трудового права, заступник декана ЮФ з наукової та міжнародної роботи, Одеський національний морський університет.

Сухина Игорь Григорьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философских и правовых дисциплин, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского.

Чаплыгин Петр Викторович, студент юридического факультета, Курский государственный университет.

Черновол Любов Іванівни, старший викладач кафедри історії та українознавства, Національна металургійна академія України, м. Дніпропетровськ.

Шумський Леонід Миколайович, Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна.

Щербатюк Дар'я Валеріївна, аспірант Луганського національного університету імені Тараса Шевченка.

Наукове видання

«Сучасні соціально-гуманітарні дискурси»

**Матеріали IV Всеукраїнської наукової конференції з
міжнародною участю**

ЧАСТИНА I

Українською та російською мовами

Редактор Пащенко В.І.

Підписано до друку 30.03.2014 Формат 60x84/16. Папір
друкарський.

Друк різнографічний. Гарнітура Times New Romans.

Ум друк арк. 9,8. Обл. – вид. арк. 14,45.

Тираж 300 прим. Зам. №

Видавництво «Інновація»

49006, м. Дніпропетровськ, вул. Свердлова, 70

Свідоцтво про внесення до Державного Реєстру

ДК № 1761 від 22.04.2004 р.

т/ф 36-02-81

e-mail: innovaciya@list.ru